

ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ

2161-2162

ИЛҮРЯ ПАНЕНШИД

18+

Илья Витальевич Паненшин

Дождевые черви: 2161-2162

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22301245

SelfPub; 2023

Аннотация

Классическая постапокалиптика. Художественная редакция дневника жителя страшной эпохи. Своего рода бортовой журнал, являющийся средством связи погибших с живыми. Герой – одиночка поневоле. Его окружают и люди и события, но он не может определить себя к конкретному сообществу и в меру сложившихся обстоятельств, внутренних убеждений и инстинкта самосохранения стремится вперед в неизвестность.

Илья Паненшин

Дождевые черви: 2161-2162

Илья Паненшин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ 2161-2162

дущее как развитие настоящего предопределено, если известны компоненты системы и их взаимосвязи

2012г.

ОКТАБРЬ 2161

23 октября 2161г.

Утро. Еще не выспался, но за ночь холод безжалостно овладел моей лачугой и не дает мирно досмотреть сон, заставляя переворачиваться с боку на бок, чтобы согреться.

Звуки с улицы как шпаги пронзают дырявые стены, сколоченные из найденных листов шифера, жестянок и фанеры. Слышно, как перемещающийся по улицам мужской голос объявляет об очередном пятничном собрании поселения, посвященном индивидуальному распорядку трудовой деятельности на следующую неделю. Деления на профессии нет. Конечно, таланты – исключение. Наша община состоит примерно из четырехсот человек. Стариков практически нет, мало кто доживает до пожилого возраста. Постоянные отравления и нагрузки быстро изнашивают организм. Ободрив себя хлопками ладоней по давно не бритым щекам, я отправился к площади.

Солнечные лучи приводят тело в тонус, прогревая спину, словно теплой ладонью женщины. Всего несколько прямых и нешироких улочек разделяют ряды уродливых хижин. Все постройки собраны из подручных материалов, друг от друга

ничем не отличаются, и от порывистого ветра все эти конструкции наполняют пустые улицы дребезжанием и скрежежетом.

Приближаясь к площади, я стал разборчиво слышать речь нашего мэра, говорившего в облезший ручной мегафон. Позади него сидит вспотевший жилистый мужчина и крутит рычаг генератора. Топлива давно нет, электроэнергия добывается мышечной силой от генераторов с восстановленными аккумуляторами ужасного качества, заряда которых еле хватает, чтобы отдохнуть. Короче говоря, судя по имеющимся научно-историческим книгам, живем достижениями девятнадцатого века, фундаментальными и несокрушимыми. Все технологичное грудой металлолома обреченно тaitся на складах.

Наш мэр – человек действительно деловой. После смерти жены уверенно и жестко взял бразды правления в свои руки. Обращает внимание на незначительные детали, но именно благодаря им сохраняется прогресс в развитии общины. Он в возрасте, средних размеров, без особых отличительных черт, если не считать густые, толстые брови. Постоянно ходит в длинном плаще из кусков черной, как уголь, собачей шкуры, сбрасывая ее только в самый жаркий день.

– Уважаемые жители! Мы с Вами хорошо работаем и не теряем темпов роста поселения Чистая земля, а наша численность – это наша безопасность перед лицом возможного врага. Со дня основания образовалось множество семей,

которые обзавелись детьми, подрастающими день за днем, а матери вынашивают им братьев и сестер!

Для успешного пропитания необходимо увеличить производительность плантаций. Собирается группа стрелков для сопровождения рабочих, которые отправятся добывать и транспортировать чистую землю из шахт на востоке, а также группа техников для сборки ярусных площадок рассады. Мы все еще не можем позволить себе безгранично расширять площадь плантаций из-за отсутствия должного количества дозорных на границе. Но мы обязаны привозить свежую землю для будущей обработки в течение года. Как вы опять же знаете, нам удалось добиться стабильности в выращивании картофеля. Привезенная пару лет назад земля стала плодородней, но ее мало.

Также объявляю всем, кто выходит за границы города, по возможности ищите свалки, брошенные машины, любые материалы и запоминайте, как до них добраться! Знаю, есть смельчаки, желающие организовать поход в Тихий город, но лично я не сильно поддерживаю затею: эти руины теперь принадлежат не человеку, а потери среди населения сейчас крайне нежелательны.

Еще необходимо соорудить ночную накопительную емкость для питьевой воды. Иначе мы так и не решим проблему очередей к роднику, питающему нас с вами здоровой водой! А она, как вы знаете, в больших объемах расходуется на поливы плантаций. Землепроходцы говорят, что на севе-

ро-западе, на границе Тихого города, есть нужная нам конструкция – сохранившаяся водонапорная башня. Требуется только много людей и усилий, чтобы ее транспортировать к нам.

Я снова выбрал работу сопровождающего. Это намного интереснее, хоть и опаснее остальной деятельности: можно посмотреть, как живет мертвая земля после войны. Живет мертвая земля? Интересное сочетание.

Но, несмотря на стабильность, внутри меня томится желание, чтобы, наконец, что-то случилось. Мэр беспокоится о нашем будущем, организует наше существование, но своего рода мамина забота не по мне. Бесконечную животную деятельность по пропитанию и размножению разбавляют только вылазки на разведку, охоту или сопровождение.

Помню, несколько лет назад я был в составе небольшой группы. Не существовало Чистых земель, мы жили на окраине Тихого города и, мародерствуя на брошенных улицах, вступали в схватки с приходящими недругами. Всем нам хватало провизии и различных материалов. Затем с востока пришли люди, предложили положить начало новой цивилизации, попробовать что-то строить. Мы согласились и теперь влачим свое существование тут. У нас общий источник воды, за которой стоим часами, подменяя друг друга.

Все поделено поровну, все заняты, у всех есть свободное время. Да, мы растем, да, нам безопасно вместе. Но в душе живет ощущение, что это не мое, не родное. Даже пустошь

стала безопаснее по сравнению с прошлыми годами. Мы уже не слышим историй о нападении людей друг на друга. Я думаю, самое время для дальней разведывательной деятельности, но мэр имеет свое мнение о наших перспективах. И так много лет. Раньше даже не могли спокойно покинуть лагерь, дежурили каждую ночь, отстреливали, закалывали зверей, полюбивших человеческую плоть, как мы – животную.

24 октября 2161г.

Очередной день проклятой эпохи. Нужно сходить на склад, чтобы получить казенную амуницию и припасы. По пути вспоминаю рассказы о войне, дошедшие до нашего времени. Отцы отцов рассказывают, что началось все с Ближнего Востока. Религиозная вражда и борьба за исторические земли поглотили умы. Энергетический кризис преумножил агрессию и оказался точкой невозврата.

Известно об ужасных терактах по всем уголкам мира с применением оружия массового поражения. Страны подставляли друг друга и объявляли войны тем, кто не был причастен к спектаклю. В конечном итоге никому не было дела до бумажных игр с запрещенным вооружением, в ход пошли ядерные ракеты и водородные бомбы, распыление отравляющих и инфекционных веществ. Ряд стран охватили пандемии, другие были вывернуты наизнанку, третьи на века отравлены. Прибрежные районы смыты искусственными цунами от подводных ядерных взрывов. Миром будто овладел

дьявол, то мифическое существо из их книг... Бесмысленная война...

Прошло полтора века. Полтора медленных, будто старчески предсмертных века. Нам с регионом не очень повезло: поредевшая популяция уже упомянутого дикого зверя в очередной раз стала расти, на юге обнаружили непроходимые ядовитые болота, на западе расположен непроходимый Тихий город, про который с недавних пор особо не распространяются наши власти, опасаясь азартных вылазок. А дальше пустошь. Мертвая, бездушная земля.

Подходя к складу, решил заглянуть в наш «Бартер» – достаточно аккуратный пристрой к основному зданию склада. Поселенцы и редкие путники оставляют здесь ценные вещи в обмен на припасы. На железных стеллажах располагаются разного рода самодельные винтовки и арбалеты, непонятные устройства с кучей цветных проводов, всевозможные мачете, топоры и кастеты. Пыль на всех поверхностях свидетельствует о небрежности в ведении дел, а общая картина помещения своим покинутым и неподвижным состоянием производит впечатление заброшенности. Кажется, будто время замерло. Правда, так оно и есть в какой-то степени.

– Доброго здоровья, Николай Иванович! – поприветствовал я нашего пухлого морщинистого старика с большим носом. Он постоянно пьет какую-то гадость собственного производства, и, похоже, его здоровью уже не страшны никакие напасти. – Что есть у тебя новенького? Заходил кто в наши

края? Может, еще и какие новости рассказывали?

– И тебе не хворать. Будешь? – протянул он мне бутылку из грубого стекла с темной вязкой жидкостью внутри, но я отказался. – Ну, как хочешь, плохого никогда не посоветую, на возьми, положи себе, пригодится!

Я неохотно согласился, бросив совсем маленькую самодельную фляжку в сумку.

– Был тут один товарищ, заходил, да...

Старик приложился к бутылке:

– Ах, хорошо... Просил едой рюкзак набить, в обмен предложил всякого, да...

Он еще раз выпил своего непонятного отвара и повел меня в подсобное помещение.

На сколоченном из необработанных, просохших досок столе лежит несколько вещей. Лучи солнца пробиваются через щели в стенах, высвечивая летающие в воздухе пылинки и согревая участки одежды на теле.

– Присаживайся...

Мы сели на табуретки.

– Вот, смотри, хорошая и редчайшая вещица – пистолет Стечкина в хорошем состоянии и коробка патронов к нему, даже расщедрился боезапасом и проверил: стреляет и очередями, и одиночными, проблем вообще не было! Очень уж он не хотел его отдавать, подмечу я, но просил консервы разные, что ж я за такие вещи с него не возьму ничего?! А ты сам знаешь, что консервы сейчас редкость и большая цен-

ность! – будто с долей оправдания произнес Николай Иванович. – Вот еще есть – глушилка радиоэфира, полезная вещь, когда ты один, чтобы противнику обрезать координацию, только в наших краях не пригодится точно. Потом вот какую-то фигню принесли с северо-востока, говорят, случайно нашли, на земле валялась. Я, если честно, не понял, что это такое, но взял в довесок. Отдам тебе по старой дружбе просто так! – он передал металлический предмет, внешне похожий на коробок спичек с тремя круглыми металлическими клепками с одной стороны и каким-то номером с буквами на корпусе. – Велосипед не отдам, его велено главному механику в ремонт передать, – заторопился он, отодвигая стоящий рядом разбитый двухколесный велосипед в сторону.

Я попросил отложить на недельку АПС, коробку патронов 9x18мм в обмен на мой наган с расточкой камор под патрон 7,62x25 и пару любых ценных трофеев или находок, если будут с предстоящего похода. Металлический непонятный предмет я кинул во внутренний карман куртки. Если уж не найдется применения, то, может, хоть сердце спасет от пули.

– Пройду? – я указал пальцем на дверь между складом и подсобкой с наивной надписью «Проход запрещен».

– Да иди, иди... – махнув рукой, пробурчал Николай Иванович. – Устроят тут проходной двор!

На складе я подошел к заведующему и показал выданный мне жетон стрелка. По-моему, это несколько сильно спрес-

сованных и теперь неделимых консервных банок. На всей этой жестяной массе выбито: «Чистые земли. Стрелок №4». Это означает, что мне положен комплект из самодельного карабина, на котором, возможно, даже антабок нет, и ружье придется доработать самостоятельно; боезапас сомнительных патронов, клепанный железными пластинами жилет, спички, пакет продуктов с крайне скромным расчетом примерно на неделю. Медикаментов нет, только перевязки, щипцы, чтобы пулю достать, и ужасно жгучие присыпки – кровь остановить.

На обратном пути я увидел уже давно сидящего у двери своего дома мужчину в годах, задумчиво играющего тоскливую мелодию на залатанной гитаре со смольным узором по обечайке. Ловко перебирая пальцами ржавые струны, он невольно медленно покачивает головой, уставившись взглядом в земляную пыль вокруг распухших ног. Земля, хоть и совсем немного, но превышает норму излучения, что с возрастом вызывает заболевания.

Совершенно нечего делать между вылазками. На соседней улице есть здание найденных настольных игр, где каждый желающий может провести время. Но желающих так много, что я даже не записываюсь в очередь.

26 октября 2161г.

Понедельник. К «5:00» со всем необходимым мы собираемся у главных ворот, чтобы погрузиться в широкие телеги, запряженные мулами. Всего шестнадцать человек, четверо

из которых вооружены, а остальные просто рабочие для добычи ценнейшего для нас ресурса – неотравленной земли. Совместно с нашим родником она позволяет нам быть автономным населенным пунктом, независимым от внешних условий. Зим у нас не бывает, климат стабильный, с холодными ветрами и горячим солнцем.

Мятые железные ворота защищает грубо собранная деревянная дозорная вышка со стрелком, часто вдоль заграждений возведены подъемы для дополнительных стрелковых мест. Сами заграждения построены по всей длине границы города. Они представляют собой распиленные кузова уничтоженных войной автомобилей, приволоченные откуда-то перекрытия зданий, вкопанные в землю, и камни. Это пережитки прошлых лет со стычками и перестрелками. Против дикого зверя можно принимать и менее затратные меры безопасности.

– Ну что, грузимся и на восток через мертвую зону к шахтам! – бодрой речью поднимает народ Купчин Сергей, наш старшина и матерый знаток поведения в мертвой зоне. – Копья погрузить в телегу не забудьте!!! Мало ли что с боепасом случится в пути, а так хоть что-то! К тому же дикие собаки на странность хорошо приспособились в пустошах за этот год, похоже, нашли, чем свободно питаться, их популяция крайне быстро растет!

Под четкие команды старшины мы быстро организовались и двинулись в путь. Сергей коренастый и проворный.

Будучи мятым, скуластым, с потемневшей кожей и шрамами, выглядит достаточно brutальным, чтобы без вопросов относиться к нему с уважением, как к опытному бойцу.

Редкие лысые почерневшие деревья тоскливо провожают нас в путь. Разбитая дорога пролегает по пустой, некогда лесостепной земле. Красное утреннее солнце освещает окружающую всеобщую умиротворенность, вытягивая по серой пустыне тени от опор разбитых линий электропередач, еще не демонтированных под строительство каких-нибудь более полезных конструкций. Холодный ветер треплет на людях лоскуты тряпок и пробирает невольной дрожью.

Помню, видел книжки у Николая Ивановича с картинками зеленых деревьев или ухоженных человеческими руками полей зерновых. Сейчас это все называется просто «мертвая зона» или «пустыня», местами появляется какая-то мелкая растительность в виде странной травы, кустарника, но общей картины безжизненности земель это не меняет. Правда, насчет последнего утверждения можно еще и поспорить. Столько разных баек про странных животных ходит, не знаю уж верить или нет, но ненормальность в животном мире – это ежедневный факт.

Город уходит ближе к линии горизонта, мулы терпеливо, склонив головы, тащат скрипучие повозки. Этих животных мы недавно выменивали на всевозможные ценности на северо-востоке у одного добрейшего старика, души не чаявшего в приеме гостей. Всегда поил своим душистым отва-

ром, состав которого никто не знал. Сейчас же разводим мулов самостоятельно, забрав после его смерти всех жеребцов и ослиц. Если бы не они, то все наше успешное развитие двигалось бы в несколько раз медленнее, а в упряжках были бы люди. Может быть, где-то прямо сейчас процветает человеческое рабство.

Ночь на 27 октября 2161.

Пришло время разбить лагерь, чтобы переночевать. Выбрали место возле большого валуна. Спальные места – это не что иное, как сами телеги, рядом с ними разбили костер и разделили дежурство по парам по четыре часа. Одного посадили на валун, второго разместили у мулов на случай, если они чего-то испугаются.

Мое дежурство выпало на вторую половину ночи. Я укутался разными тряпками и приготовился ко сну. Меня начали посещать мысли о других городах и поселениях: ведут ли они такой же образ жизни как мы, решают ли те же вопросы? Или, может, уже есть уголок жизни с развитой инфраструктурой, как до войны у наших дедов? Уверен: сейчас по всей планете коммуникация так же сильно затруднена, как и у нас. А в некоторых случаях и вовсе отсутствует. Но из-за своего оседлого образа жизни мы не располагаем никакими данными. Может быть, пройдет время и нас обнаружит как дикое племя какая-нибудь развитая цивилизация.

Сведения о внешнем мире мы получаем из наших вылазок и рассказов путников, которые, например, сообщили о

том, что есть поселения на севере. Однако никто особо не рассказывает, как обстоят дела друг у друга, никто не называет точные пути прохода: все опасаются рейдерства на свои города. А если нужно совершить какую-то операцию, то для этого есть те самые странники, знающие дороги. Этим они и живут, зарабатывая на жизнь. Но как же быть с южными районами? Они отрезаны от нас токсичными болотами и горами, покрытыми лесом. От баек об этих местах мурашки по коже. Говорят, их еще ни один человек не пересек. Но, с другой стороны, об этом точно говорить нельзя, ведь никто просто не вернулся обратно. А может быть, он остался по ту сторону? Остался в лучших условиях, чем у нас? Ведь должно же за столько лет после войны возрождаться общество, образовываться государства или содружества...

– Просыпайся! Давай! – я вскочил от голоса Купчина. – Принимай пост, теперь ты старший по дежурству, будь осторожен, там прямо за бугром метрах в двухстах, – показывал он пальцем, – где пара кустов торчит, несколько раз лай слышал. Если что, стреляй, не стесняйся, сам знаешь – они часто пугливые и от первого выстрела разбегутся.

Я разбудил своего напарника Василия, он посадил меня на валун, а сам уселся на земле.

– Вась, подай тряпок, камень холодный, не насидишься на нем, – попросил я.

Костер уже затухает, и Василий закапывает в тлеющие угли немного картофеля и флягу. Вокруг какая-то густая ти-

шина, даже ветер затих. Говорят, раньше ночью мир был охвачен целым квартетом разных звуков, а в городах, таких как у нас на западе, руины которых манят наши умы и взгляды, жизнь лилась одинаково что днем, что ночью. Сейчас же туда сунуться за припасами, как раньше, не в силу даже группе людей. Какой-то злой зверь поселился или стая, из теней совсем не показывается, а как ночь придет, так нет спасения. Все уголки, докуда добраться можно без ночлега, уже подверглись нашему мародерству, а дальше них дорога в один конец.

– Как ты думаешь, нам когда-нибудь удастся узнать, что там за болотами на юге? – завел я беседу с Васей.

– Да ты знаешь, вот в воскресенье, пока ты весь день дрых в своей берлоге, был у нас мужик один, уже немолодой, видно, что потертый зоной, морщинистый весь, и кожа как будто уже не отмывается от пепла и пыли. Так вот он говорит, что обошел города, местечки. А безопасные пути, что нашел, нанес на карту, которую сам же нарисовал. Описал, где и как можно пройти, и мэру нашему принес. Потом пойдет карты эти раздавать, мол, способствует коммуникации и созданию караванных путей...

– Ну и? – подгоняю я. – Что, так все места прямо там и указаны? Ха, что, всю планету обошел старик? – невольно ухмыльнулся я.

– Ну, ты слушай. Не старик он, просто поседевший слегка и тертый как калач. Говорит, поселений в округе всего три,

ну и так, одинокая группировка. И говорит, что все мы недалеко друг от друга находимся, в принципе, несколько дней пути на механическом транспорте, только боимся выходить в зону и экипировки на всех не хватает, несмотря на то, что небольшое производство самодельного оружия налажено и у нас, и в каком-то Мирном на севере. И, короче, не только на юге, у нас под боком болото с полным букетом, да и вообще вокруг всего региона агрессивное кольцо, где яд, где радиация, где лес и зверь дикий.

– Вот дела... То есть отстроится у нас город, у них отстроится, торговать будем, а дальше развиваться так и не сможем? Как в заключении сидим?

– Так вот слушай еще дальше...

Напугав, прямо рядом с камнем раздался свирепый собачий рык, луна блеснула в глазах страшной морды.

– Ах ты, пес!!! – я выстрелил в грязную собаку, и вокруг в темноте все словно метнулось в стороны, спасаясь от раскатистого грохота. Пороховая вспышка несколько ослепила, оставив желтое пятно в глазах. Заскулив, собака отползла на пару метров и упала на бок неподвижная.

– Спите, спите, все хорошо! – успокоил я вскочивших людей, растирая плечо, принявшее отдачу.

Послышался треск генератора электродинамического фонаря. Встревоженный Вася интенсивно сжимает и разжимает ручку механизма. Мы огляделись несколько раз, вокруг невозмутимо тихо. Черное небо застилают облака или тучи,

ночью не разберешь, только там, где небо чистое, луна разливается по пустыне холодным серебром.

– Вась, ну что там дальше-то рассказывай, – заинтересованно спросил я.

– Ох, спокойный ты как камень, на котором сидишь. В общем, еще дальше на востоке, за шахтами, куда мы движемся, есть река. Желто-зеленая вся, такая вонючая, что голова кружится, как вдохнешь. Пересечь бы ее, да тоже ядовитая, но уже не болото.

– Интересно... – протянул я на выдохе.

Вася покивал головой, согласившись. Пятно света от вспышки выстрела медленно рассасывается в глазах. Мы молчим, каждый думая о своем.

27 октября 2161г.

Стало светать. Василий принялся будить отряд. Я начал доставать из углей горячую картошку и железную флягу с чаем и бросать все в толстые тряпки. Не покидая телег, люди принялись завтракать горячим, разгоняя ночной холод. Руками с толстенной, огрубевшей до трещин кожей люди отла-

мывают обжигающие кусочки картофеля. Улавливая из горлышка обернутой фляги горячие чайные колоски поднимающегося пара, я не перестаю обсуждать сам с собой вечные для своего поколения вопросы.

– О чем вы там всю ночь разговаривали? – перебил мою беседу с сознанием Купчин. – Чуть собаки не погрызли.

– Да вот был странник у нас в городе, – ответил я. – Карту поселений нашего региона оставил и сказал, что мы тут в замкнутом кольце живем и не выбраться из него никак.

– Да знаю я все, тоже гулял когда-то, но молчу и не рассказываю. Только уверен, что изолированы мы как бы в одну сторону, понимаешь? Нашел на северо-востоке однажды такую штуку, ну видно, что оружие, а как работает, непонятно! Лежит она в нашем управлении, лучшие наши техники смотрели, но заработать так никто и не заставил. Вы только особо об этом в городе не рассказывайте, пусть народ пока работает и никуда не лезет.

– А это еще почему? – возразил я.

– А что там дальше, ты знаешь? Может, там недруги или еще кто. Видишь, про какую штуку тебе рассказываю, черт-те знает, как она у нас тут оказалась, – сконфуженно начал рассуждать он. – Значит, они в наш регион приходили?! Значит, для них агрессивные среды не проблема?! Это, видишь ли, деликатное дело! Такие вопросы аккуратно нужно выяснять, разведкой, дипломатией, узким кругом лиц. А пока надо, народ чтоб на ноги встал. Ведь всего несколько лет

как цивилизованное общество создали, а то ходили как волки-одиночки по пустыне и друг другу глотки рвали.

– Стоять!!! – с ведущей повозки раздалась команда. – Человеческий труп у дороги! Стрелки, осмотреть!!!

Купчин и напарник, имя которого я что-то и не спросил, осматриваются через мушки винтовок по сторонам. Мы с Васей добежали до бугра справа от дороги, на нем развалился труп мужчины в кожаной длинной куртке, рядом рассыпались вещи из походного рюкзака. Самим трупом явно перекусила не одна собака, если это были они.

– Это же тот странник! – воскликнул Вася, как будто это должно стать великим звеном в разгадке какой-то большой тайны.

– Да неважно, кто это, он мертв, вещи забираем мы, – промямлил я слова, чувствуя себя мародером, хоть в настоящее время это не является преступлением. Да и вообще преступлением ничего не является, когда вопрос лишь один – выжить любой ценой. Страдают только моральные ценности общества.

В вещмешке мы нашли много всякой еды: вяленое мясо, корнеплоды и консервы. Все, что долго хранится, и даже если срок годности давно истек, то еще можно повалить в огне и проглотить. Одежда на мертвце изодрана, во внутреннем кармане я нашел небольшую записную книжку в кожаном переплете и фонарь. Рядом с изглоданной рукой лежит хорошего качества и размера тесак. Правда, Стечкин, обме-

нянный на припасы, уберег бы его лучше, чем эта железка.

Все это мы погрузили в повозку и тронулись дальше.

Открыв книжку, мы увидели зарисовки именно той карты, о которой был разговор прошлой ночью. Схемы участков региона изображены на отдельных страницах, а после каждой из них – описание узнаваемых путей между ними. Все достаточно, даже излишне, детально. На шахтах, куда мыдвигаемся, стоит апостроф и цифра «18», должно быть, это ссылка на страницу. Действительно, на странице 18 начаты какие-то линии. Похоже, странник уже был в шахтах и начал изучать их. Большой надобности в схемах заброшенных шахт я понять не смог, но не просто же так он шел на риск. С обратной стороны книги велись личные записи, напоминающие мой дневник.

– Дай сюда! – грозно потребовал старшина и вырвал из рук находку. – Что-то нам с мэром он только общую карту нарисовал, а остальное то ли утаил, то ли некогда было, торопился куда-то. Хм... Короче, это не твоего ума дело, понял? Мы в городском управлении найдем применение этим записям!

– Да черт с ними, забирай, но вот эту штуку точно не отдам! – с улыбкой ответил я.

Тесак выкован из хорошего металла, время не одолело его, и изготовлен он явно не после войны.

– О, тут даже надпись есть! – я стряхнул землю с лезвия и прочитал: «Тесак морской артиллерии русской армии».

– Оружейных трофеев мне не нужно, – азартно перебил меня Купчин, доставая из кобура на ремне ножик. – Вот! Финка НКВД! Тоже не знай, в чьих руках пережила войну! Конечно, размеры не те, но для меня историческая ценность н-е м-е-н-ь-ш-е, – выговорил он последние слова с особой значимостью, тыча финкой в воздух.

– А что такое «энкавэдэ»? Никогда не слышали! – спросили мы с Васей, не понимая, о чем идет речь.

– Эх вы! Столько книжек раздобыто в нашу читальню, а вы и половины не видели. Запомните, сохранить остатки утраченных знаний – величайшая задача этого века. Гигантское множество технологий утрачено с войной, и живем мы сейчас не лучше, чем собаки, которые хотели нас сожрать ночью, и занимаемся тем же самым, чем и они: едим и плодимся. Да и знание предметов, которые ты встречаешь в незнакомых местах, может спасти тебе жизнь...

Он еще долго поучал нас, что нужно быть аккуратным, внимательным, тратить много времени на изучение окружающего мира, познание нового и полезного, и тогда не станешь замечать тягостей. Мы молча слушали поучения старшего, опустив головы и думая о чем-то своем. Со стороны, наверное, было похоже на то, как отец наставляет сына и уже порядком надоел.

Солнце закатилось за горизонт, мы должны проезжать вполне уцелевшую заправочную станцию. Каждая вторая ночь пути в шахты или обратно в город проводится здесь,

это не столько традиция, сколько отсутствие иных безопасных вариантов.

– Ты и ты, – Сергей указал на меня и моего напарника пальцем, а сам направился к входу в здание, – бегом осмотреться вокруг здания и проверить окна, после вас заходим мы! Пошли! Быстро!!! Один с фонарем, один с винтовкой!

Под бравые выкрики старшины Купчина мы быстро, оглядываясь, обошли вокруг здания. Василий трещал генератором фонаря позади меня, а я всовывался в окна с карабином.

– Никого нет! Пошли, пошли! Мы за вами! – кричу я второй группе.

Сергей с напарником влетели в дверь и так же стали освещать комнату за комнатой, угрожая винтовкой пустым стенам. Подстраховывая, мы бежали следом за ними.

Через пару минут, выходя из здания, дали сигнал остальным, что все спокойно. Все разместились в самой большой комнате на втором этаже с единственным входом, сохранившейся дверью и выходом на крышу через балкон. Костер развели посередине нашей опочивальни на холодном и лысом бетонном полу. Скот загнали в закрываемое помещение на первом этаже без окон, а повозки оставили снаружи.

– Дежури́м по два часа! По одному на крыше или балконе. Следить за телегами у входа в здание! Вход в здание один, все окна первого этажа по ту же сторону! – руководит Сергей.

Над костром уже греются фляги с чаем, каждый закутался во всевозможные тряпки и шкуры. Я первым вызвался дежу-

ритель и разместился на балконе, тут даже стоит старинный деревянный стул с изломанной спинкой. Он весь смотан проволоками, шатается в разные стороны и скрипит, но держится. Балконная решетка, похоже, уже нашла своего нового правообладателя, так что по неаккуратности можно свалиться.

Я уселся на стуле, стараясь не скрипеть, чтобы не мешать отдыхающим. Мои два часа прошли без происшествий, в думах о других регионах, о будущем человечества, о том, что потеряли наши предки и не имеем мы, сколько сил и сколько решений теперь нужно принимать людям, чтобы вернуться хоть на ступень былых высот.

Время очень быстро пролетело. Ко мне подошел следующий дежурный, имя которого я так и не спросил, а теперь как-то уже неудобно. Уставший, я лег на отдающие земляным запахом лохмотья, расстеленные на холодном бетоне.

28 октября 2161г.

Проснулся, когда люди уже собирали свои вещи. Свет от восходящего солнца, падая через центр комнаты прямо на стену, подсвечивает голубые нити поднимающегося тонкими выющимися струйками дыма от углей. Проснувшиеся тени предметов выползают из-под них, томно растягиваясь по полу.

- Сегодня уже будем у шахт.
- Да, к обеду, наверное, доберемся.
- Подай сумку.

Люди общаются между собой, складывая спальники. Их

голоса отражаются от стен и как-то холодно звенят в просыпающемся сознании.

Повозки остались на месте, скот в порядке. Обычно сохранившиеся сооружения – самые безопасные места для ночлега, если только уже не оккупированы недружелюбными хозяевами.

Пока собирался, задумался о том, что мы все обречены без возможности создавать что-то технологическое для дальних путешествий, чтобы пересечь нашу смертельную «границу». А вдруг там, за ней, уже государство, цивилизация бьет ключом, легко справляясь с окружающими недугами.

От мыслей очнулся, увидев перед собой уголок кожаного переплета книги, торчащего из кармана рюкзака старшины. Мы уже долго едем в повозках, а он сидит спиной ко мне, неподвижный, такой же, как и я, погруженный в мысли и задумчиво глядящий за бесконечный горизонт. Почти бессознательно я легким мягким движением вытянул книжку погибшего странника и мгновенно замотал в тряпки.

– Пойду к первой повозке, с мужиками поговорю по поводу графика работы, чтобы завтра утром уже обратно ехать, – обернулся ко мне Купчин.

Я смиренно кивнул головой и сделал вид, что продолжаю смотреть в бесконечность и думать о чем-то.

Как только старшина отошел на достаточное расстояние, я подвинулся ближе к Василию и показал ему книжку.

– Давай читать! – как будто крикнув, прошипел я.

– Не с самого же начала! Листай с конца. Меня замучил вопрос: как это опытный мужик додумался отправиться в шахты в одиночку с одним тесаком?! – прошипел Василий в ответ.

– Да и я о том же думаю, еще и оружие променял на рюкзак еды, которой хватит не меньше, чем на пару недель пути, – ответил я, быстро перебирая пальцами растрепанные листы.

24 октября 2161г. (Дневник странника)

Сегодня ближе к ночи я кое-как добрался до поселения Чистые земли, которое находится на юге региона, если судить относительно центра, который обрисовывается в моей голове. Мой велосипед пришел в негодность после жуткого побега из Тихого города, но в надежде выменять за него припасы донес его на себе.

Понравилась приятная игра на гитаре зрелого мужчины лет сорока, сидящего на земле возле двери в лачугу. Может, он смог бы быть кочевым бардом, если бы не его ноги и неизвестность пустоши. Не стану долго описывать жизнь и быт в городе, он по сути своей ничем не отличается от других двух. Все занимаются тем же самым, только находится он дальше, чем предыдущие друг от друга. Удаленность заметно сказывается на их жадности. За ночлег и рюкзак припасов мне пришлось отдать почти все, что у меня было. Если я не дойду до шахт, то в какой-то мере это будет их

вина.

Отмечу одно: люди здесь не сильно подвижные. О шахтах все знают, но изучать не берутся, только землю оттуда возят на свои плантации.

Спасибо им хотя бы на том, что выручили полезной информацией о южной «границе» региона. Теперь у меня невестелая новость для всех.

С самого раннего утра я отправлюсь к их главному, чтобы зарисовать примерную схему нашей зоны. Может, хоть наладят контакт с соседями и не будут такими скупердяями.

Ну, и расскажу свою новость об обстановке в регионе и о проблеме его границ границ...

– Так, с сутью его записей все ясно, нам нужно то же самое, но по шахтам.

Я быстро начал искать восемнадцатую страницу.

09 октября 2161г. (Дневник странника)

Снова нахожусь на заброшенной животноводческой ферме. Мне необходимо переночевать, очень устал. Южнее, до суток пути, нашел несколько штолен, одни из них свободны для прохода. Поскольку о нормальном освещении там можно не думать, в дневнике записи делать не удавалось. Рядом с шахтами есть несколько одноэтажных длинных зданий, но они кажутся слишком подозрительными для отдыха и ночлега. Даже не могу сейчас этого себе объяснить, почему чувство подозрительности вызывают пустые брошен-

ные здания без явных признаков животного или человеческого присутствия! Но, вытесняемый страхом, ночевал я в полной тьме в тоннелях.

Завтра отправлюсь на запад. Как я писал, туда уходит дорога, по ней смогу ориентироваться. Не рискнул двигаться от шахт в другие стороны: там кругом только пустошь и никаких особых отличительных черт, да и переночевать спокойно, скорее всего, будет негде.

Мне очень повезло подбить собаку, припасы совсем кончились. Сейчас на свежую память, пока она готовится на огне и жир капает во флягу, я зарисую проходы в шахтах и расположение зданий перед штольнями. Я крайне заинтригован ими.

В глубине проходов в небольшом зале нашел железную дорогу, уходящую в узкий, как и все вокруг, тоннель. Жаль, на ней уже не сохранилось ничего, что могло бы двигаться по путям, кто-то уже уволок все себе, или завалило камнями. В следующий раз обязательно вернусь и обследую железку, ведущую к сердцу шахты, там должно быть много всего полезного и технологичного дл...

– Купчин идет... – я спрятал дневник на самое дно своего рюкзака.

– Прибыли почти! – сообщил Сергей, обращая наше внимание на себя.

Мы подъезжаем к горам, густо усеянным высокими деревьями. Они почти лысые, только на самых верхушках про-

бываются редкие вялые листья. В другие вылазками мы добываем тут древесину. Горы издалека выглядят достаточно освещенными, но в самих лесах очень мрачно, потрескивания и скрипы заставляют постоянно оборачиваться и вглядываться в одинаковые, рябящие перед глазами тени от лысых покачивающихся стволов деревьев и веток.

Подножия этих гор вскрыты выработками. Мэр говорил, что в зависимости от текущих успехов развития и стабилизации жизни поселения будет решаться вопрос по поводу добычи полезных ископаемых и организации хоть какой-то их переработки в строительные материалы.

Мы проезжаем через административно-бытовой комплекс. Вытянутые, не разбитые войной одноэтажные здания, местами еще покрытые мелкой глянцевой белой плиткой, вызывают большой соблазн заселиться в них. Но все окружение здесь всегда окутано непонятным страхом чьего-то присутствия, в чем убедился гость нашего поселения. Как будто за спиной всегда стоит кто-то чужой, не обязательно агрессивный, но чувство настороженности может свести с ума со временем, не позволяя выспаться или отвлечься от него. Через огромные окна видны почти все помещения насвозь, в них гуляет постоянный сквозняк, поднимающий серую строительную пыль с пола и бесконечно гоняющий ее по коридорам.

– Сергей, там человек! – крикнул один из рабочих. – Как это где? Вон стоит! – объясняя кому-то из своих, он с опас-

кой указывает пальцем в сторону зданий.

– Иди, проверь, – тыльной стороной ладони Сергей дважды похлопал безымянного для меня бойца. – Разгружаемся у штольни! – распорядившись, он повернулся к рабочим.

Еще нет и полудня, мы быстро раскидали свои вещи, перекусили непонятными, чем-то обработанными корнями, которые выдают в дорогу как долго хранящийся продукт.

Я сказал Купчину, что его напарник долго отсутствует, и с его позволения отправился за ним.

– Эй! – обойдя странно сохранившийся выбеленный угол здания, я окликнул застывшего в полный рост парня. Тот очнулся, будто ото сна и слезно захлопал подсохшими, пробуждающимися глазами, разгоняя перед носом пылинки.

– Тут никого нет, – ответил он как ни в чем не бывало.

– И чем ты был занят с четверть часа?

– Чего? Я вот только завернул за угол и уже обратно разворачиваюсь. А тут ты, – он действительно непонимающе свел брови.

Прищурясь, я недоверчиво оглянулся и не стал отвечать. Мы вернулись к лагерю.

– Никого не было? По большому приспичило что ли?! Мы с тобой остаемся снаружи, а ты и Василий отправитесь с рабочими, – нахмурившись, Сергей передал мне тройку мощных светильников.

Бремсберг завален, из-под камней обнажаются остатки ржавой железной дороги. Мы вошли в штольни справа. Это

ходок, уводящий по наклонной в полную темноту. Многоголосо затрещали генераторы ручных фонариков, подсвечивающих поддавленные временем рошпаны, но все еще крепко и надежно подпирающие твердую породу.

– Спускаемся до третьего штрека и делимся на две группы в левую и правую ветку, – бригадир раздает свои указания рабочим. – Добываем землю, не надо породу грызть, там в каждой ветке есть к ней доступ! Ведрами выносим на поверхность и засыпаем в телеги.

Дойдя до назначенного места, рабочие разделились, забрав у нас фонари повышенной яркости, похожие на стеклянные шарманки, испускающие свет во все стороны.

Мы остались в ходке между входами в штреки.

– И что нам тут делать? – спросил мой напарник, будто сам себя.

– На разведку пошли дальше, – я похлопал его по плечу, – с тебя общее освещение, с меня – направленное.

Мы отправились дальше по ходку. Склон увеличился. Прошло уже около часа, мы уперлись в завал, затем свернули в штрек. Все эти тоннели наполняет жесткий холод, от которого будто трещит и раскалывается голова. Оставшегося вентилирования хватает, но кажется, будто воздух, густой и тяжелый, медленно наполняет легкие своим сыроватым холодом.

– Вот! Там есть проход, наверное, сбойка к какой-то другой выработке! – азартно уведомил Васю.

– Слушай, мы далеко зашли уже. Спокойно тут все, нет никого и ничего, пойдем обратно, а то рабочие нас потеряют, и Купчин таких приключений устроит, – ноет Вася, по крайней мере, так выглядит. – А зачем ты с собой рюкзак взял набитый, чего не оставил в лагере? – Я почувствовал, что он остановился. – Ты...

– Да, я хочу дойти до места, описанного в найденном дневнике! – грубо перебив его речь, я развернулся и направил фонарь Васе в лицо. – Что в этом такого? Тебе что, нравится изо дня в день тухнуть под крылом нашего мэра?

– Но это же оплот цивилизации! Хотя что-то, что удалось организовать общими усилиями! – он прикрывается рукой от света фонаря.

– Нужно двигаться дальше, это лично мое право, я тебя за собой не тащу. Я хочу узнать, что есть вокруг. Как мельчайшая деталь может изменить всю картину, так и любое новшество, что удастся разведать, может оказаться сильным катализатором в развитии общества! – я напористо и возбужденно складываю слова.

– Нет, я вернусь!

– Вот и иди!

Я даже не понимаю, что влияет на мои отрывистые слова и непоколебимую настойчивость.

– Ну что ты хочешь там найти? Что? Ковчег?

– Хм... Неважно, лучше скажи, что я погиб, пусть будет сюрпризом, когда возвращусь.

И я пошел глубже. Слышно, как удаляется потрескивание генератора. С каждым шагом меня наполняет чувство одиночества в неразведанном, темном, замкнутом пространстве. Я возвращаюсь к вопросам своему собственному сознанию и его ответам на них, построенным на догадках по уже известным мне данным.

Иногда я кого-то слышу и даже в тенях от фонаря начинаю различать пугающие своей внезапностью силуэты, но тут же разглядываю в них совершенно обыкновенные камни или неровности, складывающие тени в рисунок.

29 октября 2161г.

Иду достаточно долго, медленно, все глубже и глубже, метр за метром никаких отличительных черт. Сбойка сменяет сбойку, большинство проходов напрочь завалены. После одного из переходов я оказался в каком-то тоннеле немного уже предыдущего, вместо рошпанов тоннель выложен проходческими щитами. Меня одолевает голод, но необходимо дойти.

Вдруг края луча от фонаря перестали касаться тоннеля и тусклым пятном отразились от стены в глубине комнаты. Я вышел в небольшое помещение, выложенное бетонными плитами и укрепленное сварными стальными перекладинами. По центру комнаты проложена узкоколейная железная дорога, уходящая снова в тоннели. С одной стороны пути завалены камнями, и перед ними стоит покрытая ржавчиной дрезина.

«Стоп, – подумал я и еще раз бросил луч света в центр комнаты. – Дрезина? В дневнике ничего о ней не говорится. Так-так-так...» – мои мысли бешено бегут, перебирая возможные варианты.

Присев на камни, завалившие пути слева от входа, окруженный полной тьмой, я пережевываю вяленый кусок мяса, запивая его остатками холодного чая из фляги. На язык попадает земляной вкус с невымытых рук, и я стараюсь максимально сплевывать то, что удастся, чтобы не подхватить инфекцию. Складывается ощущение, что на самом деле контролируемых мыслей в голове вовсе нет, глубокая погруженность в думы.

«Вариантов тут два, странник ошибиться точно не мог, поскольку что-то не заметить тут и явно написать, что чего-то нет, если оно есть, невозможно. Тут скорее ничего нет, чем что-то есть, – перешел я к логичному рассуждению и усмехнулся сам себе. – Первый вариант, что в момент, когда автор дневника побывал здесь, одновременно с ним это место посетил кто-то еще и уже отправился по железным путям вглубь. Второй – с той стороны тоннеля кто-то прибыл сюда и сейчас находится у нас на поверхности. Точно!.. – осенило меня. – Купчин же говорил, что находил непонятный предмет в пустошах и отнес его в управление. Он говорил, что такого в наших краях точно быть не может, а прибыло откуда-то. Должно быть, по ту сторону есть выход из этих тоннелей! И нас действительно посещают...»

Быстро сложив свой ужин обратно в рюкзак, со скрипом устроился на дрезине. Если это был ужин, а не ранний завтрак. Уже не могу точно судить о времени суток. Надавив на рычаг, медленно тронулся с места. Несмотря на общее состояние, механические узлы намазаны солидолом и не производят большого скрежета, что явно указывает на деятельность человека.

Тоннель немного уже и еще холоднее, я никак не могу согреться. Проехав какую-то часть пути, решил, что нужно немного выспаться, дрезина остановилась, и я откинулся на железную раму спинки сидения: «Почему же тогда, если нас посещают, делают это тайн...»

Утерян отсчет времени

Я проснулся, дернувшись всем телом, показалось, будто падаю в пропасть. Сколько спал, определить, конечно, не могу. Похоже, усталость растопила сознание мгновенно. Тело успело промерзнуть и стало каменным. Чувствуя простудное недомогание, вспомнил, что Николай Иванович всучил-таки мне маленькую фляжку с его невыносимой даже на запах жидкостью. Я осушил ее всю. Противная, но согревающая и моментально тонизирующая брага ободрила меня.

окружающей полной тишине я услышал тихий-тихий шум, еле пронзающий тоннельные щиты. «Это звук воды... Точно, это вода! Я пересекаю ту самую реку на востоке!» – тень сомнений от догадок покинула мои мысли, и я накинудся на рычаг. Мышечная работа еще сильнее согревает мое тело, дрезина быстро двигается по путям, левой рукой стараюсь освещать направление движения, чтобы не свалиться в возможную пропасть или не напороться на что-то.

Провизия странника пополнила мои припасы. Есть оружие, небольшого боезапаса к которому хватит, чтобы отбиться или поохотиться. Вот найти бы воды и наполнить походную флягу. Еще вспомнил свой наган, не выменянный на Стечкина, у меня к нему и патронов много было.

Услышав громкие голоса, неразборчиво шваркающие по ушам, я погасил фонарь и прекратил движение.

– Эй! Что-то ты быстро! Чего фонарь-то погасил? – мужской голос эхом проносится по тоннелю.

Полностью остановившись и достав карабин, я соскочил с дрезины и спрятался за нее. Звук передернутого затвора предательски прогремел, многократно отразившись от щитов.

– Да ты че, сдурел?!

– Может, это не он? – меняются голоса.

– Сука, блокируем! Все в оборону!

Я почувствовал, как порция адреналина проскочила к сердцу, и оно бешено заколотилось, прокачивая его до каж-

дого мускула. В полной тьме не видно даже своих рук, но вдруг ярчайшие тонкие и длинные лучи белого света пронзили темноту, ослепив уже отвыкшие от него глаза.

– Эй, там, в тоннеле! Подай знать, что ты человек!!!

Меня перекосило от такого вопроса.

– А кто же еще! Вы кто такие?! – крикнул я.

– Мы кто такие?! Это ты кто такой и где наш человек?! – угрожающе прогремыхало по тоннелю.

– Без понятия, о ком вы говорите! Я путник, исследователь, как угодно называйте!

– Короче, давай руки за голову и к нам выходи, мы осветим тебе дорогу! Не нервничай, не тронем!

С трудом верится, но деться некуда. Перенасыщенный адреналином и не реализовавший его организм неуклонно рушит мое сознание в бездну страха – тело невольно начинает трясти.

Тоннель, который я пересек на вагонетке, похоже, квершлаг, выводящий в достаточно просторное помещение с вагонетками и стрелочными переводами на другие пути, к сожалению заваленные по всем направлениям.

– Так, ты давай дурака не включай только. Меня все зовут Семит, а твое имя? – угрожая мне потертым автоматом, плотно прижатым к плечу, проговорил сильно загоревший мужчина лет тридцати, на голове у него повязана бандана, а на теле камуфляжная одежда серых оттенков с защитой колен и локтей.

– Проследуешь с нами до аванпоста, а там решим, что с тобой делать. Оружие у него заберите! – скомандовал своим. – За вещи не переживай, если окажешься дружелюбным, все вернем. Так, ты и ты оставайтесь здесь! Ждите нашего пропавшего, я позже вернусь.

Выйдя из помещения, мы двинулись по резкому подъему вверх. Бетонная лестница находится в плохом состоянии, но она быстро выводит нас на поверхность на какой-то брошенный полигон.

– В свое время это была военная база, с нее все утащили в свои хозяйства, осталась только вот эта подземка с непонятной коммуникацией, – завел со мной разговор Семит, садясь в машину. – Залазай! Чего стоишь!

Я не верю своим глазам, но передо мной заведенный автомобиль. Это помятый УАЗ с неузнаваемым кузовом: что-то отрезано, что-то приварено. Схватившись за раму, я запрыгнул на заднее взлохмаченное сидение. Семит дал команду водителю, и мы тронулись на юг. Это настолько новое чувство – передвигаться на непривычной скорости. Пустошь здесь ничем не отличается, та же мертвая зона с одинокими лысыми кустарниками, столбами и прочими пейзажами. За нами песчинками поднимается в воздух пересохшая земля, маленькой грязной вьюгой бесконечно настигая нас.

В машине на панели установлена сложная черная радиостанция с несколькими динамиками, из одних слышны переговоры, из других негромко сквозь помехи играет музыка:

Выдох, вдох – хорошо дышать,

Черный горох да нелегко глотать.

Пуля и ствол, нажал и разошлись.

Где добро, где зло – попробуй, разберись.

А что нам надо – да просто свет в оконце,

А что нам снится, что кончилась война!

Куда иду я – туда, где светит солнце,

Вот только б, братцы, добраться дотемна!¹

– А вас много? – спросил я.

– А кто конкретно тебя интересует? – ответил Семит.

– Люди. Людей сколько живет тут?

– Где тут-то? Ты теперь не в брошенных землях! – жестикулируя, начал объяснять он. – Тут езжай, куда глаза глядят, только в агрессивные и аномальные зоны не лезь! Знаем мы про регионы, которые изолированы агрессивкой, и что люди там живут, вот мы их на «большую» землю ищем пути вы-

тащить.

– Что-то не торопитесь, – я сделал замечание, словно имел какие-то права здесь.

– Это... Ты знаешь что?! Много думаешь, да мало соображаешь. Вот представь, что сейчас все ваше стадо в несколько тысяч человек, только недавно сообразивших, что надо обществом жить, вырвется к нам в города, да еще и каждый со своим мировоззрением? Это куда вас девать-то, в пушечное мясо на фронт? Революцию еще устройте, – нервно начал объяснять Семит, как обычно объясняют сложные вещи, которые с первого раза можно понять превратно, торопясь изложить все максимально быстрее.

– Какой фронт? – насторожившись, удивился я. – Война не прекращалась что ли?

– А когда она прекращалась, дружище? – повернулся он ко мне. – Когда? Мы ж, мать нашу, зверь такой, что пока сами себя не истребим, ни один не успокоится! Каждый считает, что его образ жизни правильный, а других быть не должно.

Он нервно отвернулся и хмуро, как Купчин, засмотрелся на горизонт.

– Разберешься со временем, – взмахнув рукой, успокоительно сказал водитель.

Мы поднимаемся по небольшому холму, на вершине которого возведено бетонное оборонное одноэтажное здание с узкими темными амбразурами. Будто прямо из-за него в небе парит неподвижное маленькое облако, будто прижав-

шеся к людям от одиночества.

– Вот такие аванпосты у нас по округе расположены, своего рода первый рубеж обороны поселений от рейдеров и всякой дряни. Снайперы и гранатометчики, каждый пост с радиосвязью, если что, мы мигом силы подбрасываем. Им главное не подпускать и держаться! – рассказывает Семит.

– Вы мне так рассказываете, как будто к вам в ряды вступаю, – я несколько насторожился.

– А куда тебе деваться? – он ухмыльнулся. – Ты ж не из этих с Агломерации на востоке и не фанатик-одиночка с оружием?! – начал доказывать мою безвыходность, с которой я мог бы поспорить, хоть мне действительно невыгодно отказываться.

Мы высадились и, берцами выколачивая из земли каленую солнцем пыль, зашагали в здание.

– Так, ты садись здесь. Свяжусь с главным, узнаю, какие пожелания по твоему дальнейшему существованию.

Семит ушел к радиостанции. Я присел на деревянную скамью, цепью подвешенную к бетонной стене. Посередине помещения установлен незнакомый источник электроэнергии, не воспроизводящий никакого звука, однако от него выются провода ко всем устройствам в помещении. На стенах висит несколько осциллографов и какие-то консоли с кнопками.

– А это что? – указав рукой на объект моего интереса, спросил дежурного в уже знакомом камуфляжном костюме с пришитым тканым значком на вороте.

– Ну, мобильный, если можно так назвать, источник питания, – выдавил из себя молодой парень.

– Это я догадался, дружище, а как работает?

– Да черт его знает, я солдат, мое дело стрелять, а об этом особо не распространяются. Частично технологию сперли у касперов. Ее воспроизводят в небольших объемах из-за неполной картины обо всем технологическом процессе.

Человеку тут явно не хватает новых знакомств, чтобы общаться.

– Батарею нам привозят новую каждый раз, а эту на рециклинг возвращаем. Хватает на месяц примерно, может, полтора.

– А что за касперы такие? Это вы с ними воюете? – я стараюсь не упускать возможности получить больше информации от разговарившего человека.

– Ну, «касперами» мы их коротко, вроде как неформально называем. Агломерация «Призраки пустоши». Вот так правильно. Грубо говоря, один большой городище, какой ты только можешь себе представить, как мне рассказывали, из года в год все быстрее разрастающийся во все стороны и поглощающий окружающие территории, – он водит руками по воздуху, как будто изображает процесс. – Если быть точным, то это замкнутые в себе и своих делах научно-технические психи, которые никого не пускают к себе, а ближайшие поселения разгоняют, угрожая им. Терроризируют или истребляют, если те не поддаются, но под свое крыло не пускают.

– А как же вы технологию украли, если там никто никогда не был?

– Нет, быть-то были. Делегатами по одному человеку. наших лидеров впускали первое время для смутных переговоров, а потом решили, что мы для них абсолютно никакой ценности не имеем. Но саму технологию не то чтобы прямо украли. Это наши инженеры с лучевых винтовок поскручивали устройства разные и давай изучать, что и как работает.

– Лучевые винтовки? У вас тоже такие есть?

– Не-е. Говорю же, полного аналога их технологий не получается сделать. Да и эффективность, как по мне, может, и не такая же, как у классического стрелкового оружия: ну, отдачи нет, функциональность выше. Но сомнительно это все. А классическое огнестрельное мы сами производим в Промгороде на севере за Лесом счастливых. Важнейший завод, там охраны столько, что носу не сунешь.

– Воюете с ними?

– Не... Они очень далеко от нас, пока больших конфликтов не происходило, так пару поселений пришлось уступить. Воюем с рейдерами... – разговор перебил вернувшийся Семит.

– Хватит тут про восток и запад байки рассказывать. Вставай, поедем к главному по вопросам гражданства, так сказать.

Мы вернулись в машину и тронулись дальше на юг. В голове целая куча непонятых вещей, многое просто не успел

спросить. Новые названия, группировки, множество событий, непонятно и непривычно скоротечно.

– Какой сегодня день? А то я в тоннелях запутался немного со временем, – вспомнил я свой главный вопрос, который по идее нужно задавать сразу.

– Тридцатое октября, пятница.

– Ну, как я и думал, просто не знал, сколько спал в тоннеле. А можно вернуть мой рюкзак? Там у меня еда, давно хорошенько не подкреплялся, – попросил я. Хорошо еще, что чудесным образом простуда меня отпустила, она сейчас не к месту.

– Коль, заедем к Широкому, узнаем, как дела у них, и переночуем, – сказал водителю Семит, перекинув мне рюкзак и оружие. – А ты вроде не психованный, держи обратно.

Примерно через час пути машина завернула к воротам с восточной стороны, и красный закат зловеще озарил ряд каменных домов, окруженных проволочным ограждением и парой дозорных вышек. Водитель заглушил двигатель, и мы отправились к большому двухэтажному зданию, первый этаж которого выложен бутом.

В холле, оторвавшись от выгребания пепла из зольника печи, нас встретил невысокий белый мужчина с короткой русской бородой.

– Привет воякам! – обтирая руки о пачканую ветошь, с широчайшей улыбкой здоровается мужчина. – Это новенький у вас? – спросил он, окинув меня взглядом.

– Это с брошенных земель беженец. Можно так сказать, – ответил ему Семит. – Рассказывай, как у вас дела, всего ли хватает, были ли проблемы?

– Да нет вроде, транспорт с продовольствием и припасами приходит исправно, добытые минералы, как договаривались, грузим в эти же машины. Все хорошо. Поднимайтесь наверх, отдохните хорошенько, – мужчина указал жестом руки на лестницу слева от входной двери.

Мы вошли в одну из комнат на верхнем этаже, в ней расположены две двухъярусные железные кровати, оконный проем перекрывается деревянными ставнями. Стены обшиты материалом, похожим на вату и сохраняющим тепло в комнате. По центру располагается сколоченный из досок широкий стол и табуретки.

– Мужики, бросаем вещи и пойдете, разогреем еды себе, надо нормально поужинать.

Семит повел нас по этажу в самую дальнюю комнату. Это пустое помещение с голыми каменными стенами и плотно закрывающейся дверью. В середине комнаты кирпичом выложено место под огонь и установлены металлические рогатки.

– О, тут даже угли еще горячие под пеплом. Есть предложение! Скидываем свои консервы, провариваем, потом вываливаем содержимое в общую кастрюлю и делаем сытнейшую похлебочку одну на всех, – убедительно предложил Николай.

Он достал фляжку и предложил нам. Побросав банки в угли, мы оба сделали по глотку, и я узнал противный вкус непонятной браги.

– Что это? Я такое же пил у нашего торговца, – поморщившись, спросил я.

– У вашего? Ха-ха-ха! – хрипло, будто вот-вот откашляется, рассмеялся Коля. – Слышал это? – повернулся к Семиту. – Их торговца! Ха-ха-ха... Работает схема-то...

Несколько секунд непонимающе терплю его смех.

– Ты только не кидайся как на предателей, которые кинули вас там выживать, – стал объяснять Семит. – Мы следим за социальным развитием вашего общества и ищем методы вас выручить, но просто так, бездумно притащить ораву людей мы не можем, уже объясняли тебе. У вас там в каждом городе по человеку есть, и нас отправляют разведывать, как движутся у вас дела. Ты хотя бы просто представь, как вас всех через этот тоннель провести, там воздуха-то на несколько человек еле хватит. И пока мы ищем методы, вы превращаетесь в общину, товарищество, как это обозвать? А то дикарями были какими-то!

– Да ну ладно, понял я... Находил у нас старшина какой-то предмет непонятный, говорил, что похоже на какое-то оружие и тому подобное, что не могло оно тут оказаться ниоткуда кроме как извне, – начал я свою историю. – И сами мы вас боимся, может, вы террористы все тут или еще чего.

– Стреляло то как, оружие это ваше непонятное? – спро-

сил Коля, помешивая металлическим прутом красные угли.

– Не стреляло оно, никто не разобрался, как оно работает...

– Батарея, наверное, разрядилась просто! Ха-ха! Не разобрались! Очень энергоемкая вещь, мы фонари на них перевели, а то тоже бегали с трещотками, – не перестает усмехаться Коля, доставая из внутреннего кармана куртки фонарь. – Вот такая штука, короче! – он вынул из фонаря черный предмет размером с коробок.

– У меня есть такой! – я тоже полез во внутренний карман и достал металлический предмет, переданный мне в дар Николаем Ивановичем. – Торгаш ваш мне его просто так отдал, выменял в довесок у одного из наших странников. Только он сказал, что понятия не имеет, что это такое.

– Ну, молодец, молодец. Не выкидывай, пригодится еще, если заряжена. Им рециклинг умеют делать только в больших городах. А не знал потому, что к вам мы его отправили до того, как технологию просекли, – ответил Николай.

С улицы издали слышались автоматные выстрелы, мы тут же выглянули в окно. Уже почти стемнело, в дальнюю от нас дозорную вышку льются очереди с юго-востока.

– Почему не отстреливаются?! Ничего даже не видно: тучи и почти ночь пришла, а освещения не даете, у вас же есть все, – спросил я, собираясь сорваться к выходу за амуницией.

– Да стой ты, смелый какой! Всем дозорным выдается

прибор ночного видения. Слышишь, как от щитов пули рикошетят? Гребаные фашисты вслепую очереди в вышку пускают, а он в тоненькие амбразуры снизу прицеливается винтовкой с глушителем и одной пулей снимает. Вот ты ничего не видишь и не слышишь. Рейдеры по паре человек периодически пытаются диверсию совершить, наверное, чтобы потом сразу напасть. Ха-ха, но никак не выходит у них. Взрывчаткой, что у трупов собираем, уже полный склад набит, да и оружием их, оно, правда, ужасного качества, как будто одноразовое, ха-ха-ха!!! Надо взрывчатку куда-нибудь сплавить, а то взлетим на воздух.

– Может, на это и расчет? Вот тебе и «ха-ха». Ясно все, в общем, помогать незачем, – махнул я рукой.

– Так точно. Это если бы на технике приехали и поливать начали из пулеметов, дежурный бы сирену врубил, иначе его оттуда буквально за пару минут выкурят. Проверено уже,.

Мы вернулись к углям и вывалили банки на бетон остывать, затем водрузили кастрюлю с водой на рогатки.

– А что за фашисты? Я читал книги, но это же была середина двадцатого века?! – я решил продолжить свой вечер знаний.

– Вот-вот, и они книжки читали! Только не в той библиотеке! Наверное, музей или штаб-квартира каких-нибудь довоенных фанатиков. Начитались литературы этой, и пошло-поехало. Решили, что сейчас самое прекрасное время для геноцида и возвышения одной нации, придурки! – с яростью

в глазах все громче говорил Семит.

– Да уж, и какие у них цели? Просто уничтожить всех? И как они этого пытаются добиться?

– Да нет никак! – выкрикнул Коля. – У них нет ничего! Только отнимают, что смогут. Ну, слышал, тоже заводик какой-то есть оружейный. Ну, не знаем мы, в общем. Вроде и не имеют ничего, а вроде лезут и лезут все. Они непонятно откуда лезут, вот еще что. Вроде на юге были лагеря и на севере. Какие-то из них разбили, но находим другие. Откуда корни непонятно.

– Цыгане! – рассмеялся Семит.

Мы продолжили шутку и еще некоторое время продолжали игру в слова. Похлебка уже приготовилась. Разлив все содержимое кастрюли по металлическим мискам, отправились обратно в опочивальню. Горячая похлебка сквозь металл прогревает кисти рук, прижигая кожу и заставляя поигрывать пальцами. Теплый пар поднимает жирный запах, разгоняя и без того животный аппетит. Мы сели за стол. Это редкий раз, когда можно устроить себе подобную трапезу. Горячий бульон приятно обжигает изнутри, согревая кровь. Больше никто ничего не говорит, а я не задаю свои вопросы, все сконцентрировались на процессе и получают неимоверное удовольствие.

Закончив, тут же расположились на своих кроватях. Тепло от согретого тела быстро заполняет пространство под шерстяными покрывалами и погружает в сон.

31 октября 2161г.

– Вставай давай! – толкает меня Коля. – Вставай, хватит спать, ехать надо.

Тело сладко пригрелось в постели, и мне совсем не хочется выбираться из нее. Зевая и почесывая грязную голову, я обулся в изношенные берцовые ботинки и накинул свою куртку.

– Завтракаем по дороге в машине, если кто-то хочет. Выдвигаемся, – торопит Семит.

Спускаясь по лестнице, поблагодарили Широкого за тепло и гостеприимство.

– Нас ждет долгая дорога на восток до одного из главных городов Содружества, – комментирует свою торопливость Семит.

– Понятно. А почему у хозяина такое прозвище? Размеров в нем я не заметил.

– Улыбка у него радушная, – состроил гримасу Коля. Он завел двигатель, и мы отправились навстречу поднимающемуся солнцу, объезжая ухабы и постоянно подпрыгивая на тех, которые не удалось избежать.

– А что за Содружество? – спросил я.

– Ох, сколько ж тебе еще рассказывать. Это мы. Конурбация «Содружество», если полностью. Политического строя как такового пока нет, но есть авторитетные лица, за которыми идут люди. В принципе это по несколько человек в каждом большом городе, что раскиданы по огромной тер-

ритории. Другими словами, Призраки живут в одном недоступном огромном высокотехнологичном мегаполисе, состоящем из сотен секторов, районов, их можно так назвать. А мы в меньших по размеру городах и прилегающих поселениях, неравномерно раскиданных по всему континенту. Сотрудничаем в торговле между собой и с окружающими, не примкнувшими к нам, – коротко, но достаточно ясно объяснил Семит.

Я погрузился в мысли и вспомнил о дневнике странника. Пожалуй, пока мы в пути, сейчас самое время прочитать его, тем более что автор не сильно вдавался в писанину и больше рисовал схемы.

30 сентября 2161г. (Дневник странника)

Сегодня я проснулся зараженный идеей сделать действительно полезное дело для всего общества. Мне надоело быть просто одним из сопровождающих грузы между нами и Мирным. Более того, я уверен, что для дальнейшего благополучного развития обоих наших поселений крайне необходимо знать, что там за горизонтом, знать больше, чем знаем сейчас.

Мир меняется, и единственная коммуникация – это случайным образом полученная информация от бродяг, которые даже непонятно где живут и откуда приходят к нам с разной периодичностью. Землепроходцы поднимут торговые связи, а это значит, поселения будут разрастаться в сторону друг друга, как это происходит сейчас с Мирным, и

территория между городами будет становиться безопаснее день ото дня.

Одним словом, я завожу этот дневник на случай моей гибели в пустоши для сохранения карт-схем, которые я запланировал начертить, и, возможно, полезных сведений об окружающем меня в пути.

Начну, пожалуй, с нашего поселения с грубым названием Котлован, которое скорее просто прижилось как прозвище человеку по чертам внешности или характера. Поселение представляет собой плотно возведенные одноэтажные сооружения из всевозможных материалов (на что хватило фантазии). Рядом с поселением разрастается широчайший котлован, в котором мы выращиваем свои растительные культуры для пропитания, это большей частью разного рода коренья, сейчас все чаще нам удается сельдерей, редька и специально выведенная съедобная зелень, устойчивая к неблагоприятным условиям, но она совсем недолго хранится.

Котлован разрастается в меру прироста населения, слой «больной» земли выкапывается, а открывшийся удобряется. Ливневых дождей не видели уже очень и очень давно, но на всякий случай организована система дренажа. Работают с землей, в основном, поселенцы из Мирного.

Так вышло, что они организовались за счет наших продуктов питания в обмен на наемный труд или бартером на другие вещи. Но со временем в пустошах найти что-ни-

будь становилось все труднее и труднее, и постепенно они превратились в рабочих на нашей земле, а мы в их защиту, охотников и администрацию. Котлован разрастается в их сторону, и расстояние между нашими границами уже можно преодолеть даже без ночевки.

Также у нас есть мастерская, в которой из подручных средств изготавливают инструменты, механические устройства и даже оружие с патронами неизвестного истории калибра. Производится это в минимальных объемах, так как труд ручной и отсутствует технологическое оборудование.

Есть у нас свой мэр и его заместитель из Мирного. В связи с успешными работами и удавшимся симбиозом двух обществ, вся их политика свелась к стимулированию максимальной скорости роста населения – у нас очень много детей и подростков. Таким образом администрация решила за ближайшие пятнадцать-двадцать лет как можно скорее объединить нас в большой безопасный город с широкими границами, а за это время вложиться усилиями в создание инструмента и механизацию труда. Это рутинная жизнь, которая имеет трезвый смысл безошибочности, но мне она скучна.

На севере, мы знаем, смертоносный радиационный фон. Чем дальше уходишь, тем хуже себя чувствуешь. Как по экспоненте – до смерти. Иногда рассказывают истории о том, что видели, как люди сходили с ума и кидались на других,

возвращались к стенам наших ограждений и молчали. Кто-то слышал шепот «Домой». Душераздирающе...

На западе находятся руины большого города, простирающегося по всему горизонту, откуда-то появилось название «Тихий город». Сам там не был, а администрация пару лет как запретила вылазки в него, утверждая о какой-то возникшей внезапно техногенной опасности, но какой именно, не сообщают.

На юге пустошь, иногда оттуда к нам приходят люди, называющие себя мародерами. Они предлагают в обмен на продукты питания редкие вещи, которые для нас на вес золота (кстати, выражение устарело: золото никого не интересует). Расположение их группировки нам неизвестно, в принципе к ним нет смысла снаряжать караваны, они сами с исправной периодичностью посещают нас. Что там в пустошах есть еще, особо никто не знает, а землепроходцы, которые делали вылазки, твердят одно и то же: «Нет там ничего, только дикий зверь голодный да сумасшедшее желание вернуться домой, в безопасность». Или вовсе отказываются объяснять и рассказывать что-либо, зарабатывая себе на питание вылазками.

На востоке находится Мирный, о котором я уже упомянул. Это будет следующей точкой моего пути. Сегодня и завтра я планирую коротко зарисовать схему наших улочек, посетить нашего мэра и склад в надежде, что ради благой цели он обеспечит меня всем необходимым в походе.

02 октября 2161г. (Дневник странника)

Сейчас я в Мирном. Мои переговоры с мэром привели к положительному результату. Мне выдали самодельную винтовку и пистолет Стечкина с боезапасом на длительный путь, солидных размеров тесак и продовольствие. Главное в походе – это фляга с жировой смесью! Энергетически емкий продукт несложного производства, в принципе, можно приготовить в походе самому, растопив жир в огне, только добавить стебля того же сельдерея, чтобы подсолить. Получается достаточно вкусно и питательно. Да, и самое главное: я все же выпросил велосипед, это крайне упростит и сократит по времени мою задачу.

Как и Котлован Мирный окружен заграждением по всей границе, расставлены дозорные вышки по всем направлениям. Город выглядит точно так же, как и наш, краски не меняются. Люди посменно отправляются к нам, чтобы работать с землей. Возвращаясь, они занимаются своими делами. Большой частью встречают добытчиков, лечат их, разбирают найденные материалы и строят из них сооружения, ничем не отличающиеся от наших.

Я остановился у одной моей давней знакомой переночевать. Пока мы ужинали, она рассказал мне о тревожащих жителей происшествиях. Люди считают, что за последнее время слишком участились случаи со «скитальцами», как они их называют. Это те самые обезумевшие с севера. Причем на север уже давно никто не отправлялся. Еще вернулся

человек, обследовавший по своей инициативе горы на востоке. Он был в панике, говорил о крупном волосатом человеке. Какой-то Куккурупа, живущий в окружении стаи диких собак, прикармливающий их телами «скитальцев». Говорит, услышал в своей голове голос: «Зачем ты пришел к Куккурупе?» – и тут же бежал в страхе.

Мне не по себе от этих историй. Но я и не рассчитывал, что мое путешествие будет вечерней прогулкой. Завтра мне держать путь именно на восток, к горным склонам. Надеюсь, дневник еще дополнится, когда я получу полезную информацию и доберусь до безопасного места.

04 октября 2161г. (Дневник странника)

Это было целое приключение. Как и планировал, я отправился в горы на восток, по дороге мне встретились двое тех самых «скитальцев», попытавшихся напасть на меня. Но они настолько нерасторопны и глупы (одним словом, «овоци»), что разделаться с ними труда не составляет. Однако они вселяют жуткий страх и оставляют осадок ужаса еще надолго.

Уже вечером я брел по полысевшим лесам на горах, сопровождаемый постоянным скрипом полумертвых деревьев. Мне встречались собаки на безопасном расстоянии от меня, они как будто следили за мной, но не приближались и не нападали. Я хотел бы добраться до противоположного склона, чтобы увидеть, что там дальше, и решить, куда двигаться.

Ближе к ночи, когда пришло время найти безопасное место для ночлега, я в полутьме увидел дымок и услышал тот самый голос в голове, про который мне рассказывал мой друг. Отчетливый, но гулкий, заполняющий меня, он спрашивал, зачем я иду к Кукуруипе. Я мысленно ответил голосу, что не желаю никому вреда, а, наоборот, веду свой путь через земли, чтобы повлиять на благосостояние людей, и голос пригласил к себе на ночлег, пообещав, что мне ничего не грозит.

Заведя генератор своего тусклого фонаря, я прошел дальше и увидел очень крупного, полностью покрытого волосами человека, если его можно таковым назвать. Вокруг его жилища, сооруженного из поваленных деревьев, покрытых ветошью и шкурами животных, находилась большая стая собак, тех самых, которые убивают в пустошах. Мысленно мы беседовали с Кукуруипой о моем странствии и о том, как он живет с собаками.

Он рассказал, как сдружился с животными, читая их мысли. Но сразу пояснил, что у них нет никакого логического мышления. Просто выстраиваются инстинктивные цепочки животных эмоций и точно такими же цепочками с ними можно держать связь. К телепатии он приспособлен с детства, но само детство в голове не сохранилось, помнит, будто всегда и всю жизнь жил только в этих лесах. Собак он прикармливает, стая стала больше, и он не видит в этом ничего плохого, человек тако—е же животное на земле. Если

его съели, то в этом нет ничего трагичного, завтра другой человек съест собаку.

Он попросил меня не выдавать его местоположения, чтобы за ним не пришли. Поэтому схем я прилагать не буду, но хочу отметить будущим обладателям моего дневника: существо это зла не таит и просто отживает свой век, как умеет, в одиночестве, с животными. А идти за горы, сказал он, смысла нет: там только река, которую мне не пересечь. Поверю.

Пишу все это утром следующего дня, мы прощаемся. Кукурипа сказал, что собаки проводят меня из леса и не тронут, но что будет в будущем, это сугубо мое дело и дело имеющих остатков правил природы. Выживает сильнейший.

Я отправлюсь вдоль склонов гор. Буду искать ближайшее поселение или строение для отметки и ночлега.

Об октября 2161г. (Дневник странника)

Я благополучно доехал до какой-то отлично сохранившейся заброшенной животноводческой фермы. В пути происшествий не было.

Нужно отметить, что ферму было бы крайне эффективно разобрать, оставив путникам целым только сарай для ночлега. Правда, с другой стороны, сарай тоже разберут какие-нибудь недобросовестные и заночевать будет во-все негде. Ферма полностью построена из древесины, жилой дом двухэтажный, его окружает несколько загонов и других

построек.

На первом этаже есть камин. Побросав на колосниковую решетку поломанные доски, развел огонь и подогреваю себе жировую смесь. Света получилось достаточно, чтобы делать эти записи. На втором этаже жилого здания несколько помещений, они довольно теплые.

Сама ферма, судя по всему, находится строго на юге от Мирного. На север и на запад от нее когда-то простиралось асфальтовое полотно, сейчас почти полностью разбитое. Завтра отправлюсь дальше вдоль склонов, но если ничего не обнаружу в радиусе суток, то вернусь и отправлюсь на запад.

Нужно в течение недели найти поселение, а то у меня закончатся припасы.

09 октября 2161г. (Дневник странника)

Снова нахожусь на заброшенной животноводческой ферме. Мне необходимо переночевать, очень устал. Южнее, до суток пути, нашел несколько штолен, одни из них свободны для прохода. Поскольку о нормальном освещении там можно не думать, в дневнике записи делать не удавалось. Рядом с шахтами есть несколько одноэтажных длинных зданий, но они кажутся слишком подозрительными для отдыха и ночлега. Даже не могу сейчас этого себе объяснить, что за чувство подозрительности вызывают пустые брошенные здания без явных признаков животного или человеческого присутствия! Но, вытес-

няемый страхом, ночевал я в полной тьме в тоннелях.

Завтра отправлюсь на запад. Как я писал, туда уходит дорога, по ней смогу ориентироваться. Не рискнул двигаться от шахт в другие стороны: там кругом только пустошь и никаких особых отличительных черт, да и переночевать спокойно, скорее всего, будет негде.

Мне очень повезло подбить собаку, припасы совсем кончились. Сейчас на свежую память, пока животина готовится на огне и жир капает во флягу, я зарисую проходы в шахтах и расположение зданий перед штольнями. Я крайне заинтригован ими.

В глубине проходов в небольшом зале нашел железную дорогу, уходящую в узкий, как и все вокруг, тоннель. Жаль, на ней уже не сохранилось ничего, что могло бы двигаться по путям, кто-то уже уволок все себе, или завалило камнями. В следующий раз обязательно вернусь и обследую железку, ведущую к сердцу шахты, там должно быть много всего полезного и технологичного для поселений. Уверен, что там будет что-то неординарное, очень важное. А поскольку тоннели протяженные, я надеюсь, что они могут вообще вывести в новые земли!

Если верить рассказам редких бродяг, приходящих к нам с разным товаром, то где-то по южную сторону дороги должен быть вырыт широчайший глубокий карьер, в котором осталось немного тяжелой техники. Путники крайне не рекомендуют спускаться в него слабым духом людям. Предме-

ты в нем меняются местами, стоит только на мгновение о чем-то задуматься, а вместо горизонта по всем направлениям только одинаковая «чаша» карьера и лазурно-голубое небо с палящим солнцем, почему-то всегда стоящим в зените, заставляющим землю впитывать в себя тени.

И невозможно уследить, в какой момент вдруг идеешь совершенно в другую сторону. Будто что-то вертит тебя в невидимом лабиринте. Только уснув, можно дожидаться ночи с ясным звездным небом и по нему выйти из ментальной ловушки.

11 октября 2161г. (Дневник странника)

Сейчас раннее утро. Дорога на запад очень сложная, почти все время шел пешком, толкая свой велосипед. Ухабы и песок не позволяют нормально передвигаться. К вечеру встретила заправочная станция. Наличие топлива проверить не стал, однако отмечу, что неплохо бы отправить сюда инженера проверить. У меня было еще несколько часов пути, освещаемого заходящим солнцем, но я не стал рисковать ночевкой в надежде найти людей дальше и решил остановиться здесь.

У меня осталось еды на последний скромный ужин и маленький кусок собачьего мяса в мешочке на завтра. Если так ничего и не найду, то двинусь на север искать Котлован.

В целях безопасности расположился на крыше здания заправочной станции, поскольку дверей в помещениях нет. Подъем на крышу завалил найденными металлическими щип-

тами. Холодно, но тут спокойней.

Мне не спалось, и я смотрел на ночное небо, плотно усеянное яркими звездами. Ночь удачная, ветра не было, терпимо сиделось без огня. Я задумался о вещах, окружающих нашу жизнь. Все сводится к обычному животному существованию и очень медленным шагам к развитию, большей частью сельскохозяйственному. После него, думаю, придет время и промышленного производства, что-то, но должно будет случиться. А пока деятельность всех людей (я не думаю, что те, кого я встречу, будут заняты чем-то другим) похожа на работу дождевых червей, перерабатывающих мертвую землю в плодородную почву. Сантиметр за сантиметром, но планета обязана преобразиться.

Внезапно мои мысли рассеялись от рыка и тяжелого топота, быстро перемещающегося вокруг здания. Я быстро достал свой фонарь и изо всех сил старался разжечь его ярче. Судя по ударам об землю, это было одно животное, но его рычание и громкое дыхание мне были неизвестны.

Наконец я поймал лучом массивное тело с лохматой, но редкой шерстью. Похоже на медведя из книг. Разбежавшись и подпрыгнув на стену, пока я был на краю, оно попробовало зацепить меня своими ужасными когтями. Фонарь осветил морду животного, и я чуть не оцепенел. Она искорежена отвратительной челюстью с торчащими в разные стороны большими желтыми клыками. Слюна стекает на шерсть, а налитые кровью глаза бешено хотят моей смерти.

Я откинулся, достал Стечкина из сумки и снова выглянул с края крыши. Переключив режим на пистолете, выпустил очередь в зверя в момент, когда он влетел во входную дверь. Он громко огрызнулся. Под своими ногами я чувствовал вибрации бетона, зверь бесился по всем помещениям внизу и искал пути, чтобы взобраться на крышу.

Мое сердце стучало так интенсивно, что голова закружилась от притекшей к ней крови, а в глазах, казалось, темнело гуще ночи, как бы быстро я ни давил рычаг фонаря. Неподвижный, я старался прислушаться к перемещениям внизу.

Все затихло. Топот и гроыхание пропали, от чего на душе стало еще более жутко. «Сдох? Затаился? Чувствует меня и ищет? Убежал?» – я не мог дать ответа на свои вопросы.

В мгновение, передернув все тело испугом, металлические щиты взлетели в воздух, и тварь неуклюже выбралась ко мне на крышу. Не раздумывая, я открыл огонь, чудовище мчалось на меня. Последняя очередь прошла ровно по его черепной коробке, фонарь подсветил глянцевые брызги густой крови и кусочки плоти, разлетающиеся в стороны от слюнявой пасти. На полной скорости тварь рухнула, повалив меня на пол. Резкими, наверное, даже паническими движениями я вышмыгнул из-под тела убитого животного.

Вокруг трупа собралась большая лужа крови, в которой злоеще отразился лунный свет. Биение сердца медлен-

но возвращалось к нормальному состоянию, руки онемели и немного подрагивали из-за полученного стресса.

Похоже, меня сильно потрясло происшествие этой ночи, я не заметил, как дневник пополнился рассказом об уродливом звере.

12 октября 2161г. (Дневник странника)

Сейчас нахожусь западнее заправочной станции в лагере группировки «Мародеры». Утром, когда я закончил писать, с крыши заметил приближающуюся группу вооруженных людей с повозками.

Слегка напряженные переговоры с оружием в руках привели нас к взаимопониманию. Один из них отвел меня в свой лагерь, а остальные двинулись дальше на восток к ферме. Как я и предполагал, отправились, чтобы разобрать здания на строительный материал.

Судя по всему, лагерь располагается так же строго на юг от Котлована, как и ферма от Мирного. Здесь можно немного разжиться припасами в обмен на какие-то вещи или услуги.

Люди матерые, прожженные условиями пустошей, отлично обращаются с любым оружием, особенно хорошо владеют холодным. Живут они тем, что совершают постоянные глубокие вылазки в Тихий город, но о подробностях не рассказывают. Говорят, что это только для своих или посвященных, то есть тех, кто побывал там хотя бы раз. Если честно, меня насторожили их рассказы, будто это не

безжизненные руины, а какие-то чертоги неведомых сил, которым окружающие готовы чуть ли не поклоняться.

Тем не менее, мне необходимо продовольствие, а обменять его на оружие слишком отчаянно. Поэтому я согласился участвовать через несколько дней в вылазке за трофеями, когда вернется группа, отправившаяся к ферме.

Все это время проведу здесь, меня обеспечат питанием и ночлегом в обмен на все, что унесу из Тихого города.

20 октября 2161г. (Дневник странника)

Вторник. Мое проживание в лагере мародеров крайне затянулось, мне стало сильно неудобно за иждивенство, ведь я не занимаюсь ничем полезным, кроме как задаю вопросы. Под гнетом совести, отдал в дар выданную своим мэром самодельную винтовку и боеприпасы к ней.

Еще вручил им пустую записную книжку, чтобы могли зарисовывать черты города в процессе своих вылазок. Это будет очень ценный материал, который легко можно выторговывать на что угодно. Правда, не думаю, что у них нет бумаги...

Наконец сегодня с востока вернулась группа, привезшая на телегах доски от разобранных загонов, снаряжается другая на запад в Тихий город, с ней отправлюсь и я. Выступаем завтра ночью, чтобы успеть к рассвету. Мне без усталости рассказывали невероятные истории про существ, обитающих в тенях города, полностью незаметных, но ощущаемых каждой клеткой своего тела.

Выдали, на мой взгляд, обычную глушилку радиозэфира, как и все остальное, с рычажным генератором и сказали, чтобы, находясь в тени или с приходом сумерек, не прекращал давить на рычаг ни при каких обстоятельствах. Как-то байки рассказывают, что это оберегает от тех сил, что «скрываются во тьме города». Бред.

Ночь на 22 октября 2161г. (Дневник странника)

Весь день мы двигались вглубь города по улицам, окруженным высокими каменными строениями. Путь заранее проложен и уже известен мародерам, часто встречаются помеченные черной смолой или гудроном проходы в серых монументальных руинах, перекрывающих широкие асфальтированные дороги и тротуары. На одной из пустых площадей на вымощенной земле лежит рухнувший памятник мужчине в фуражке, с отколотой рукой, похоже, некогда вытянутой перед собой.

Картина покинутого и развороченного города наполняет бездонной тоской сердце, хоть никогда и не доводилось жить в таком. Повсюду нас сопровождают столбы с остатками насмерть приклеенных объявлений, бесконечные черные окна, смотрящие на тебя, а двери, качающиеся от сквозняка и тихо поскрипывающие, создают ощущение постороннего движения, разбавляя в душе одиночество инстинктивным чувством надежды на какую-то заветную встречу, сменяющееся страхом и осторожностью.

Сейчас глубокая ночь, и я не наблюдаю ничего, связанного с душераздирающими шаманскими историями, но двое дежурных у костра не перестают трещать генераторами на глушилках. От одного только треска разбегутся все тараканы.

Место для ночлега искать не приходится, мы сидим за разбитыми витринами пустого довоенного магазина. По стенам танцуют тени от яркого костра, материалов для растопки в городе столько, сколько не унести сотням людей. Напротив, через дорогу, видно сохранившиеся деревянные двери библиотеки, расположившейся в углу трехэтажного здания с консервативной вывеской и одноименным названием. На уровне человеческого роста можно разобрать облезиую надпись «Ул. Куйбыше...»

Как сказали мародеры, только завтра мы начнем поиски ценных вещей. На протяжении всего нашего пути все здания уже посещались в предыдущие бесчисленные еженедельные вылазки.

Завтра, ближе к полудню, планирую затеряться в зданиях. Я, конечно, благодарен мародерам за помощь, но уж слишком сильно задержался в их компании. Отправлюсь через город на юг и после ночевки на рассвете выйду обратно в пустошь. Не вижу никаких опасностей здесь.

23 октября 2161г. (Дневник странника)

Господи, я в пустоши, в пустоши, я живой! Это ужасно, просто ужасно! Как и планировал, я затерялся в очередном

переходе через разрушенное здание и неспешно покинул его через южное окно вместе со своим велосипедом. Как и везде, сохранены метки на развалинах, проводящие сквозь лабиринты поваленных перекрытий.

С наступлением сумерек меня стал настигать непонятный кошмар. Вокруг меня что-то необъяснимо быстро металось и будто шептало на человеческом языке неразборчивые слова, большие похожи на эхо шипения. Я поехал быстрее и уже на восток через узкие мощеные переулки, как вдруг велосипед жестко остановился, будто зацепился за что-то. Перелетев через переднее колесо, я упал и тут же осмотрелся, но не увидел ничего на пути. Как будто кто-то, невероятно сильный, просто схватил за раму и остановил меня. В глазах на миг потемнело от адреналина. Не медля ни секунды поднялся, сел на велосипед и закрутил педали что было сил, но меня продолжал без конца настигать этот невидимый ночной кошмар. Вспомнив о глушилке, я выхватил ее из нагрудного кармана и бешено стал сжимать тугой механизм как мягкий детский эспандер. Это действительно помогло, звуки заметно отдалились от меня, и примерно через час вовсе исчезли. Но не переставая одной рукой держаться за велосипедный руль, другой судорожно сжимал рычаг устройства.

Прямо на въезде из города я наехал на ухаб и снова кувыркнулся через велосипед, разбив его. Державшиеся на добром слове болты разлетелись в стороны, а собирать их не

было ни малейшего желания.

Сейчас утро, и я очень голоден. Вся моя провизия высыпалась еще при первом падении, остался только пустой рюкзак, привязанный к сидению велосипеда. Нахожусь в нескольких километрах от последних домов на границе города. Ночью, медленно передвигаясь под светом Луны, приметил доски на металлической конструкции опоры линий электропередач и забрался наверх. После беспокойного сна страх прошел, и, спустившись, я отправился дальше на восток, водрузив погибшего железного коня на свою спину.

Отмечу, что немного севернее на горизонте блестит крыша большого резервуара на металлической опоре из перекрещенных балок.

Дальше уже читал, записи заканчиваются после посещения им Чистых земель. Приближается вечер, Коля сказал, что мы прибудем только завтра утром и спящий сейчас Семит сменит его.

– Вот дьявол, засада! – Коля затормозил и резко свернул с дороги вправо за громоздкий камень, блестящий на солнце сахарными крапинами. По левой стороне кузова простучало несколько пуль.

– Мать их за ногу! – выругавшись после удара о панель, Семит схватил автомат, выскочил из машины и прижался плечом к камню, осторожно выглядывая из-за него. – Трое, только трое, на одиннадцать часов за склоном вдоль дороги,

одни головы торчат! – будто он и не спал секунду назад.

Взведя карабин, я быстрым легким движением поднялся над капотом, предупредительно прицеливаясь в указанную Семитом сторону. Голова одного из нацистов оказалась ровно на мушке! Хлопок! Сильнейшая отдача несбалансированного оружия знакомо бьет в плечо, вырывая карабин из рук. Падая обратно на колени и вжимаясь в кузов машины, успеваю заметить, как брызнула серо-кровяная жижа из лысой черепушки и следом за головой ляпнулась вниз.

– Держи! – Семит перекинул мне гранату. – Подкинь им навесом, чтобы по склону закатилась, они как миленькие повыскакивают, а тут мы их и сольем! Давай, прикрываю!

Наспех он дал пару очередей из «Калашникова» в сторону рейдеров, так что земля взлетела вверх, и те скрылись. Воспользовавшись паузой, я дернул кольцо и аккуратно подкинул гладкую холодную гранату, как и скомандовал бывалый вояка. Двое мужчин поднялись по пояс из-за склона и дернули в стороны.

– Бегом!!! На них! Стреляй! – рванул Семит.

Прогремел взрыв, несколько оглушив. Слышно, как Семит говорит что-то еще, но кажется так далеко, что не разобрать.

Столб песка и земли поднялся в воздух, я пробежал вперед, подняв винтовку к плечу. Через пару метров нам полностью открылись разбегающиеся и отпрыгивающие рейдеры. Мой выстрел, еще один, очередь справа – пули разрывают

одежду на вражеских спинах. Крупицы разлетевшейся земли попали в глаза, и я прильнул к дороге как можно ближе, рассчитывая на напарника и на то, что все уже кончилось.

– Вставай, хватит эту грязь в глазах растирать, на вот, вондой промой! – поднимает меня за рукав куртки Семит. – Вот черт!!!

Опьяненные адреналином не заметили, что Николай даже не покинул транспорта, его голова спустилась щетинистым подбородком на грудь, будто он крепко уснул. Подойдя ближе, мы подхватили его. Пуля пронзила ребра под левой рукой и, похоже, прошла прямо в сердце, когда он заворачивал баранку автомобиля «по часовой».

– Николай... – похлопал ладонью по плечу Семит, глубоко вздохнув и явно что-то задавливая внутри себя. Он опустил тело на землю и оттащил к камню, обдающему теплом. – У нас есть правило, не знаю, как у вас там, может, жестоким тебе покажется, но мы оставляем тела людей там, где они погибли. Оставляем их на естественный круговорот в природе. Может, им пропитается какой-то зверь, может, его таким поглотит земля, но в любом случае это принесет в природу, пусть и уродливую, питательных веществ или чего там еще... – он собрал по карманам все, что было у Николая, нашел его личный дневник и, тучный, погрузился в машину. – Иди, в общем, собери вещи этих упырей.

Быстро перебирая ногами, я спустился по сыпучему склону и собрал винтовки с боезапасом, рассованным по карма-

нам. Очень странно, но они больше ничего с собой не имеют для выживания.

– Нам нужно поторопиться, чтобы не ехать глубокой ночью, тучи собираются, света совсем не будет, – холодно произнес Семит. Ощущается в его глазах чувство какого-то предательства и борьба с ним. Правила есть правила.

– Дуст один – Семиту. Прием, – он надавил черную пластмассовую кнопку на радиостанции.

– Семит, Дуст-один на связи, – зашипел динамик на панели.

– Возвращаемся на том же транспорте с запада. Расчетное время два часа. Николай погиб, сообщите родственникам.

– Принято.

– Кто такой «Дуст-один»? Странное имя, – я решил отвлечь его от грустных мыслей.

– Это не «кто», это город, один из ключевых в Конурбации. Название от большого количества химических заводов и лабораторий. У Содружества большие планы по поводу химикатов, и нам нужно срочно встретиться с Максимом Багряным. А «один» – это просто главный дежурный пост.

– Химикаты? Вам что мало того, что вокруг? – уже занятый вытряхиванием песка из ботинок, я иронично удивился.

– Ой, ну тебя, достал! Багряный тебе все расскажет!

НОЯБРЬ 2161

01 ноября 2161г.

Остаток пути завершён без происшествий. Вечера поздним

вечером мы въехали в большой по моим меркам город Дуст. Это место уже напоминает довоенные городки, изображенные в книгах, но ему еще очень далеко до размеров и черт Тихого города.

Много бетонных домов в несколько этажей, есть металлические конструкции, некоторые основные дороги асфальтированы, другие вымощены. По северной стороне города расположены цеха, отражающие сейчас утреннее солнце жестяным блеском.

Семит сказал, что разные города Содружества занимают разной деятельностью, торгуя между собой добываемыми или производимыми материалами на бартерной основе или взамен услуг. Содружество решает вопрос по вводу денег, как до войны, в качестве эквивалента стоимости.

Еще он подробнее рассказал о той самой химической промышленности, переработке и разных исследованиях. Производство, в основном, завязано на изготовлении стройматериалов и обработке минералов, добытых такими людьми, как Широкий на западе. На базе особой группы минералов организовано производство компонентов, из которых производят реагенты батарей.

Во второй половине дня нас ждет некий Максим Багрный, один из лидеров Содружества. А пока Семит пообещал сводить меня в общественную столовую и накормить тем, чего я не ел никогда.

– Ну, привет, как тебе удобства? – с карамельной улыбкой

открыл дверь и вошел в комнату Семит.

– Да, спасибо, очень тепло и уютно, у вас тут почти как в книжках пишут.

В комнате действительно приятно. Кровать аккуратно, без складок застелена, вместо ставней в окна вставлено грубое, кривое толстенное стекло. По всем комнатам трехэтажного здания протягиваются настенные небольшие металлические радиаторы, в трубах которых находится масло, ночью быстро разносящее по зданию тепло от печи на первом этаже. В углу у окна стоит комод, в который я скинул свой клепаный жилет и сумку.

– Сейчас пойдем пообедаем как цари! По дороге город посмотришь. Багряный распорядился полноправно определить тебя в этой комнате и показать достижения в сельском хозяйстве на практике, так сказать. Конечно, опытные достижения, но по вопросу перехода к масштабным изменениям мы с ним позже и пойдем разговаривать, – не прекращает улыбаться Семит, будто вчера ничего не случилось.

Сильный человек. Но есть ли сейчас другие?

Выйдя из здания, отправились по проспекту Восхождение к южной части города. Обычные жилые дома сменяются небольшими базарами, чуть дальше медицинский центр и администрация. Несмотря на достижения, кажущиеся мне невероятными для наших земель, здание администрации не выделяется художественными обрамлениями и чем-то роскошным, как это изображалось в литературе. Библиотека

совмещена с учебным центром и расположена сразу за стадионом.

– Да, у нас тут и с мячом играют. Это же с ума можно сойти иначе. Как вы там живете, совсем не понимаю. А так азарт, да и участие сильно популярно, – продолжает рассказывать Семит, разводя руками по сторонам. – На наших заводах и медикаменты простейшие производят. А вон там, на северо-западе, есть лаборатории. Нам не хватает нескольких рывков в паре исследований, в принципе ты о них уже знаешь.

Мы вошли в одноэтажное длинное здание, внутри которого простираются широкие помещения, заставленные сварными лавками, табуретками и столами, то и дело скрежещущими по лысому бетонированному полу.

– Стук железных тарелок и ложек тут никогда не прекращается, привыкай. Скоро от него у тебя будет сразу в животе посасывать от дикого желания поесть, – рассмеялся Семит.

Подойдя к дежурному повару – пышной крепкой женщине с аккуратно подобранными платком волосами – он показал жетон.

– Вам должны были доложить. Овощную нарезку и суп из них. Это настолько большая редкость и гигантский труд – вырастить овощи, как до войны, – повернулся он ко мне. – Их разрешается подавать только почитаемым людям, в знак благодарности кому-то или по остальным редким случаям.

– Овощи?! – я не могу поверить. – Настоящие овощи? Мы последние найденные семена упустили, не получилось ничего вырастить. Земля из шахт грубая и не питает растения, приходится сильно ее удобрять, чего хватает на выращивание кореньев разных, не токсичных, не отравленных, как в пустоши. Вот картофеля раздали недавно по несколько штук, это через несколько-то лет возделывания почвы.

– Да я знаю все, что там у вас, – Семит небрежно махнул рукой и повел меня к столу.

– Так, понимаю: это и есть достижения в сельском хозяйстве? – улыбнулся я. – Я думал, поведешь меня куда-то на поля ваши.

– Да там чего смотреть-то, на самом деле примерно как у вас все, – покусывая нижнюю губу, сказал Семит, о чем-то задумавшись.

Нам принесли заказ. Великолепно! О-о-о, вот это вкус. Сочный помидор брызнул на меня, когда я надкусил его, и Семит рассмеялся, прикрыв глаза ладонью. Запах свежего

огурца заполнил легкие, а когда принесли суп – это нельзя передать словами, сладкая морковь, капуста...

С восхищением мешается чувство негодования и глубокой досады. Когда же мы сможем возродить почву, вернув ее к былому состоянию, год за годом ухаживая за ней, как за безнадежно больным ребенком? О чем думали люди, учинившие весь этот кошмар, ведь мы же их дети, каждого из них? Насколько должно опуститься сознание, чтобы достичь полной безнравственности и единоличного, но не коллективного мышления, чтобы не понимать ценности свежей воды, здоровой земли, живых лесов.

– Эй, ну чего в себя ушел?! – толкнул по плечу Семит.

– Да так...

– Знаю я, о чем думаешь. Пойдем...

Между рядами столов меня встретил пристальный злой взгляд выбритого ирокезом уставшего мужчины, помешивающего вязкую бледную кашу в погнутой временем алюминиевой миске. Покинув здание, мы отправились в обратную сторону по тому же проспекту. Подходя к администрации, Семит предупредил, чтобы я особо не разговаривал и молчал, поддакивая и соглашаясь со всем. «Багрый – человек умный и знает все твои вопросы, которые ты захочешь ему задать, слушая его», – убедительно повторил пару раз он.

На первом этаже, прямо у входа, за истертым столом сидит пожилая женщина в простеньком платье, заполняющая журналы.

– О, доброго дня вам молодые люди! – она подняла голову, услышав тонкий звон колокольчика над дверью. – Максим ждет вас у себя в кабинете наверху, – проводила она нас своим скрипучим голосом.

Трижды постучав по деревянной двери, мы вошли. Из металлического устройства, стоящего на довоенном толстом столе из мореной древесины, ярким белым пятном на стену льется свет. Спinoй к нам стоит мужчина в черном костюме, давно потерявшем форму. Сведя руки на пояснице, он наблюдает в окно за игрой детей на площадке. По всей комнате гуляют густые потоки табачного дыма, будто стекающие с предметов ручейками, а потолок давно пожелтел от смол.

– Приветствую вас, господа, – надменно важно, неспешно повернувшись в нашу сторону, он взял со стола маленькую квадратную пластинку, окаймленную белым картоном, и бросил дымящуюся бумажную скрутку в стеклянную чашечку. Опустившись в металлическое устройство, пластина сменила белое пятно на изображение густого зеленого сада. – Всем нам и вам в частности, – Багряный указал на меня пальцем, – хочется жить в нормальных человеческих условиях, не так ли? Забыть про мутированных животных, навсегда запомнивших вкус человеческого мяса. Забыть про свиных помои, которые мы едим каждый, уже не Божий день. Думаю, дальше перечислять нет смысла, сами все понимаете.

Он взял другую пластинку и установил на место предыдущей. В этот раз на стене появилась фотография непонят-

ных высоких стен синего цвета, составное ограждение из явно металлических плит угловатой формы. К верху конструкция загибается вовнутрь, но купола не имеет.

– Что это? – задал я вопрос.

Багряный остановил на мне взгляд, его верхняя губа приподнялась, как обычно бывает, когда человек о чем-то сконцентрировано задумывается. Хотя, подозреваю, я оказался ему неприятен. Затянувшись дымом, он продолжил, снова бросив скрутку в пепельницу:

– Дальше на востоке, как мы все с вами знаем, есть Агломерация Призраков пустошей, наложившая эмбарго на любые взаимоотношения с внешним миром. Лично мне довелось побывать на их территории несколько лет назад. Это высокотехнологичный комплекс. Неразрозненный и единый, он состоит из сот размером с большой город даже по сравнению с довоенным масштабом.

Каждая сота сама по себе автономна и обеспечивает себя всем необходимым от продовольствия до вооружения, однако получает ресурсы и новые разработки из тройного внутреннего кольца сот. В самом центре структуры, за тройным кольцом разных исследовательских лабораторий, контрольно-ревизионных подразделений и сортировочных центров, находится Пантеон. Святое место, в котором хранятся тела Великих лидеров, идеями которых они живут. Призраки ищут технологии, способные вернуть Великих к жизни для дальнейшего наставления мудростью. Как вы видите – целая

секта, – он вставил следующий картридж и второпях снова затянулся. Вообще впервые вижу курящего человека. – На изображении тело одного из погибших призраков. За чертами Агломерации они в обязательной форме носят на себе прочные эластичные защитные костюмы, в основном, серо-голубого цвета, плотно облегающие тело, чтобы не подвергаться всевозможным воздействиям зоны.

Возвращаясь, каждый из них подлежит досмотру на предмет повреждения костюма или открытых повреждений плоти, и если таковые обнаруживаются, то его заключают под жесткий карантин, итоги которого нам неизвестны. Да-да! Ходят слухи, что есть случаи изгнания в пустоши. И есть мнение, что именно из карантинных людей состоит регулярная армия. Такая вот у них забота о своих людях, представляете?...

Это тело было найдено в районе Леса счастливых, при нем был небольшой металлический ящик, содержащий множество маленьких полиэтиленовых пакетиков с зеленоватой вязкой жидкостью. Мы изучаем образцы, и кое-что уже прояснилось. На территории Агломерации настоящие райские сады. Как в довоенное время, чистая земля, воздух, вода. Хотя, наверное, даже чище, чем когда-либо. Разнообразие растений, есть отдельные кольца сот или их участки, в которых обитают только животные в естественной для них среде.

Воду они добывают из реки, исток которой располагается в горах, а устье и озеро находятся далеко на юго-восто-

ке, которые в свою очередь занимают у них один из участков «природных» колец. Вода в реке, как и все окружающее, не отравлена. Да, вопрос у вас сейчас такой же, как и у меня. Найденные у погибшего образцы напоминают свойства стволовых клеток, скорее всего призраки используют их как составную часть материала для создания какой-то биомассы, здесь я слова не подберу, но общий смысл вам понятен, — он выключил диапроектор и снова поторопился затянуться, будто ему так проще дышать. — Перейдем к задаче. От одного из пленных нам удалось кое-что узнать, что вообще очень большая редкость. Да, Семит? Обычно они умерщвляют себя, а если не успевают, то молчат до смерти под любимыми муками.

По имеющимся данным в Пантеоне хранятся оригинальные образцы той самой «биомассы», или как ее назвать, рядом с каждым из Великих. Она нам и необходима, но есть проблема с доступом, конечно же. Мы для всех призраков пахнем как самые вонючие экскременты, простите за аналогию. Не потому, что это действительность, а просто похоже, что они сидят на каких-то медикаментах, при рождении принимают новый иммунитет от родителей, а с ним и реакцию на нас. Подробностей не знаю, да и неважно это. Однако их костюмы так же биологически непроницаемы изнутри наружу, как и наоборот.

Двоих призраков нам удалось поймать в электрическую ловушку и сохранить их костюмы в целостности, собственно,

от этих двоих и информация. Сочиняйте легенду, лгите людям, можете хоть бойню там устроить. Ваша задача – достать этот материал. Там никто ни о чем не спросит, если вы будете всегда расхаживать в костюме даже внутри комплекса. Но если вдруг выдадите себя – вы никто, и звать вас никак, ясно? – его хмурый взгляд как камень давит со всех сторон.

– А причем тут я, не пойму?! У вас точно есть более опытные люди, разведчики, военные! – я возмущенно удивился.

Семит несколько растерялся.

– Не хочешь выручить свой народ из дыры или стать героем, спасшим планету? Или хотя бы из чувства долга потому, что тебе нет другой работы, а жить где-то нужно, за питание расплачиваться, тепло, жилье и защиту. Здесь тебе не центр социальной помощи! – очень грозно поднял на меня свой толстый палец Максим Багрый.

– Мы пойдем, он согласен, поверьте. Просто ему все ново, потому и задает много вопросов, – Семит вытолкнул меня из комнаты. – Я же сказал тебе!

– Ну, а чего вы из меня героя-то делаете? – я продолжил возмущаться. – Я же не диверсант!

– Ты чего? Тебя сейчас просто из Конурбации выпрут и в черный список занесут, будешь в конуре в пустыне жить! – Семит, занервничав, поднял голос. – Не хватает нам людей, а диверсант, не диверсант... Все ветераны уже в возрасте, а нам именно молодые нужны для этой задачи! Ну, так Багрый утверждает.

– Да вот вы конуры боитесь, прямо не знаю! Ладно, пойду я, пойду. Все равно, кроме тебя, друзей уже нет. Планто есть?

– В следующее воскресенье, то есть ровно через неделю, за нами зайдет Антон Петров. Петров, короче, зовут все. Имя ему не прижилось, – Семит снова посмеялся. – Он должен вернуться с востока с докладом о разведке, чтобы мы не наткнулись на какой-нибудь вновь строящийся аванпост нацистов. И на следующей неделе же нам должны будут всю амуницию призраков с Промгорода прислать, это они взяли пленников. Я утром узнавал уже у секретаря внизу.

– А пока буду жить в долг за ваш счет? – вспомнил я записи из дневника странника.

– Держи свой жетон, всю неделю мы будем питаться тем, что ты ел сегодня. Чувствуешь прилив сил и уверенности? По тебе заметно в принципе. А то мы истощенные с тобой и с синяками под глазами. Хоть и в костюмах будем, но все равно ущербными выглядеть можем. Не знаю, в общем! Багряный так сказал. Если он сказал, значит, так надо!

– Если он сказал, значит, так надо. Вот это жизнь у вас тут! Друг другу бесплатно не поможете, – махнул я рукой.

– Ну, так устроено и до войны было!

– Да понятно все, понятно!

04 ноября 2161

Среда. Прошло несколько дней с того момента, как я почувствовал вкус жизни, а не существования. У них хоро-

ший источник питьевой воды, которой достаточно городу. Я, наконец, тщательно помылся. Какое же это непередаваемое удовольствие – умыть подогретой водой и душистым мылом свое тело! Вода – самое главное богатство нашей планеты и каждого живого существа. С этим не поспоришь.

На протяжении всего времени мне обеспечивают стабильное питание свежими продуктами. Мой тонус как никогда высок, я бодр и энергичен. Раньше даже не знал, возможны ли такие ощущения сытости и комфорта.

Правда, все чаще стал замечать тяжелые взгляды окружающих, работающих изо дня в день, но не имеющих даже тех благ, которые предоставили мне. А если быть до конца честным, то я единственный, кроме Семита, кто питается настоящей едой.

Я очень сконфужен, сейчас даже неудобно выходить на улицу. Наверное, так чувствовал себя странник в группировке мародеров. Конечно, понимаю, что жители не знают о моей миссии и думают, что я просто бесполезный иждивенец, но от их сжигающих взоров именно таким себя и считаю. Теперь точно уверен, что пойду на дело. Думаю, на сложившиеся обстоятельства и была сделана ставка Багряным.

Ведь захотел же сам приключений, чего-то нового, прогресса быстрого и стремительного, незапланированного. Как говорили до войны, «получите и распишитесь». Мне будет крайне совестно, если я откажусь от выполнения задания или сбегу.

Сегодня ночью был дождь. Почему-то редкое явление в наше время, и благо, что оно не относится к разряду чрезвычайных происшествий, капли воды вроде чистые, неядовитые. Может быть, где-то они и льют бесконечно долго, но не у нас.

Никогда раньше не видел, как громадные капли, падающие с почерневших небес, стучат по стеклу, хоть и грубому, не как до войны идеально прозрачному, но стеклу. Водяные кляксы собираются вместе и в мгновение соскальзывают струйками в деревянный оконный профиль. В моей комнате сухо и тепло. Глухо проникая через стены каменного дома, шум от непогоды успокаивает и создает томное чувство защищенности и обеспеченности. В своей лачуге в Чистых землях я замерзал от противной холодной сырости, от которой невозможно скрыться. Постоянно смотрел на потолок, контролируя возможные протечки подсмоленной крыши и закрывая ладонями уши от грохота мусора, из которого отстроено все вокруг.

Стихия разыгралась. Раскатистые, негодующие удары самих небес, сопровождаемые голубыми вспышками, каждый раз внезапно содрогают улицы, гордо подставившие плечи своих домов под штормовые плети ветра.

Трубки на стенах стали теплее, видимо, управляющий подбросил угля. Как уже говорил, зим давно нет, но постоянно большие амплитуды суточной температуры. Каждая комната освещается одной вытянутой лампой, от которой доста-

точно света, чтобы писать и читать, правда, только рядом с ней.

Сегодня из Промгорода прибыли с нашей амуницией солдаты, сопровождающие авторефрижератор с дополнительными продуктами для города. Я познакомился с сопровождающими и попросил рассказать о Лесе счастливых. Упоминание о нем слышал много раз, но так и не задал вопроса.

Располагается он на северо-западе от Дуста, на юге от Промгорода, то есть получается сразу на севере от выхода из шахт.

Уже перестал удивляться сказкам, как представляется с первого раза. Небольшой по площади Лес счастливых неестественно дремучий. Все покрыто зеленой густой травой, пышными деревьями с широкими кронами, цветущими растениями, повсеместно переплетающимися друг с другом. В глубине Леса есть водоем, создаваемый подземными течениями, с прозрачной, как довоенное стекло, водой. На дне видно камни и густые пучки водорослей, подсвечиваемых солнечными лучами. На поверхности цветут кувшинки и возвышаются тростники, колышущиеся на теплом тихом ветерке.

Все настолько, как бы сказать, райское и манящее, что невольно хочется там остановиться навсегда. Но только самый трезвый ум понимает, что где-то здесь подвох, ведь так не бывает. Не бывает, по крайней мере, в наше время.

Как выяснили позже, вся эта аномалия – один большой

организм, чем-то похожий на довоенные тропические хищные растения, заманивающие насекомых своим пьянящим ароматом.

Через некоторое время пребывания в нем начинаешь понимать, что вокруг нет ни одного животного, только растения. Все густое, цветущее, но все замершее, без зверей и насекомых.

По всей территории в воздухе витают споры, которые после нескольких вдохов вызывают непреодолимое желание уснуть, и ты, обессиленный, падаешь на густую изумрудную траву, больше не просыпаясь никогда. Лес принимает твоё тело в симбиоз с собой, регенерируя ткани организма и поддерживая в нем жизнь. Сплетенные и пронизанные корнями животные (в том числе и люди, выдуманные границы давно стерты) живут вечно. Отсюда и название Лес счастливых.

Для изучения делались короткие вылазки в масках, во время которых находили опутанные позеленевшие тела людей. На одного случайно наступили, не заметив и приняв за обычный бугор. Вдруг его поросшее лицо изменилось, как-то неестественно нахмурилось, но ничего более не произошло ни вокруг, ни с человеком.

Сойдя с него и наблюдая дальше, увидели, что лицо приняло маску умиротворения, появилась легкая улыбка, как на одной из картин довоенного времени, где изображена женщина с аккуратно сложенными ручками.

Похоже, Лес, используя животные организмы, синтезиру-

ет необходимые ему вещества, взамен накачивая их своими и даря вечную жизнь. Не удивительно, что его можно считать источником в создании панацеи, в поход за которой мы собираемся.

Конечно, остались вопросы, но на них нет ответа. Остается ли человек действительно живым, с сохраненным сознанием, душой или поддерживается только его физическая составляющая? Вечный сон или вечная тьма?

У нас была долгая беседа. Солдат рассказал, что один из его близких товарищей не вернулся после похода в мои родные земли. Видимо, та самая лучевая винтовка, что нашел Купчин, принадлежала именно ему. А когда я показал батарею, выданную просто так Николаем Ивановичем, все сомнения отпали. Номер на ней совпал с выданной пропавшему без вести бойцу.

Поскольку новая амуниция у нас в полном комплекте, я за ненадобностью отдал батарею в память о пропавшем и, скорее всего, погибшем друге. Уж не знаю, может ли эта железка быть памятной.

Защитный костюм очень приятен на ощупь, действительно эластичный и далеко не такой тонкий, как может показаться с первого взгляда. Состоит явно из несколько толстых слоев разного материала, его очень сложно повредить. Любые, включая острые, предметы соскальзывают с него, и даже всевозможные крючки не могут зацепиться.

Изнутри материал как будто липкий, но комфортный. Са-

мое удивительное то, что необходимо надевать костюм через отверстие, оставленное для металлокерамической маски! Материал настолько тягуч, что я свободно залезаю через это отверстие, после чего все возвращается к своей изначальной форме. Нам с Семитом в шуточной форме сразу ответили на самый интимный вопрос, который возникает как сам собой разумеющийся: «Не переживайте, все предусмотрено. Они тоже люди, они не терпят».

08 ноября 2161г.

Сейчас уже поздний вечер воскресения, но Петров все еще не вернулся с разведки. Это настораживает и ставит под удар всю миссию.

В прошедшие дни я продолжал прогулки по городу и посетил высокое здание, из которого вещает радио на всю пустошь. Отсюда звучит музыка, которую слышал в машине. Здесь очень много разного рода пленочных кассет и катушек, компакт-дисков, проигрывателей и разобранной электроники. Электронные платы и всевозможные устройства вообще занимают все углы помещений в этом здании, и в нем каждый метр пропитан запахом канифоли и горячего текстолита.

Жизнь действительно налаживается, ограничивает нас только самое главное – отсутствие здоровой земли под ногами. Заметил, что в городе есть старики с такими же больными ногами, как у нас, но нет кладбища. Даже умерших своей смертью все равно отвозят в мертвую зону. Обряд здесь один

– вернуть все матушке.

Я расспрашивал людей, не было ли еще выходцев из моего региона, но никто ничего сказать не смог. Похоже, отправляющиеся на юг и север землепроходцы так и не смогли пересечь зоны радиации и токсичности. Страшно подумать, что сейчас творится на южных от Чистых земель болотах, если с севера возвращаются зомбированные и агрессивные нелюди.

Семит немного практиковал меня в стрельбе из лучевого оружия. По левой стороне серого матового корпуса выбито «Когерент-22». Ничего сложного в обращении: если сменить режим одиночного выстрела на поток и зажать спуск, то луч бьет долго, прожигая толстые объекты. Но крайне быстро разряжается батарея, которой в обычном режиме стрельбы хватает на пару тысяч выстрелов. Одиночные выстрелы можно назвать вспышками, отшвыривающими небольшие цели или пробивающие тонкие, но тяжелые для толчка. Они оставляют после себя быстро остывающие черные пятна с раскаленной посередине сердцевиной.

Сборке и разборке в интересах обслуживания не подлечит, так как не имеет подвижных механических устройств. Думаю, дежурный западного аванпоста слукавил, сказав, что не видит неоспоримых преимуществ в лазерном оружии. Молниеносный автомат и снайперская винтовка в одном предмете, без учета упреждения, баллистики и поправок на ветер. Без необходимости постоянной перезарядки и технического обслуживания.

Нам с Семитом показали еще один фокус, который он тоже не знал. Маска под цвет костюма с черными снаружи линзами компьютеризирована. Светодиодная матрица излучает пучок света на сетчатку правого глаза. Поначалу очень непривычно. Иногда даже инстинктивно хочется смахнуть изображение. Проецируется информация с географическими координатами и направлением движения, имена людей в таких же костюмах в радиусе тридцати метров, расстояние до объекта прицеливания и жирная точка на нем, если винтовка находится в руках или на расстоянии не более полуметра от головы. Сквозь левую линзу маски можно смотреть в разных световых диапазонах, но целеуказатель от винтовки появляется только в отличных от видимого. Необходимая подсветка находится на лбу маски, рядом с парой функциональных кнопок, выкидывающих меню со списком настроек и переключающих маркер между ними.

Согласно подписям на костюмах, Семит является Чертовым Константином Викторовичем, а я, как сказал «Константин», Берестовым Михаилом Сергеевичем. Нужно привыкать к новым именам на время задания.

Чудеса техники меня очень удивили и разожгли энтузиазм. Скорее захотелось в Агломерацию, чтобы хоть просто окинуть взором этот чудесный мир, каким он теперь мне представляется.

10 ноября 2161г.

Утро вторника. Петров так и не прибыл. Деваться неку-

да, и мы отправились на восток вдвоем, без него. Конечно, недопустимо повредить костюм в возможной переделке. Добравшись до Агломерации, тут же попадем на карантин, и нашу конспирацию обязательно раскроют.

– А что по поводу нашей машины? У них транспорт тоже, наверное, свой какой-нибудь? – спросил я Семита.

Часть дороги на восток достаточно ровная, и машина едет очень быстро, но я все равно держусь за раму.

– Если мы на УАЗе приедем, то ничего страшного! Техника, конечно же, у них своя, целое конвейерное производство, как и все остальное! Электромобили, можно так сказать! С их источниками энергии сам понимаешь... – двигатель сильно ревет, и приходится кричать.

– Ясно!

– Ты давай спать готовься, так сказать! Еще несколько километров, и нормальная дорога кончится! Поедем тише. Поскольку водить ты не умеешь, для этого нужен был Петров, будем ночевать, где придется, а ты будешь главным дозорным всю ночь! Понял меня? – поясняет Семит.

Действительно, дальше дорогу переверотило большой воронкой, после которой начались сплошные ухабы, и только куски разбитого асфальта напоминают о некогда существующей трассе.

Музыка льется из динамиков, погружая в мысли и фантазии. Нужно привыкать называть Семита Чертовым.

– Кость?! – я повернулся.

– В смысле?

– В смысле «в смысле»? Ты давай привыкай! – я ехидно посмеялся.

– Ай, ну да, – по интонации слышно, что Семит тоже улыбнулся.

– А самолеты у них есть?

– Да, есть! Есть. Все есть!

– Серьезно?! А чего же они давно всех не смели с их помощью?

– Лучевое оружие, которое мы как трофейное понабрали, очень эффективно против них! – Семит сделал тише радио. – Как я уже говорил, никаких поправок на ветер и тому подобное. Так что уже давно не видел воздушных сил.

– Интересно! А у вас есть?

– У н-а-с! Ты давай тоже не забывай! – он погрозил мне указательным пальцем. – Нет, у нас нет! Во-первых, слишком дорого это все, от аппарата до площадки в каждом городе. Второе: топлива ест столько, сколько я лично лучше на машину потрачу! Мы думаем железные дороги прокладывать, очень дешево и очень эффективно.

Дальше мы долго молчали. Более не о чем написать. Дорога, ночлег у обочины и одинокие раздумья под той же лунной. В костюме не холодно и не жарко, а в инфракрасном спектре видно все в округе, поэтому костер более не составляет мне компанию.

12 ноября 2161г.

Четверг. Уже третий день пути, мышцы несколько затекли от несменяемого положения в машине, и еще вчера я перебрался на заднее сиденье, обделив Семита своим вниманием.

Вчера меня разбудил мой костюм, напугав резким «пшиком» из маски. Струи пыли вылетели откуда-то из подбородка в стороны. Должно быть, надышался в дороге встречным ветром. Кстати, копящийся пот покидает костюм прямо через его стенки, мгновенно пропускаемый материалом по команде оператора или автоматически – в зависимости от выбранных настроек в меню маски. Выдавленные капли жидкости мгновенно скатываются с костюма, неспособные остаться на его поверхности.

– Семит, смотри! – я немного наклонился вперед через спинку сидения и указал вытянутой рукой вдаль на группу людей, пригибаясь залезающих в низкую ржавую дверь бомбоубежища, бетонная «будка» которого стоит прямо посреди поля. – Семит, смотри же! Эй, ты чего маску снял? – я дернул его за плечо, повернув к себе.

От охватившего меня ужаса я откинулся обратно на сидение, резко выдохнув от удара спиной. Прогнившая щека Семита источает изо рта бледную гнойную слизь, выдавливаемую мне на руку кровавым кусочком плесени вместо языка, а кожу век то и дело приподнимает длинный желтый червь, вылезавший из мутных разлагающихся глазных яблок.

Заколотившееся сердце пробудило меня. Семит сидел за

баранкой УАЗа так же спокойно, как и всегда.

Приснился кошмар? Но, кажется, я не спал.

– Приснилось чего? – спросил Семит и, чуть улыбаясь, выслушал короткий рассказ. – Да-да. Под нами только что действительно было бомбоубежище, но туда носа не сунешь. Всех, кто там теплился надеждой на спасение, отравили какой-то химией, и там до сих пор лишь яд и смрад. Представляешь? Тела до сих пор разлагаются! Есть места, где слух пропадает. Поначалу особо незаметно, но потом б-а-х и буд-то контузия! Как падение в пропасть, звуки и голоса все больше отдаляются от тебя, а затем и вовсе пропадают. Но что самое удивительное, прекрасно продолжаешь понимать, чего хотят люди вокруг тебя. Будто не нужно никого слышать, просто знаешь все вокруг в реальном времени и без слов!

Он привел еще пару примеров с похожими парадоксами или видениями, но из других уголков пустоши. Везде, где единовременно погибло множество людей, то есть разумных существ, проявляются некоторые ментальные дефекты.

– Говорят, что этим могут страдать каннибалы, ты не из них?

Мы еще немного посмеялись по этому поводу, и объятия кошмара совсем растаяли.

– Вот это приехали... Вроде эти реальные... – уже монотонно прозвучал голос Семита из динамика маски.

В паре сотен метров от нас, на узком переезде, сделанном

из насыпи и трубы через глубокое высохшее русло узкой речки, показался человек с РПГ-7 на плече.

– Так, наши действия?!

Готовый пулей выскочить из машины, я подал энергию с батареи на буфер винтовки.

– Я чего-то не пойму, вроде рейдеры... – пробормотал Семит тем же растерянным голосом и, протянув руку, опустил мой Когерент.

Гранатомет человека поднят вверх, а левой рукой он приветствует нас, приглашая проехать через переправу. Не укладывается в голове.

Уже проезжая по насыпи, мы заметили землянку, и я смог разглядеть лица встречающих нас людей возле нее. Всего насчитал десять человек. Один из них показался мне очень похожим на убитого в недавней перестрелке на западе от Дуста. Я бы даже больше сказал, он настоящий брат-близнец. Мы смиренно проехали мимо аванпоста, не понимая в чем дело.

– Думаю, именно тут Петров и пропал, – сделал заключение Семит.

– Кость, Я узнал... Нет, в смысле он очень похож был...

– Кто похож был?

– Один из рейдеров, который вышел из землянки, похож на одного из убитых нами в прошлой перестрелке. Очень похож.

– Да показалось после кошмаров! – рассмеялся Семит.

Мы продолжили путь, я снова улегся спать, чтобы проснуться, когда ночь тихо и печально обнимет серые пустоши, как мать обнимает свое единственное и последнее искалеченное дитя – плачущего от горя калеку.

15 ноября 2161г.

– РАЗ, РАЗ, РАЗ!!!

Я вскочил от громкого звука из динамика внутри маски.

– Да ты чего! – я покрутил пальцем у виска.

– Ха-ха-ха! – Семит смеется как ребенок. – Через пару часов будем на месте! Давай расшевеливайся, овощ! – не переставая смеяться скомандовал он.

– Соскучился что ли? Какой план-то? Я вот еду и не знаю, чего им говорить?!

– Да просто войди в роль, что ты один из них, вот возвращаемся с трофейной машиной и чемоданом зеленки из Леса.

– Ну, попробуем... – сильно нервничая, ответил я.

По длине всего горизонта появились высокие синие сооружения. По мере приближения все больше проявляются те самые черты, о которых говорил Багряный. Шестиугольные пластины составляют громадные заграждения, которые не пересечь никак, кроме как с воздуха.

Мы подъехали к воротам, рядом с которыми в стену вмонтирован серый металлический ящик с несколькими кнопками и периферийными отверстиями.

– На связи Чертов Константин. Вернулся с задания с материалом, – зажав кнопку «Передача», проговорил Семит. –

Работает что ли... – осматривая ворота, он постучал по ним кулаком.

– Никого дома? – подшутил я над ним, скрестив на груди руки.

– Агломерация Призраки пустошей приветствует Вас, – приятный женский голос без помех прозвучал из динамика. – Приготовьтесь к осмотру, после него пересеките с сопровождающим возводимый сектор К48С214 и отправьтесь в удобное время, но не позже двух суток, в сектор К6С3, здание лаборатории «Синтез 40». Вас обязательно примут на регистрационном пункте.

Раздался похожий на автомобильный сигнал короткий гудок, и ворота достаточно быстро разъехались в стороны. К нам вышли два человека в таких же, как наши, костюмах и тщательно обследовали нас, окропив каким-то аэрозолем.

– Все в порядке, повреждений оболочки ЗВК-3 нет, могут пройти? – осматриваясь по сторонам, проговорил один из них.

Мой проектор отображает «Ст.лейт. Федоров Алексей Григорьевич». Он повернулся обратно к нам:

– Пройдете, разрешение есть.

Он приложил к нашим дыхательным отверстиям некий предмет. Снова раздалось резкое шипение, и поток воздуха выстрелил из маски. – Фильтры ЗВМ-3 прочищены.

Вместе со старшим лейтенантом мы двинулись через сектор, представляющий собой гигантскую стройку. Повсемест-

но укладывают горячий сыпучий асфальт высочайшего качества, ровный, будто полированный, с белыми сахарными бордюрами, с такими же неестественно гладкими гранями и острыми четкими углами, практически без текстуры.

Ровными геометрическими фигурами обозначены места для зеленых участков, в них уже посажены молодые березки, объятые густой яркой травой, полностью скрывающей черную землю.

Мы добрались до транспорта такого же синего цвета, как ограждения, и дальше отправились на нем по уже готовым дорогам с желто-белыми линиями разметки. Всю дорогу нас сопровождают нескончаемые серые здания, вытягивающиеся высоко вверх и усеянные ростовыми окнами с голубым тонированным стеклом.

Ехать по ровному дорожному полотну – сплошное удовольствие, как будто мы плывем по тающему маслу. Внутри салона играет музыка, радиоведущий сообщил, что это канал «Рок-плюс». На панели расположен дисплей, контрастными красками отображающий, как я понял, дома, улицы и дороги.

– Я тоже с двадцать восьмого кольца! – заговорил с нами сопровождающий. – Только с соседнего сектора, с тринадцатого.

Мы приближаемся к таким же воротам, как снаружи комплекса. Кажется, мы бесповоротно проехали порядка двадцати, может, двадцати пяти километров.

– Ясно, соседи, значит, – Семит решил поддержать разговор.

Интересно, как провожатый узнал, может, у них другая программа распознавания в маске?

– Ведь можно встретиться, как моя смена кончится?! Расскажите, были ли какие приключения у вас! Смотрю, на машине дикарей приехали.

– Да нормальные люди, на самом деле, – я решил, что раз уж есть какая-то возможность говорить с призраками, то хоть маленькую весточку о нас нужно оставить. – Только пахнут они ужасно, но это же мы сами себе устроили, – добавил я, чтобы не вызвать подозрений.

– Это да! Дурман от них стоит тот еще! – хоть он и в костюме, по голосу ясно, что он скривился. – А вы откуда знаете? Просто с такой интонацией говорите...

– Эм... Ну, к нам же несколько лет назад приезжали представители, я тоже был сопровождающим, – у меня затряслись поджилки, надо уже забыть про всякую самодеятельность и сконцентрироваться на задании.

– Да! Было такое, помню. Ну да, точно. Мы же с вами с одного кольца и поколение у нас близкое получается! Рация в маске, дублирующая тембр голоса, искажает, конечно!

– Ага! – поддержал Семит.

– Приехали! Дальше на метро, в текущем секторе оно пока не закончено. По интеркому связываться уже не нужно, ворота свободны для входа и выхода, – объясняет старлей,

вода пальцем по изображению на дисплее навигатора. – По осевому маршруту двадцать колец до сектора K28C42, а там по радиальному до вашего двенадцатого.

Транспорт быстро развернулся и на скорости удалился от нас. Подойдя к интеркому, я нажал на красную кнопку, и снова раздался уже знакомый гудок. Ворота с надписью K47C201 разъехались, открыв для нас соседний по оси город.

Сота, как мы ее называем, ничем не отличается от предыдущей. Гамма цветов точь-в-точь повторяется, архитектура, коммуникации, растения и расположение всего вокруг поразительно идентично строящемуся двести четырнадцатому сектору сорок восьмого кольца.

– Да, вот это уровень, – я попытался вдохнуть свежего воздуха, но фильтры маски неизменно пропускали какой-то нейтральный запах.

– Так, давай только без предательств мне тут.

– А как я это сделаю, если костюм придется снять когда-то. Кстати, интересно, что сопровождающий назвал нас ровесниками, не заметил?

– Вообще нет, – Семит потер затылок. Что-то не так?

– Ну, вот подумай. Я, конечно, понимаю, что города они очень быстро отстраивают, но если они от центра начинали строиться, то и городов было совсем мало? Чем больше колец, тем больше секторов на каждом умещается. Это сколько же им нужно было лет, чтобы разогнаться?

– Ага...

– Они, наверное, поэтому и призраки пустошей, что старались скрываться в прошлом. А сейчас их ничем не сметешь уже. Но я не об этом. Хм... Я, если честно, не могу объяснить, о чем я думаю, одним словом, не верю я в такую скорость отстройки.

– Ну, может, еще узнаем, что к чему! Конечно, строить они умеют, все отлажено и выверено до миллиметра, но полномасштабный город возвести до тридцати километров протяженностью, это сколько же усилий нужно и времени? Потом еще и заселить?! А смертность? Столько детей не нарожаешь, с какой скоростью они сектора возводят.

– Вот и я о том! Пойдем, кажется, сюда, – я указал пальцем на информационное табло с надписями и указанием пути движения. Подобными дисплеями усеяно все вокруг, на них отображаются данные о состоянии строительства, статистика населения, сведения о новых разработках, планах и чьих-то успехах на производстве или в любой другой области.

Часто на площадках на крышах зданий водружены монументы одних и тех же людей. Встречаются мозаики на стенах и яркие витражи, повторяющие узором неизвестные мне события. В некоторых случаях изображаемые личности объединены в одном изваянии из белого камня. Эти элементы искусства явно выделяются из общей консервативности.

Речь людей аккуратно построена, они движутся и разго-

варивают размеренно, на первый взгляд может показаться некая надменность, но она растворяется, когда наблюдаешь, как граждане выручают друг друга, помогая донести тяжелую ношу или поднимая оступившегося человека.

Дети радостно играют, бегают друг за другом по мягкой траве босиком. А мамыши в стороне о чем-то сплетничают, умиляясь игре их малышей периодически прикрывают ладошью красные губы, вытянутые в белоснежную улыбку.

У многих со лба спадает на правый глаз что-то прозрачное, тонкое, в форме прямоугольника, отдающего тусклым голубоватым светом. Подозреваю, что-то вроде такой же проекции в моей маске.

Одно странно: стариков я так и не увидел. Закралась мысль, что с пожилыми людьми тоже какие-то математические счета.

Спустившись по лестнице под большим широким козырьком, на котором висит табличка с буквой «М», мы оказались на широкой освещенной платформе под землей. Яркое освещение приятно ложится на матовые ровные, как лист бумаги, стены и колонны, подпирающие высокие потолки.

Здесь так же много людей, как и на поверхности, так же много разных электронных стендов, непрерывно меняющих информацию. На одном из них отражается время прибытия составов. На схеме видно, что по этому кольцу движутся два состава, одновременно находящиеся на путях. Логично предположить опасность столкновения, но, думаю, их син-

хронизация доведена до ума.

– Интересно это все, да? – задал я вопрос Семиту.

Он несколько всполошился, кажется, я его даже напугал.

– Да. Нет. То есть да. Извини, я задумался, – заторопился он.

– Ха-ха, знаю, о чем ты думал, – я похлопал его по плечу.

Двигаясь дальше по указателям, спустились еще на уровень ниже. Теперь мы на платформе осевого маршрута. Табло показывает «04:12» и отсчитывает секунды в обратную сторону.

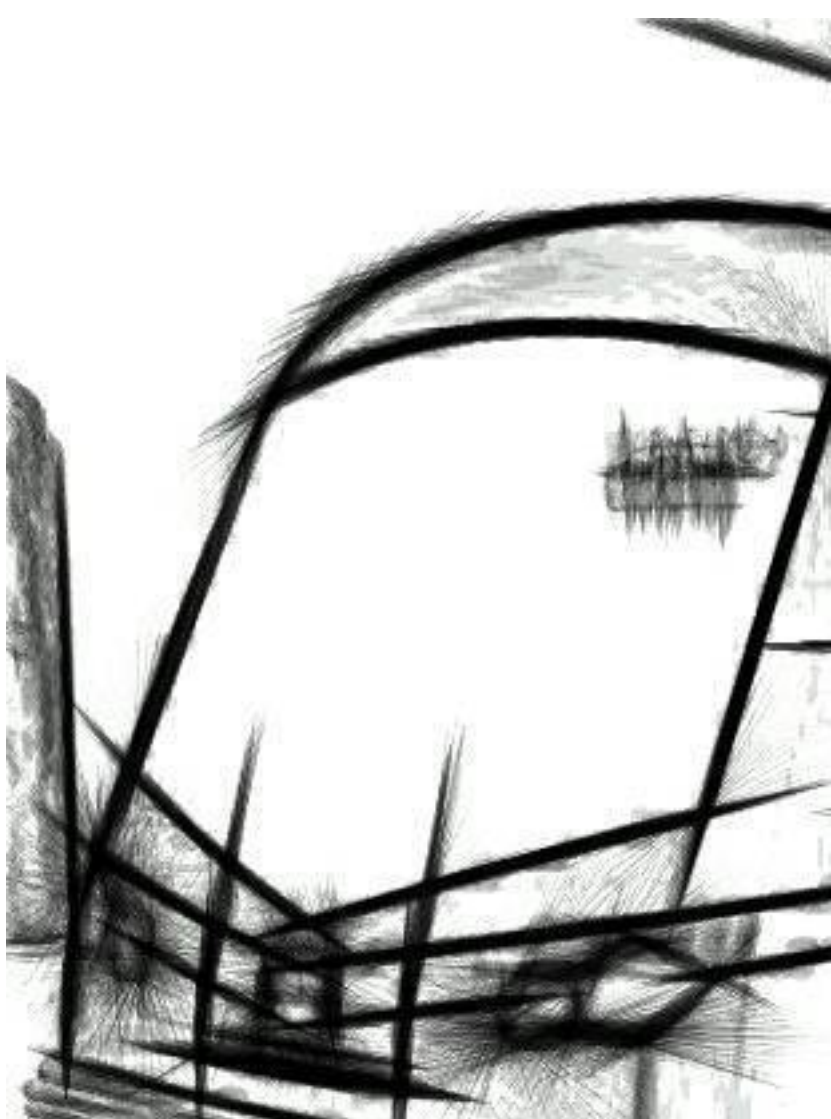
Окружающие что-то интригуяще активно обсуждают, нескончаемая возня с непривычки утомляет. Подойдя ближе к ожидающим поезда людям, можно разобрать, что сегодня какой-то последний день инъекции, что главное – всем напомнить, чтобы не оказались на карантине.

Из тоннеля слева стал приближаться шум и через мгновение подъехал состав и раскрыл такие же, как и повсюду, разъезжающиеся двери. Внутри все тоже белого цвета, плотными рядами смонтированы сидения, обшитые упругим, неизвестным мне, явно синтезированным материалом.

Простояв несколько минут, состав мягко тронулся и незаметно быстро набрал скорость. Над проходом между сидениями расположены уже как будто преследующие нас табло, на каждом из них три строки с аббревиатурами следующих ближайших секторов и временем движения до каждого. Присмотревшись, я разглядел надпись на корпусе «П-элек-

троник».

Через пару рядов расположилась шумная женская компания, что-то со смехом вспоминаящая и бурно обсуждающая своими высокими голосками. Странно, но они вспоминают события нескольких десятков лет, а на вид им не больше двадцати.

Отмечу одежду: она часто облегающая, в точности повторяющая линии тела, похожая на наши ЗК-3, но деликатнее. Или же, наоборот, она очень свободная. Но в обоих случаях заметно, что вещи не сковывают движения. Расцветка не ограничена, от пестрых цветов до монотонного.

Минут через двадцать мы уже на двадцать восьмом кольце. Поднявшись на уровень, пересели на радиальный маршрут и еще через полчаса оказались на станции двенадцатого сектора, который ничем не отличается, сменилась только его идентификация на стенах. Громадные пиететы все так же увековечивают чьи-то личности на высоких и крепких стенах зданий.

– Так, и куда нам идти, интересно?! – упершись руками в бока, повернулся ко мне оглядывающийся Семит.

– Ха-ха! Домой, конечно! – что-то Семит какой-то поникший. А во мне, наоборот, энтузиазм только поднимается. – Ну, не знаю, давай походим, может, что-то найдем?

– Давай... Блин, уже есть сильно хочется, и в туалет невтерпеж скоро будет, а в костюме даже дырочку не сделать в общественном туалете.

– А как знать, может там запах перебьет все!

– Фу, хватит так шутить! – засмеялся Семит.

– О! Привет! – раздался за спиной незнакомый (не удивительно) голос. Обернувшись, я увидел мужчину на вид лет тридцати, со свободно спадающими волосами, и с уже описанным мною прозрачным устройством на голове, как и у

остальных.

– Привет-привет! – я поприветствовал его, но на миг задумался, меня ли он окликнул, может, Костю?

– Вам тоже привет, Константин Викторович! – мои опасения оказались напрасны. – Я все ждал, когда вернетесь, чтобы к вам заглянуть и забрать свой компьютер! Помните, забыл его у вас перед вашим отъездом?

– Да, конечно! – я не теряюсь.

– Пойдемте вместе тогда? Нам с вами удобно, мы прямо рядом с метро живем, – и с довольным выражением лица он указал рукой направление.

Согласившись, я машинально подмигнул Семиту, только потом вспомнив, что мы в костюмах.

– Удачно съездили?

– Да, чемодан полон! – Семит похлопал ладонью по металлической крышке.

– Это прекрасно! Агломерации нужны материалы! Наконец ученые доработали то, что начато Великими! Вы, наверное, не в курсе. Объявили об этом чуть позже того, как вы уехали! – очень возбужденно стал говорить Евгений Ефимович Хруп, судя по идентификации. – Сегодня день Великой инъекции, как вы помните. Но это будет последняя! Больше не нужно будет делать ее снова и снова из года в год!

– Да, это замечательно! – подыграл я.

– Правильно! Замечательно! Просто восхитительно! Может, мы даже сможем поменять наши взгляды по поводу Ко-

нурбации! Теперь нам не нужно будет тратить столько сил на добычу необходимого количества материалов для обеспечения каждого гражданина препаратом!

– О, это очень хорошо. Я думаю, смене внешней политики будут рады оба государства!

– Вот по поводу наличия государства у них мог бы поспорить, они дикари, как ни крути. Именно в этом и будет заключаться загвоздка. Так что ни о каких полномасштабных изменениях говорить не приходится, но исключительные случаи, думаю, будут!

– Думаю да... – совершенно не понимаю, о чем идет речь.

– Ой, куда же вы, вот же наш подъезд! – улыбается Евгений.

– Совсем заговорили вы меня! – я вежливо посмеялся в ответ.

«Какой же у меня этаж, совершенно не могу ничего придумать», – нервно думаю я. Но удача все еще не покидает нас. В лифте Евгений нажимает кнопки двух этажей.

– Я сейчас к себе забегу и позже зайду!

– Да, конечно, конечно, Евгений Ефимович! – поддержал его желание Костя.

Наш «старый» друг вышел на четырнадцатом этаже, а мы далее двигаемся на восемнадцатый. Выйдя из лифта, мы обнаружили, что у каждой двери на площадке располагается электронный дисплей с указанием проживающих людей. Оказалось, что мы с Костей соседи.

– И как, интересно, оно открывается, чудо техники?

Семит подошел к своей двери, и тут же дисплей подсвечил его имя синим цветом. Дверь автоматически открылась, разъехавшись в полости в стенах.

– Ну, заходи в гости, Михаил! – ухмыльнулся Семит.

И я последовал его примеру.

В якобы моей комнате достаточно просторно. Мебель утоплена в глубокие стены, бело-голубые оттенки интерьера иногда сменяются отражениями хромированных деталей. Я подошел к кровати, скинул лучевую винтовку и отлепил сумку. На толстенном стеклянном столе лежит тонкое черное устройство. От прикосновения к нему появилось изображение с одной его стороны. Какая-то электронная книжка, очень интересно. Должно быть, это и есть компьютер Евгения.

Немного разобравшись в интерфейсе, я решил пройтись по содержимому, пока не пришел хозяин. В памяти устройства сохранено множество фотографий, книг, музыки, и мигает значок конверта сверху. Прикоснувшись к значку, открыл сообщение.

(Входящее) Р.С. Ульянова [14:33] 21.10.2161.

Ты не поверишь! У нас получилось! Опыты закончены успешно, можно планировать массовую разовую инъекцию каждому гражданину! Теперь новорожденные долголетие будут получать вместе с повышенным иммунитетом от родителей. А остальные получают свою дозу в момент совер-

шеннолетия. Получилось! Получилось!

Приходи, я тебе все покажу!

Я закрыл сообщение на дисплее, появился список остальных, похоже, также непрочтенных.

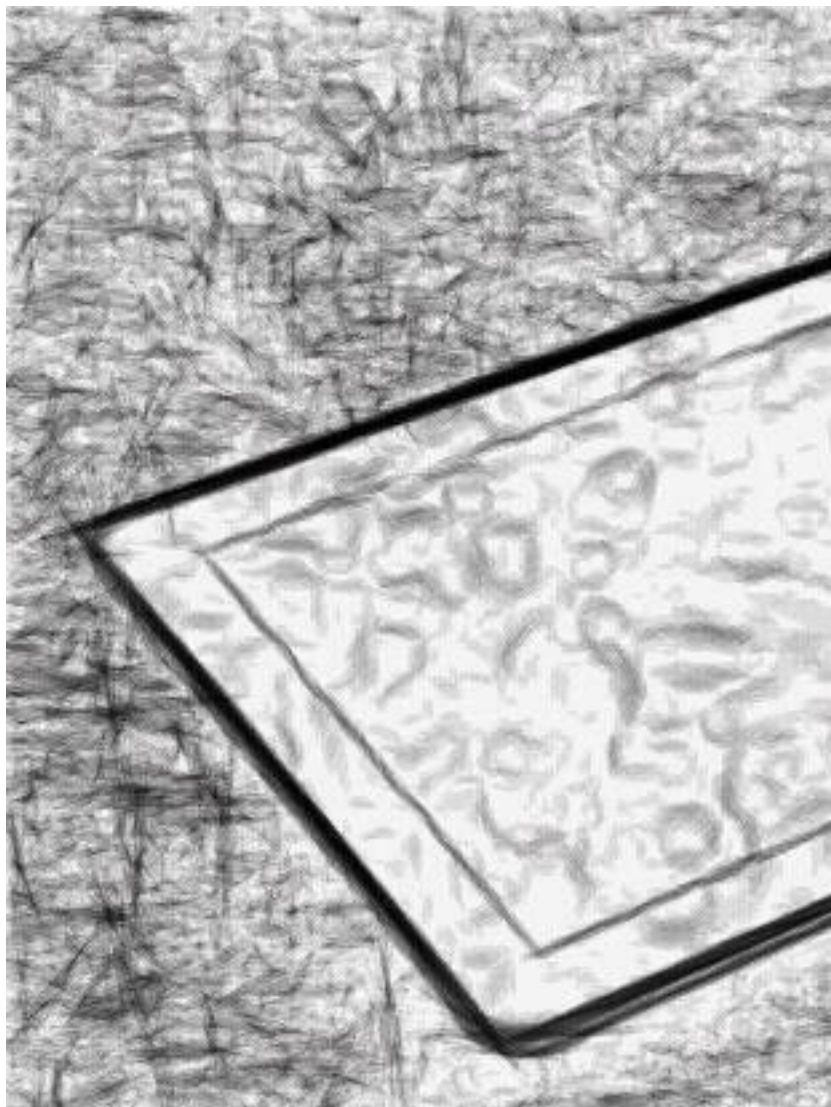
(Входящее) Р.С. Ульянова [09:12] 23.10.2161.

Почему ты не отвечаешь?

Хотела сделать тебя первым (а точнее вторым, после меня!), кто увидит результаты, но ты не выходишь на связь! А уже завтра все будет обнародовано в обязательном порядке.

Я думала, тебе интересно...

Наверное, это из-за наших с тобой споров по поводу дикарей. Твое поведение на мое мнение не повлияет, им не место в цивилизованном обществе!

(Входящее) Новостная лента [20:40] 26.10.2161.

В секторе К31С114 в очередной раз зафиксирована сейсмическая активность. Энергия успешно направлена на разрядники и аккумулирована для бытовых нужд.

Восстановительные работы не требуются.

Жертв нет.

(Входящее) Р.С. Ульянова [09:12] 02.11.2161.

Я приняла участие в конгрессе и выступила с речью, чтобы никто даже не задумывался о дикарях. Мы прекрасно развиваемся без них, и смысла их «спасения» не вижу, так как они прекрасно живут без нас.

Не было даже ни одного оппонента, все дружно поддержали предложение о продолжении террористических нападений клонами и сдерживании прогресса в их технологиях. Ты одинок в своих взглядах, может, тебя отправить жить к своим друзьям?

За твое неуважительное игнорирование меня, подниму вопрос о том, что ты шпион, чтобы тебя вообще изгнали и ввели регрессор в кровь.

После чего объявлю утечку информации и выставлю требование полномасштабного геноцида дикарей, как угрозы всему НОВОМУ человечеству!

(Входящее) Новостная лента [11:46] 04.11.2161.

Сегодня в Пантеоне в емкостях Великих будет заменен раствор недавно разработанным лабораторией «Синтез 40» как дань уважения и продолжения их идей развития

общества и технологий.

Также на новой основе продолжают пытаться создать новую технологию очистки окружающей среды взамен текущей трудоемкой и зависимой от множества известных факторов.

– Да, дела... – проговорил я вслух.

– Что не так?! – тут же раздался голос Семита в маске.

– Вот черт, мы ж на связи с тобой, – я посмеялся. – Да я стараюсь успеть почитать компьютер Евгения. Агломерация намерена в ближайшем будущем устроить геноцид вам, то есть н-а-м. И еще..., – в голове не укладывается, но уже привык верить всему, – похоже, рейдеры – это их рук дело. Тут что-то написано про терроризм человеческими клонами.

– Что за бред?!

– Ну, я не знаю, говорю, что прочитал. Так, все, ко мне звонят.

Возвращаясь к входной двери, я бросил планшет на кровать, и он погас. Взявшись за ручку, я заметил в лотке справа от меня небольшую коробку с логотипом, с крупным названием «Синтез 40» и текстом меньшего шрифта: «Применить не позднее 16.11.2161г. Все иные случаи подлежат строгому карантину».

– Здравствуйте еще раз! Ну что, пройду? – улыбается Евгений.

– Да, конечно, ваш компьютер на кровати.

– А вы что, все в костюме ходите, переодеться не успели? –

проходя в комнату, продолжает разговаривать мой гость.

– Да, мне просто нужно срочно в Синтез 40, думаю, не до внешнего вида сейчас.

– Вы знаете, я бы лучше не рисковал.

– Не рисковал чем? – я насторожился.

– У вас в почтовом ящике лежит билет к счастливой жизни, а вы собираетесь красть наши технологии, – взяв в руки компьютер, он повернулся ко мне лицом.

– Евгений, о чем вы? – я машинально развел руки в стороны.

– Вы что, думаете, я не отличу своего лучшего друга по манерам и голосу?

Хруп прищурился. Я молчу в ответ. Он все сорвет своим разоблачением. Чувствую, как кровь подходит к голове.

– Ну, чего вы молчите? Да не утруждайтесь выдумками. Я специально попросился в диспетчерский отдел на время, чтобы контролировать события своих друзей. Я слышал каждое слово, которое вы говорили в маске.

«Что же делать? – нервно думаю я. – Если наброшусь на него, то самый последний человек в Агломерации будет думать, что все мы беспредельные преступники».

– Почему вы не сообщили никому? – я присел на стул.

– Потому что я гуманен. Знаю, зачем вы пришли, но позволить осуществить это не могу. Технология скрывает в себе много больше, чем кажется на первый взгляд.

– И как же быть? – я готов вернуться к своему первому

варианту действий.

– Предлагаю вам остаться гражданином Берестовым, конечно же, – с долей печали выдал Евгений. – Настоящий Михаил погиб, я в этом уверен. Его либо разорвали на эксперименты, либо просто казнили после допросов.

– А как же моя внешность? Другие люди?

– Ох, по этому поводу не переживайте. У нас внешность можно сменить, да и к тому же он так долго не делал свою нейрокопию, что можно будет сослаться на ее частичную порчу, поэтому вы многого не помните. У нас тут любой солдат имеет право на новое тело, клонированное от кого угодно, в которое затем программируется нейрокопия мозга. То есть если я умру, то всегда можно сделать второго меня. Только не буду помнить последних событий. Интересно, правда?

Я только раскрыл рот, как вдруг в квартиру влетел Костя.

– Всем стоять, где стоите! – он угрожает нам заряженной винтовкой, о чем свидетельствует синий светодиод сбоку. – Ну, что? Променял нас всех? Вот про это я и говорил, вам еще рано в наши города, сброд!

– Постойте... – Евгений попытался заговорить с ним.

– Не подходи! – Семит выстрелил. Толстый пучок света на мгновение вырвался из оружия и ударил в плечо призрака, швырнув его на пол.

Я очнулся через несколько часов. Последнее, что помню,

это как повернул голову к Семиту и тут же получил тяжелый удар, отключивший меня.

Поднявшись с пола, снял с себя маску и скинул «капюшон», обтягивающий голову. По комнате разошелся запах горелой плоти. Перекатив Евгения на спину, я обнаружил обожженное до оголенной белой кости плечо, призрак жив, но без сознания.

– Очнись, очнись! – я похлопал его по щекам. Хруп открыл веки, но зрачки западают. – Давай же! – я несколько потряс его, без его помощи мне конец.

– Миш, вызови неотложку... – невнятно прошептал он. – Иначе я не буду знать... Не буду помнить...

– Как? – я стал оглядывать все, что есть в комнате, но Евгений, собравшись с силами, указал рукой на интерком в комнате и отключился, выдавив, что адрес они узнают. Я тут же подбежал к устройству и набрал «03», по крайней мере, этот номер нарисован во всех книжках, что я читал.

– Мы слушаем, Михаил Сергеевич, что случилось?! – женский голос быстро и тревожно задал вопрос.

– У меня раненый человек в квартире, диверсия, помогите!

– Выехали! Угроза еще существует?

– Нет, преступник скрылся!

– Ожидайте.

Рывком вернулся к раненому, снова пришедшему в сознание.

– Со мной все будет хорошо, не переживай. Тебя я прикрою, ты нормальный человек, не дикарь. Прими препарат, ты уснешь и проснешься завтра другим человеком. Все расскажу за тебя, скажу, что Чертов пред..., – он опять отключился.

Я посмотрел на органайзер слева от меня. Он показывает «21:32». Потом я подумал, что нужно принять препарат именно сейчас не потому, что я должен успеть, а чтобы меня никто ни о чем не спрашивал и не будил. Все же это чуть ли не священная процедура, как я понимаю.

Забрав из лотка коробку, я уселся на кровать. Внутри нее маленькая записка с инструкцией мелким шрифтом:

«Синтез-40. Противопоказаний у препарата нет. Применение свободное, строгий принудительный карантин при отказе. Вводить внутримышечно.»

«Краткость сестра таланта», – подумал я.

Сняв костюм, поднес холодный шприц-пистолет к мышце шеи и нажал на спуск. Острая боль. Через несколько секунд голова закружилась и непреодолимо утянуло в сон.

17 ноября 2161г.

Проснулся. Непривычно видеть ровный мелового цвета потолок и такое же белое постельное белье. Несмотря на чрезвычайно длительный сон, нет чувства, что мышцы затекли.

Очень бодро поднялся с кровати и принялся восстанавливать в голове все возможные варианты произошедших в мое

сознательное отсутствие событий и дальнейшие действия.

В комнате ничего не изменилось, моя винтовка и сумка остались на месте. Подойдя к зеркалу, я обнаружил небольшой синяк на шее. Похоже «вонь» от меня успела закончиться под воздействием препарата еще до приезда скорой помощи. Другие варианты, почему меня не тронули, думаю, даже не рассматриваются.

Никаких отличий, что до инъекции, что после не замечаю, кроме общего самочувствия. Прогулявшись немного по квартире, я посетил душевую комнату. В ней все белое, как облака в ясный день, большое зеркало отражает меня в полный рост и не оставляет отпечатков на своей поверхности от прикосновений.

После душа отправился на кухню, но там ничего не обнаружил кроме пары небольших прозрачных пакетиков с бесцветным содержимым внутри и надписью на упаковке «*Энергия+*. *Употреблять не чаще 1 порции в сутки*».

Доставая стеклянную тарелку с полки, я уронил соседнюю. Ударившись об пол, она не разбилась, а только подскочила и, гулко дребезжа, как монета, долго вибрировала.

Позавтракав достаточно вкусным пайком, немного соленым, с неизвестными мне специями, решил заглянуть в гардероб бывшего хозяина. Пока переодевался в белый хлопковый наряд и свободную ветровку со значком Агломерации на лацкане, вспомнил, что обязательно нужно сегодня сделать, раз уж я действительно Берестов Михаил.

Как только я двинулся в сторону входной двери, чтобы попытаться забрать ящик с материалами для Синтез-40, из квартиры моего мятежного соседа раздалась мелодия из динамика какого-то устройства в прихожей. Пока я оборачивался в поисках источника, мелодия прекратилась. На тумбе обнаружил компьютер Евгения, на котором яркой бегущей дорожкой вспыхивают голубые светодиоды по всему контуру устройства.

(Входящее) Е.Е. Хруп [09:36] 17.11.2161.

Привет, гражданин Агломерации! Да-да, именно так. Документы найдешь в почтовом лотке, где нашел препарат. Не забудь сегодня сдать свои материалы, у тебя крайний день! Надеюсь, ты остался таким же благоразумным, как и при недавней нашей встрече.

На кухне я видел пару пакетов энергетического пайка, если вдруг узнаешь, из чего он делается, не устраивай панику, все придет со временем. Как выйдешь из лаборатории, направься в столовую, она практически напротив, я буду там тебя ждать.

Компьютер дарю тебе. Войсковым твоего ранга он не выдается, а себе я выписал новый, сказал, что этот украл Чертов. Если что, говори, что нашел его. Память устройства полностью очистил, кроме закладок на документальные ресурсы сети Интернет.

Квартира Константина временно закреплена за тобой.

Действительно, в лотке лежит пластиковая карточка, на ощупь покрытая микрорельефом, но внешне глянцевая, с изображением монументов Великих с одной стороны и металлическими контактами с другой.

Я бросил планшет во внутренний карман куртки и пошел через лестничную площадку к соседней двери. На контрольном дисплее теперь отображается только одно мое имя, двери разошлись и открыли точно такую же квартиру, как у меня. Металлический ящик стоит около стены в прихожей.

Спустившись по лестнице и выйдя на улицу, я вспомнил, что хотел вдохнуть полной грудью чистый воздух. Действительно, это удивительное ощущение. Легкие глубоко вентилируются, и голова немного кружится. Той же дорогой, которой вел меня Евгений позавчера, я отправился к метро на осевую станцию.

Так легко ощущать себя свободным от тягостей мертвой зоны. Люди вокруг смотрят тебе в глаза и непринужденно улыбаются чему-то. Одежда приятно сидит на чистом теле, нет никакой тяжелой ноши за спиной, а легкий ветерок, сквозящий в переходах, развеивает вымытые волосы на моей обросшей голове.

Разместившись на пассажирском кресле, решил заглянуть в компьютер. Евгений что-то говорил про сеть и информацию. На экране расположен выделяющийся значок с подписью «Нажми сюда», похоже, позаботился мой новый друг. Ткнул кончиком пальца по нему, появилось окно с надписью

«Краткий справочник Гражданина», строкой ввода и клавиатурой с полным алфавитом и цифрами. Тут же ввел «Энергия+», Евгений несколько смутил меня тем, что я съел на завтрак. На экране появилась статья.

«Энергия+. Энергетически насыщенный продукт, с высоким содержанием легкоусвояемых белков и аминокислот, полным набором витаминов и минералов. Производится в каждом секторе.

В 2134 году в процессе массовой рационализации, во время расцвета технологии клонирования и переноса копий сознания в индивидуальных клонов, было принято решение об использовании в пищевой промышленности освобожденных тел как основной составляющей.

Для погашения отрицательного воздействия на организм каннибализма (по своей сути) присутствуют некоторые добавки из ряда производимых «АгроСинтетик».

Продукт распространяется в свободной форме. Получить можно на любом пищевом складе, как и другие, по представлении паспорта и отсутствию информации в базе данных о чрезмерном количестве выписанных продуктов за месяц»

Вот дела. Правда, не ощущаю никакого отвращения. Если такой процесс согласован целой цивилизацией и не несет никаких принуждений и преступлений, то как-то проще морально воспринимать сей факт. Нужно поискать информацию о клонировании.

«Клонирование. Технология, утраченная после войны, вернулась благодаря усилиям Великих. Сейчас находится на стадии полного контроля и массового применения.

Ряд граждан, соответствующих реестру лиц, имеющих право на копию сознания, могут воспользоваться индивидуальным клонированием и ячейками для хранения тела, имеющимися в каждом секторе.

Также имеет место клонирование в военных целях. Каждый сектор имеет фабрику по производству рядовых солдат с сознанием на основе ограниченного набора данных и обязательным суицидом в случае разочарования в преследуемых ими «личных» целях или провале операции.

Недопустимо одновременное существование двух одинаковых сознаний за исключением клонов, используемых в военных целях.

Клоны, используемые в военных целях, проходят проверку на брак. Каждый гражданин для них приравнен Богу».

Вот это уже интересно. Правда, это ужасно. Но с какой-то стороны могу понять такие методы. Черт, мне стыдно перед самим собой за подобные мысли.

Во всех этих «рационализациях» и жестких, даже нечеловеческих действиях есть смысл. Это общество строит цивилизацию высоких технологий. Цивилизацию будущего, которую невозможно было построить ранее, как нельзя перебрать уже запущенный двигатель автомобиля. Я не видел

здесь даже органов правопорядка. Не вижу денежных взаимоотношений. Не вижу агрессии внутри общества, зависти, еще чего-то. Все счастливы и вольны. Работа максимально автоматизирована, жизнь людей свободна для саморазвития, любви, семьи, творчества и созидания.

Конечно, если посмотреть с внешней стороны, то они ужасный, коварный и величественно сильный враг для каждого. Они слепы по отношению к любому, кто выходит за рамки гражданина. Но находиться внутри этих рамок, как я вижу, несложно. К тому же это меры для стремительного строительства нового человечества, и затем, думаю, они теряют смысл.

Есть еще несколько минут до прибытия на шестое кольцо.

«Перенос сознания. Гражданин, соответствующий реестру лиц, имеющих право на копию сознания, может обратиться в одно из связанных друг с другом хранилищ для обновления в базе его нейронного отпечатка.»

«Таким образом, строго в случае регистрации смерти Гражданина в хранимого клона записывается последняя нейронная копия умершего»

Состав в очередной раз остановился. Женский голос объявил: «Шестое кольцо, сектор четыре». Закинув планшет обратно в карман, поторопился покинуть вагон.

Поднимаясь на радиальную платформу, обнаружил, что в этом секторе имеются военные силы, которых ранее не замечал, по крайней мере, в таком количестве. Они одеты в оди-

наковую серую форму, и у всех на правом глазу висит проекционная система.

– Гражданин, идентифицируйте себя в системе.

Я чуть не столкнулся с одним из них, зазевавшись по сторонам.

– Эм... Сейчас.

Я вспомнил, что у меня теперь есть паспорт, и вставил карту в устройство, протянутое мне солдатом.

– Спасибо, проходите, – солдат двинулся дальше.

По дороге к третьему сектору мне пришло новое сообщение, в нем Евгений посоветовал воспользоваться электронной навигацией для поиска здания «Синтез 40» и общественным транспортом.

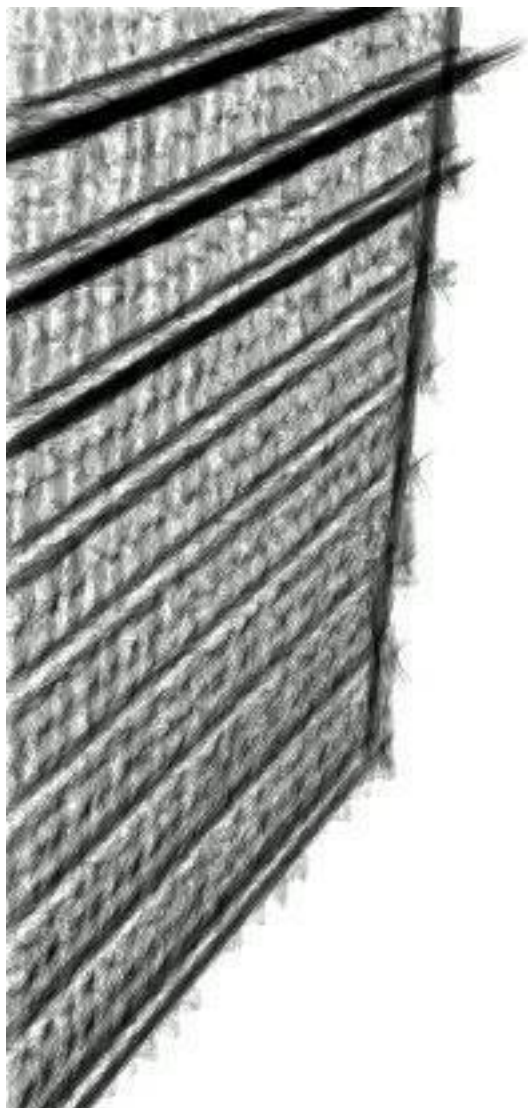
Поднявшись на поверхность, я достал компьютер и нажал соответствующий значок «Навигация». Схематично отобразились все постройки с указанием названий или их номеров, точно так же, как было в машине сопровождения.

Примерно в сотне метров от спуска в метро заметил автобусную остановку из толстого гладкого стекла, покрытого черным стилизованным орнаментом, похожим на татуировку. Дождавшись автобуса, я расположился на самом заднем сидении и стал осматривать сектор через окно. Автомобили, что странно, немногочисленные для такой плотности населения, не испускают никаких выхлопов. Еще Семит говорил по дороге сюда, что они везде используют в качестве энергии свои батареи.

Общая гамма цветов снова такая же, как в других секторах, но архитектура сооружений сильно отличается. Они грубее в дизайне, вокруг крайне малое количество экранов, транслирующих какие-то новости или еще что-то. Люди на улице заняты серьезными разговорами. Навигатор отображает сплошь и рядом «Фабрика», «Научно-исследовательский центр», «Лаборатория» и другие подобные объекты нежилого предназначения.

По левой стороне от дороги на газоне включилась поливочная система, широким зонтом струек покрывающая участок зеленых насаждений, и тут же проявилась микрорадуга.

Через несколько минут я прибыл на ближайшую от лаборатории остановку, судя по карте. Далее, двигаясь прогулочным шагом по проспекту, обнаружил фонтан, окруженный ровными рядами постриженного кустарника. Нескончаемые потоки воды, ценнейшего ресурса, омывают каменную фигуру откровенно обнаженной девушки. Такова нравственность или своего рода равнодушие, нейтралитет?

И вот из-за угла очередного здания стала появляться надпись «ЛАБОРАТОРИЯ СИНТЕЗ-40». Через прозрачные двери я прошел внутрь. Меня встретили люди службы безопасности и вежливо попросили подойти к терминалу регистрационного пункта для идентификации.

Высокая, по грудную клетку стойка держит яркий дисплей, на котором предлагают вставить в считыватель паспорт, после чего просят не двигаться для съемки фотографии. Система поздравила меня со сменой внешности и уведомила, что новые данные загружены с сервера и совпадают с паспортом.

– Хм...

Затем провел некоторый диалог с программой по поводу моего визита, после которого получил направление в приемочный пункт материалов с указаниями, как пройти.

В белых коридорах бессменно пусто и тихо. Одинаковые двери пронумерованы с указанием отдела, этажа и номера кабинета. На каждой лестничной площадке и в лифте располагается экран с экспликацией всех помещений.

Наконец я подошел к нужной двери и чуть приоткрыл ее. Щелкнул освобожденный прижимной механизм, и тишину разорвал нагнетающий головную боль гомон и шум большого зала или даже цеха.

Быстро свыкнувшись с ним после коридорного умиротворения, стал различать отдельные звуки металлических механизмов, шварканье коробок, человеческую речь.

Спустя несколько секунд на меня направился зеленый яркий лазерный луч, подсвечивающий редкие пылинки в воздухе, и женский объявил о необходимости персонала обеспечить мне внимание. Ко мне спешно подошел один из только что занятых людей.

– Доброго дня вам! По какому вопросу?

– День добрый. Мое имя Берестов Михаил Сергеевич, я принес вам материалы из Леса Счастливых.

– Откуда-откуда?

– Ну, вот смотрите, – я растерянно открыл ящик.

– Ах, да. Так это место называют дикари. Зона аномалии B12O3.

– Ну, мне понравилось, достаточно символично.

– Да-да символизм... Не стану задерживать, давайте сюда все. – Я передал ящик. – Давайте ваш паспорт, задача выполнена, сделаю отметку в базе.

Он что-то сделал в своем компьютере и поздравил с пополнением послужного списка.

– Во славу Великих! – я решил поправить ситуацию с моей ошибкой из-за неосведомленности, но человек не обратил никакого внимания, вернул мне мою карточку и ушел.

Тем же путем я вернулся на улицу и стал искать столовую на противоположной стороне. Немного правее обнаружил здание, над входной дверью которого изображены тарелка, вилка и нож, а также надпись «Гастроном».

Проходя вдоль ростовых окон, сквозь свою тень на голу-

бой тонировке узнал лицо Евгения, сидящего за крайним столиком. В помещении так аппетитно пахнет жареным мясом, что невольно хочется что-то съесть.

– Приветствую, мой друг! – я подошел к Хрупку со спины.

– Да, и я вас тоже!

– Здесь как правильно заказать? Что для этого нужно иметь?

– Ничего, Агломерация не использует денег, как ты, наверное, уже заметил. Заказ оформил, сейчас принесут на двоих.

– Вы знали, что я уже подхожу?

– Конечно, у вас же мой компьютер, – ухмыльнулся Женя.

– Кажется, понял...

– Ну, что, как реакция на завтрак? Думаю, ты уже почитал об этом.

– Если честно, вполне рациональное решение. Никто никого для этих целей не убивает, просто используется то, что, к примеру, утилизировать не экономично, а сама личность жива в другом теле.

– Вот! Вот обычный, разумный человек, а меня не понимают! Они говорят, что все без разбора варвары!

– А кто эти «они»? Просто интересно, – спросил я.

– Все... – отчаянно опустил взгляд на стол Евгений.

– Понятно. А почему предыдущий Берестов не делал нейронной копии?

– Знаешь, эта копия, она больше важна для государства и

родственников.

– Почему? А как же преодоление страха перед смертью и тому подобное?

– А ты себе сам не представлял, как это все произойдет, если, к примеру, вот убьют тебя, – он приложил ладонь ко лбу, таким образом подчеркивая необходимость пофантазировать. Как раз в этот момент нам стали подносить заказ.

Действительно, у меня все равно не укладывается, что даст лично мне, моя живая копия после смерти. Да, я могу представить, что это буду я. Идентичный на все сто процентов мне человек, за исключением последних событий после копирования. Но инстинкт самосохранения не пропадает от этого. Более того, я – есть я сейчас, а не потом из компьютера. Черт, не могу это объяснить.

– Да, спасибо большое за ваши услуги, – вежливо улыбаясь, Женя проводил стройную рыжую официантку и повернулся ко мне. – Ну, как, обдумать успел?

– Что-то не то в этом, конечно.

– Да-да. Вот я, говорят, два раза погибал уже. Конечно, лично меня это радует, но я этого не знаю. То есть для меня как копии это хороший факт. Ну, а я первый? Как я отнесся к тому, что я где-то умираю раненый? Утешал ли меня тот факт, что я буду жить копией? По сути дела я новый Евгений Хруп. Новый человек, только с заложенной заранее информацией в голове. А «тот я» умер, как ни крути. Приятно не терять друзей, но самого человека это не спасает... – он ши-

роко раскрыл глаза и поднял брови, высказывая свои мысли.

– Да, примерно так и понял все, – я кивнул головой.

– Конечно, технология имеет место жить. К примеру, вчера меня напрямую перенесли в новое тело, потребовался целый день, но я счастлив.

– Ах, да. Простите, не поинтересовался, как ваше состояние после ранения, – я немного покраснел, но Хруп по-доброму рассмеялся.

– Да-да, любезности! – он продолжает улыбаться. – Это очень хорошо, ты очень разумный человек, раз так трезво воспринимаешь вещи и имеешь какие-то манеры.

– А что за реестр лиц...

– Тут все просто. Не каждому же клона делать! – он перебил меня. – Так не напасешься материалов! Да и прививку местную нужно делать, это все затратно.

– Нет, это я понял. А кто туда входит?

– А, ты про это. Те, кто с оружием и повыше рангом, кто на обороне наших интересов: всякие разработчики, ученые, сильнейшие руководители и тому подобные личности.

– Как я и думал, в принципе.

– Да, несложно догадаться.

На столе в прозрачной посуде лежат салаты, по середине в блюде пошире красуется нежной хрустящей даже на взгляд корочкой поджаренная курочка, а прямо перед нами из глубокой чашки супа поднимается в воздух жирный аромат.

– А я подумал, что вы питаетесь чем-то похожим на утрен-

ние пакетики на кухне, – продолжил я разговор, поднося ложку с горячим содержимым ко рту. М-м-м, соленый вкус с первой ложки заставил жадно черпать суп.

– Нет. У нас все, как должно быть у людей.

– Только все одинаковое! – пошутил я. – Я думаю, со временем надоедает?

– Нет, что ты. Ты еще не видел и песчинки. Не был в тех гигантских секторах, совмещенных друг с другом, что содержат в себе уголки природы. Точнее не уголки, а действительно живые фауны, в том формате, в котором они существовали до войны. В особенности это относится к озерам, рекам, лесам, нагорьям. Территории, которые нам пришлось максимально быстро брать под свой контроль, чтобы воды не приносили ядов в наши земли. В них никто не живет. Это как курорт, общение с природой и ее общение с нами, – он разводит блестящей металлической ложкой перед собой, будто что-то изображая.

– Нужно будет посетить.

– Обязательно. Обязательно посетить! – загорелся Евгений. – Наши предки не грызли глотки друг другу, мы все самоотверженно боролись с внешней средой. А окружающие в то время нас люди принимали все это как бесполезные фанатические попытки создать ботанический сад. Но к чему мы пришли? Пусть и не все методы ты разделяешь, но иногда есть смысл принимать жесткие решения, ведь не в песочнице играем!

Мы уделили больше внимания трапезе, пока еда не остыла. Сочное и нежное мясо курицы горячими кусочками само сползает с гладкой теплой косточки, а кожица впитала в себя весь букет специй и масел. Через несколько минут в столовой стало очень шумно от множества людей, похоже, у них какой-то график в питании. Наверное, необязательный, раз мы сидим тут свободно.

– А что мне дальше делать?

– Как что? Живи и наслаждайся жизнью. После Великой инъекции твоя жизнь продлится еще лет двести, может, двести пятьдесят.

– Это как это так?! – я чуть не подавился от новости. Конечно, подозревал о продолжительности жизни людей в Агломерации и их здоровье, но не до такой степени. И как реагировать на этот неожиданный подарок, даже не способен понять.

– Ха-ха! Вот так. А если будешь выделяться из всех, то, может быть, еще и на копирование занесут тебя, – разговаривая, Евгений не отвлекался от курицы, закусывая дополнительно овощной нарезкой.

– Поэтому у вас нет стариков, да?

– Заметил? Это хорошо! Конечно. Еще никто не успел состариться. Ну, может, кроме первых немногочисленных поколений, они покоятся вокруг Пантеона и под ним.

Пообедав, мы вышли на улицу. Евгений предложил прогуляться по проспекту до метро.

– Обратил внимание на фонтан? – с улыбкой спросил меня Женья.

– Да, очень красиво, хоть и крайне откровенно.

– У нас не стыдятся интимных вопросов, нет в этом ничего, на что следовало бы обращать внимание.

– Понятно. Слушай, а что, собственно, с Семитом?

– С Константином, наверное?

– Ну, то есть да, с ним, – поправился я.

– Он не покинет территории Агломерации, это могу сказать точно. На каждом шагу регистрации, каждый житель видит его имя. Много всего.

– А что с ним дальше будет?

– Могу предположить, что его ликвидируют и сожгут. Он оказался не настолько разумным и спокойным, как ты.

– А меня ни в чем не заподозрят?

– Теперь нет. Я им рассказал, что ты был без сознания, когда твоего напарника подменили, а ему в случае чего никто не поверит, а точнее никто и разговаривать с ним не будет. Скорее всего, он уже мертв. Ты переживаешь по этому поводу?

– Если честно, не очень, хоть это и был, наверное, самый близкий мой знакомый. Или, может быть, не самый близкий, но это самое длительное мое знакомство. Особо никогда не искал себе друзей. Я покинул Чистые земли в поисках приключений, в поисках технологий, в поисках человечества... Конечно, с идеей развить родное поселение, но в наше время

свое собственное благополучие превыше всего. Инстинкт, позволяющий продолжить род.

– Привыкай, у призраков поставлена общая цель.

– Да, наш мэр говорил так же.

– А ты родом не из Содружества разве? – Евгений вопросительно посмотрел на меня.

– Нет. Я из так называемых Брошенных земель. Из зоны...

– Расскажи подробнее?

– Есть участки территорий, которые замкнуты между агрессивными зонами, где радиация зашкаливает, где еще что. Вот я из такой случайно выбрался, долгая история.

– Представляешь, это-то уж мы знаем. Живут там как?

– Общими усилиями, в основном, очищаем почву, таскаем здоровую землю из шахт к себе. Строим, стараемся развиваться количественно и качественно, но очень сильно ограничены рамками как технологий, так и материалов для их разработки и производства. Сформулировал как смог...

– А деньги? Деньги у вас там есть?

– Нет, денег, к сожалению, нет. И к ним никто не стремится. Да и кому они там нужны.

– Почему же к сожалению? Деньги придумали те, кто захотел жить безгранично лучше, чем другие, и механизмы их концентрации сами придумали, назвав все это правильными словами: банки, фонды, социальные отчисления и другой чужью, строящейся друг на друге до бесконечности, постоянно рушащейся и снова строящейся. Бессмысленная система.

– Есть у нас торговец один, меняла, ну, выменивает вещи, – будто оправдался я. – Основной эквивалент – пищевые продукты, и странник писал, что в других поселениях тоже такие есть.

– Странник писал?..

– Это неважно. Но оказалось, что эти торговцы из Конурбации. Как разведчики, следят за развитием нашего общества и не торопятся пока нас принимать к себе.

– Ха-ха, примерно как у нас с Содружеством. Может, и за нами кто-то следит. Кто ж его знает, – Евгений рассмеялся и взял бежевую салфетку.

– Наверное.

Я немного поник, вспомнив, как покидал свои земли, и задумался: как они сейчас там живут? Правда, уверен, что ничего нового не произошло.

– Не переживай, подниму еще раз вопрос по поводу иноземцев. У вас другой склад ума, эти капиталисты вокруг нас строят общество на других отношениях друг к другу, поэтому они нас и не интересуют. Такие люди вечно будут искать возможности войны, интриг, обмана и всего самого злого, что связано с прибылью, личным достатком.

– А что же вы с ними не воюете непосредственно? Только терроризируете, для них ваши клоны как мелкое хулиганство.

– Зачем нам лишние затраты? Всему свое время! Пусть отвлекаются на мелкие нападения. У нас все силы броше-

ны на строительство, необходимо покрыть всю планету для большей цели, всеобъемлющей! Устранить все пагубное воздействие войны неразумных предков, кстати, таких же зависимых от денег, как наши соседи.

– Да, серьезные планы.

– А кто, если не мы? Содружество? Ты знаешь, зачем они послали вас? Ты думаешь, земли чистить собирались? Только если для своих садов где-нибудь подальше от вас холопов. А скорее всего, чтобы, как ты сейчас, жить с нами и получить гражданство.

Есть закон до сих пор, старый. И некоторые ваши руководители про него знают. Человек, получивший инъекцию, независимо от методов, имеет право на гражданство.

Не растрчивать же препарат попусту, а сам человек становится чистым, – он поднял указательный палец вверх. – Но если раньше это было на один год, то сейчас до конца очень длинной жизни! А они не имеют светлых идей с планом на несколько поколений, каждый тянет одеяло на себя!

– Тогда зачем же такой закон, если вы не рады?

– Устал, невнимательный становишься. На момент его рассмотрения каждая инъекция была сверхважна, их было критически мало, а дети рождались уже полноценными Призраками.

– А потом про закон просто забыли?

– Как-то так, не до него просто, все равно никто уже давно не может проникнуть к нам. Вы первые. Пойдемте, поси-

дим возле фонтана, шум воды очень расслабляет, я немножко возбужден разговорами, – любезно предложил Евгений, и я согласился попробовать.

За зелеными рядами самшита оказались невысокие мраморные лавки, по крайней мере похожие на мрамор узором.

– У вас интересные строительные материалы вокруг. Вот сейчас я сел на каменную скамью, но не чувствую ее холода, – я задал новую тему разговора.

– Да. У нас все обязательно проходит нанообработку для повышения качества. Наши здания никогда не рушатся, механические устройства не стачиваются, ничего не ржавеет, у каждой конструкции всегда есть большой запас прочности, – он говорит, засмотревшись на работу садовника ватерпасом. – Каждому изделию мы придаем свои свойства для комфортности. Одним словом, вокруг все чуть ли не вечное.

– Изумительный мир, – вздохнул я.

– Глупо экономить на производстве и тратить ресурсы как человеческие, так и материальные на поддержание, ремонт и восстановление. Порой приходят мысли, что без всеограждающей войны невозможно было бы построить мир так организовано. Необходимо сделать все с нуля.

– Согласен. Сложно перебрать двигатель, когда он уже работает...

– Золотые слова! Ваши?

– Неважно. А кстати, чем вы занимаетесь? – я повернулся к Евгению.

– Ассистент, – ответил он кратко.

– В каком смысле ассистент? Профессия такая?

– Во всех смыслах. Это как состояние души, – он немного посмеялся. – Я не имею одной определенной формы занятости. Меняю направления от настроения и интересов. Куда направят, там и работаю. За много лет жизни многому учишься.

– А у нас весь труд так разделяется в Чистых землях, для стимулирования разностороннего развития.

– Не путай, ты уже там не живешь. «У нас» – это теперь в Агломерации Призраков пустошей, – снова эти слова. – А в целом труд разделяется точно так же, бывают принудительные меры, но это редкость. Все общество очень ответственно. Просто кому-то нравится одна профессия, но согласишься, что двести лет заниматься одним и тем же очень скучно.

– Наверное! Откуда мне знать, – я улыбнулся. – А что происходит с гражданами, помещенными на карантин?

– А что с ними должно происходить?

– Мне рассказывали, что всех тех, кто, грубо говоря, вызывает подозрение контакта с окружающим миром, бросают на карантин и дальше неизвестно, что с ними происходит. Я вот, к примеру, вообще всю жизнь жил в пустоши, но разгуливаю тут у вас.

– Едят их! – сказал Женя так резко, что я немного испугался. – Шучу, ха-ха-ха! Чушь это все. Еще ни одному попавшему на карантин в чем-то не отказали, все вернулись в свои дома. Просто ряд принудительных процедур и анализ общего состояния здоровья. Своего рода подстраховка, статистика, исследования. Нас сотни миллионов в одной системе, дикарей сотни тысяч. Всем свои методы контроля эпидемий и реакций на препараты.

– Понятно. А как же изгой?

– А откуда у тебя вообще такая информация? – Женя невольно нахмурился, выдавая смену настроения.

– Это все Багрый Максим рассказал.

– Вот жук! Вот кто предатель, так предатель!

– Что-то новенькое чувствую. А поподробнее? Опять какое-то разоблачение?

– Да чего рассказывать тут?! Во времена, когда Агломерацию еще можно было поразить, на закате жизни Великих, этот товарищ решил поиграть в вождя, забрав с собой при-

личное количество инъекций и свалив с ними на запад обожествиться среди вашего населения. Похоже, даже придышался к дикарям, – голос Евгения стал раздраженный. – Слава Богу, что-то пошло не совсем так, как он планировал, вершин власти он не достиг. И прислал, наверное, именно он вас к нам?

– Ну, да.

– За инъекциями или как он это преподнес?

– Как сейчас понимаю, то да. Те, что в Пантеоне хранятся.

– Да, верно. В то время никто и не знал места их производства, только в Пантеоне лежали до недавних пор древние образцы. А колоть приходили непосредственно домой, население было небольшое. Это сейчас тебе в почту кидают.

– Значит, профанация... Не нужно ему никаких исследований, просто уколы кончились, – пришел я к выводу. – И, похоже, он не придышался. Он постоянно курит табак. Если это вообще табак, я не встречал курящих, хоть и дряни этой много осталось после войны. Курение заглушает запахи?

– Не скажу, не проверяли и тоже не курим. А по твоим выводам все именно так. Зачем ему эти исследования? Только интересно, совпадение ли то, что кончились они у него в момент выпуска одноразового препарата?

– Думаешь, доносчик есть?

– Исключать нельзя... Более того, возможно, он действительно домой податься захотел...

– Я что-то притомился. По домам? – от обилия новой

информации голова будто потяжелела. Немного продолжив бессмысленные рассуждения, мы вышли из парка и побрели пешком дальше в сторону метро. Занятые разговорами, не заметили, как небо нахмурилось. Через минуту появилось странное явление в небе, которое не могу объяснить.

– Что это? – я указал пальцем, вытянув руку вверх.

– Ах, это. Каждый сектор накрыт гравитационным полем, оно способно отталкивать мелкие предметы, такие как капли дождя. Ты видишь, как они будто скатываются по невидимому куполу. Нам не нужны дожди пока что.

– Ух, вот это да. Но почему «пока что»?

– Есть некоторые планы, но в неблизком будущем, может, когда заполоним весь континент, а лучше несколько континентов.

– Если нельзя рассказывать, не буду спрашивать, извини.

– Ничего страшного, – успокоил меня Евгений, хоть я действительно не расстроился.

– А сейчас у вас площадь Агломерации сильно большая?

– Ха, вот сам подумай, – усмехнулся Евгений и, зажимая по одному пальцы на руках, стал объяснять, – площадь каждого сектора, количество секторов и колец, чем дальше кольцо от центра, тем больше секторов умещается на нем. Плюс «природные» сектора, которые гораздо больше по площади, а иногда кратно больше, если включают в себе горный рельеф или водные ресурсы. Вот и считай.

– Это же львиная доля Евразии! – воскликнул я.

– Ага. Поэтому воевать с нами просто бесполезно. И качество, и количество. Все, что может делать Конурбация, – измениться во взглядах на построение общества.

– И времени у них все меньше. Вы стали расти чрезвычайно быстро, чем больше секторов, населения, тем быстрее вы строитесь.

Евгений кивнул головой и снова сделал замечание по поводу «вы» и «мы». Спустились на шумную станцию метро, отправились со знакомой пересадкой в свой сектор.

– Звони, пиши, заходи, если что. У тебя сейчас отпуск между заданиями, позже с тобой будет связываться командование для ваших дальнейших операций, – прервал молчание Евгений, уже подходя к нашему подъезду.

– Конечно! Отдохну, и встретимся еще. Мне без тебя никуда.

Зайдя в квартиру, я мигом переоделся и упал на кровать. Прохладные мягкие ткани освежают и расслабляют. В момент, когда я уже окунулся в сладкие объятия сна, раздался электронный повторяющийся сигнал. Немного приподнявшись с кровати, я заметил мигающий красный огонек на белом интеркоме. На нем обнаружил бегущую повторяющуюся строку черного текста на однострочном сером дисплее: *«Берестов Михаил Сергеевич, вам необходимо не позднее 21 ноября 2161 года прибыть в ваше военное отделение ВО-К28С12».*

«Начинается», – выдохнул я. Повернувшись, я заметил на

здании за окном телевизионный экран.

По нему проигрывается заставочный ролик выпуска новостей, после которого появился телеведущий на фоне видео с задержанием Семита.

– Уважаемые Призраки пустошей, девятнадцатого числа утром стало известно, что задержан диверсант Конурбаши «Содружество». Длительное время преступник скрывался в канализационных коммуникациях и пытался таким образом покинуть территорию Агломерации.

Средствами ультразвукового сканирования удалось определить его местонахождение и задержать. Да здравствуют технологии, граждане!

Дальнейшая его судьба на данный момент решается вооруженными силами и органами правопорядка.

В видеоролике показано, как из стоков в пассажирский транспорт выводят Семита, закованного в наручники и с каким-то ошейником на шее с жесткой сцепкой из блестящей металлической трубы, которую крепко держит солдат.

Я еще недолго посмотрел передачу, но новости не несли для меня смысловой нагрузки, так как были связаны с внутренними событиями Агломерации.

21 ноября 2161г.

До конца недели я посвятил все свободное время прогулкам и отдыху. Без бесед, без знакомств. Только наблюдения. Гулял по Агломерации, наслаждаясь рассветом, если не зенитом нового человечества. Завтракал, обедал и ужинал.

Принимал ванную с маслами. Это восхитительная жизнь! Я считал, что в Дусте был пик развития на ближайшие годы. Люди двадцать первого века уничтожили все, что построили своим трудом. Кто чего добился, неясно.

Вчера видел новости о готовящемся проекте на следующий год по выводу станции и нескольких инженеров на околоземную орбиту. Повторение достижений довоенной нации. В Чистых землях очень много книг, в которых упоминается Юрий Гагарин и торжественные события двадцатого века. Очень интересно!

Иногда даже кажется, что все это не настоящее, что я впал в кому и мне снятся прекрасные видения.

Сегодня нужно попасть в ВОК28С12. Думаю, я не ошибусь, если расшифрую это как «военное отделение кольца двадцать восемь сектора двенадцать», то есть того, где я проживаю.

Хочется увидеть зеленые кольца, животных и растения. Напишу сообщение Хрупу, чтобы встретил меня после обеда.

Оставив планшетный компьютер дома, я отправился в назначенное место. Отделение находится в самой северной части соты, добрался туда на автобусе, меня встретили на таком же регистрационном пункте, что и в лаборатории. Все одинаково систематизировано и понятно.

Меня сопровождал человек в обтягивающем защитном костюме с откинутым за спину «капюшоном», но с другими

символами на груди и спине. Должно быть, это звание или должность, нужно будет разобраться вечером. Мы поднялись на третий этаж по лестнице.

– Приветствую тебя, Михаил! – крепко пожал руку мужчина с глубокими глазами и густыми черными бровями.

– И вам доброго дня!

– Что значит «нам»? Ты меня не помнишь? – нахмурился военный.

– Я вообще почти все забыл, когда меня контузило в бою с дикарями.

– Да, я слышал, а нейрокопия устарела, ну, будем надеяться, что память вернется, а то неудобно как-то, – с подозрением тяжело посмотрел на меня мужчина. – Федор Александрович меня зовут. Твой полковник я, если что.

– Давайте сразу к делу перейдем? – я решил закрыть вопрос поскорее, мне не по себе рядом с ним. – Голова болит.

Мы продвинулись вглубь коридора и вошли в комнату за металлической дверью, покрытой приятного цвета текстурой. В помещении совсем темно, но вдруг со щелчком зажглись лампы на потолке. За столом посередине комнаты сидит Семит, поводок жесткой сцепки прикреплен к противоположной стене. Все лицо избито, он явно не поддавался задержанию.

– Ну, здравствуй, дружок, – с презрением отбитыми легкими прохрипел Семит.

– Знакомы? – обернулся ко мне Федор, приподняв бровь.

– Я видел новости, это Константин, которого я принимал за своего соседа.

– Ах ты, подонок!!! – Семит дернулся, но сцепка не дает ни единой возможности передвижения. – А мы тебя кормили еще!

– Что вы можете сказать в ответ на эту ситуацию? Этот человек утверждает, что вы его сообщник, – Федор стал ходить из угла в угол.

– Ничего такого быть не может, товарищ полковник!

– Чем докажете?

– Чем позволите, тем и докажу! – я осмелился идти до победного конца. Семит бычьим взглядом с чернейшими от ярости глазами мысленно рвет меня на куски.

– Вот и славно. Даже если вы не родом отсюда, мы помним про закон, но стать полноценным призраком все же придется. Пройдите в соседний кабинет, я сейчас буду.

Выходя, я заметил, как Федор показал пальцем сначала на одного из солдат, а затем на Семита. Должно быть, это его последняя минута.

В соседней комнате располагается угловой стеклянный стол, компьютер и телевизор на стене. Присев в кресло у стены, я задумался над своими действиями. Есть ли в них предательство, если я одиночка. Со стороны да, конечно, есть. Но я выживаю так, как позволяют обстоятельства. Я не давал никому никаких клятв, обещаний и не просил ни у кого ничего в долг.

– Так вот, – распахнулась дверь. – Я прекрасно все понимаю, Михаил, или как вас там. Но теперь придется по-мужски доказать свое право на гражданство.

– Мне нужно убить его?

– Нет, что ты. Мы не такие подлые, как ваши друзья – бандиты из Содружества. Он уже ликвидирован без твоего участия.

– Что же тогда?

– Первого декабря мы нанесем удар по Дусту. Они решили играть с нами в игры?! Так давайте поиграем! – Федор возбудился.

– Что мне нужно делать?

– Молодец, не жмешься волнениями. Но в этот раз думай, прежде чем куда-то примкнуть, теперь в твоей жизни все совсем по-другому, ведь так?

– Конечно...

– Готовится пара отрядов террористов, они нападут с северо-запада. Вас три группы с юго-востока. В твоей группе четыре человека, в твоём подчинении. В подчинении Михаила. Задача – нанести максимум повреждений городу, а если точнее, организовать его уничтожение. Как только почувствуете преимущество, вызовете дополнительную подмогу. Если нет... – он поднял глаза кверху.

– Я понял, не продолжайте. Поддержки не будет, выбирать самим.

– Да. Обязательная твоя смерть не нужна, но себя ты по-

казать должен! Хотя бы мне, с тобой еще работать, – он направил на меня кончик стилуса от компьютера.

– Да, конечно, не нужна... Что у нас будет в распоряжении?

– На вертолете отправитесь до этой точки, – он включил телевизор и указал на карте место. – От нее около получаса хода до города. Вашему командиру сообщат, когда клоны нападут для отвлечения внимания на себя. Из амуниции – штатные «Когерент-22» с дополнительными батареями. Будет по гранатомету и несколько зарядов у каждого отряда. На этом все.

– Не густо... Во сколько и куда подходить?

– Вертолетная площадка, внутренний двор вот этого самого военного отделения. В пять утра все собираются тут.

– Принято.

– Свободен! Гражданин... – недовольно скривив губы, выдал Федор.

Попал я в неприятный поворот событий, но делать уже нечего. Выходя из здания и покидая внутренний дворик, вижу, как грузят черный глянцевый пакет в автомобиль. «Прости, Семит. Подставили нас с тобой, а не я тебя. Ни на что не подписывался в Конурбации, меня поставили перед фактом», – оправдываюсь в мыслях.

Я присел на скамью рядом со зданием. Примерно через полчаса подошел Хруп.

– Как прошла встреча с твоим непосредственным руко-

водством? – он дружелюбно улыбнулся.

– Не очень, мягко говоря, – безразлично рассматривая приятные белые грани бордюра под ногами, выдохнул я.

– Что-то пошло не так?

– Семита, то есть Костю, убили, чуть ли не при мне. Перед смертью последнее, что видел в его глазах, это ненависть ко мне. Полковник обо всем догадался и отправил меня на операцию: пара отрядов против целого города...

– Да все, бросай ты. Поехали, покажу тебе зеленые рощи, – Женя приподнял меня за плечо и потащил к метро.

Уже привычными систематическими пересадками мы добираемся до нужного сектора. Бетонный подъем выводит прямо на зеленые луга, уходящие далеко за горизонт, вдали на холмах виднеются точки пасущихся животных. Невдалеке от них разрослась березовая роща, гармонирующая с белыми кучевыми облаками, медленно плывущими по небесному океану.

Заглянув за обросшие стены спуска в метро, увидел густой лиственный лес. Высокие осины игриво отражают солнечный свет своими листьями, редкие молодые пары березок разбавляют музыку шелеста.

– Пойдем, я покажу тебе озерко, – махнул Хруп.

Он провел меня через заросли ольхи и несколько байраков немного вглубь леса. Озерные волны бегут как рябь по гляцевому полотну. Берега полностью скрыты под кронами подтопленных деревьев, лишь местами за камышовыми за-

рослями просвечивают спуски к воде. Справа от нас слетели с кустарника чечетки, резкими торопливыми взмахами крыльев улетели в зеленые гущи. Их спугнула косуля, как мне показалось. Животное быстро скрылось.

– Чудеса... – вдыхая безостановочно чистейший воздух, произношу я. Выйдя из леса и стряхнув дернину с подметок, мы сняли обувь и погуляли босыми по лугу.

– Ох, этого не может быть, буквально несколько недель назад я был в настоящем аду, какой описывают книги. Прадеды, зачем вы сотворили с планетой все эти ужасы.

24 ноября 2161г.

Каждый день мы с Хрупом посещали все новые и новые природные достопримечательности. Он даже водил меня на горные склоны, чтобы показать отвесные скалистые обрывы. Через степи зерновых уводил к Великой реке, рассказывая по пути о гигантских силосных башнях. У них вообще очень много названий, связанных со словом «великий». Должно быть, все, что первородно для Призраков. Название только себе могли бы уж сменить, какое-то оно мистическое для них, неестественное.

В новостях появлялось несколько сообщений о разработках в области вооружений. Инженеры приступили к реализации последних найденных и отреставрированных проектов ручного оружия довоенного времени. Также рассказали о том, что по незаконченным разработкам довоенных китайских ученых создан луч, основанный на лазерных пуч-

ках Ханкеля-Бесселя, способный притягивать помещенные в него предметы солидных размеров.

Очень хочется увидеть Пантеон. Евгений много рассказывает о нем, но не соглашается туда сводить, ссылаясь на то, что еще рано. Думаю, ему еще рано мне полностью доверять. Самым красивым местом считается центральный зал с саркофагами Великих, окружающими купель, в которую после завершения главнейшего проекта Агломерации сольются воедино нектары самой жизни, способные воскресить умерщвленное тело.

Вернувшись с очередной вечерней прогулки, обнаружил, что в мою квартиру заходил обслуживающий персонал. На входном дисплее отражается фамилия и инициалы входившего и время посещения. После нажатия на них отобразилась таблица совершенных обслугой операций, в которой только одна запись: «Ваш костюм изъят для переработки. Выдан ЗК/М-4».

«Должно быть, какие-то совершенствования», – подумал я и заинтересовался возможной защитой от лучевого оружия. Точнее первое, что не выходит из головы, это отражающие поверхности. Обратившись к справочникам и совершенно неспособный разобраться во всех этих сложных словах, я принял для себя одно: отражение не проблема. Не все спектры света отражаются или поглощаются одинаково, или что-то с этим связанное.

ДЕКАБРЬ 2161

01 декабря 2161г.

«Сегодня идти, хоть и не по моей воле, с боем на недавно приютивших меня людей. Конечно, не отказался от их помощи... Так, все! Хватит сомнений и угрызений!» – я продолжаю думать о событиях прошедших и предстоящих, направляясь на внутренний двор ВОК28С12.

На вертолетной площадке собираются люди, их встречает полковник Федор и еще пара человек, раздающих амуницию. Один из них пригласил меня жестом руки, и мне снова прикрепили на спину своего рода рюкзак, буквально прилипающий к костюму, который очень сложно отодрать.

– Внимание: инструктаж! – громким голосом обратил на себя внимание человек в желтом. – Вещмешок: энергетики с запасом на неделю, резервная батарея с правого боку для левой руки. Две вакуумные гранаты с левого боку для правой руки, пакет медицинской помощи, легкий набор ручного инструмента для выживания, – одновременно он показывает на пальцах количество всего перечисляемого и показывает на себе выработанными до автоматизма жестами, как что доставать. Похоже, как будто он хочет спину почесать и не достает. – Радиостанция в твоей маске сейчас автоматически отстроена на кодированный канал, настройки сохранены в ячейке один на случай, если понадобится вернуться на него в ручном режиме. Вы – звено «Волк-три», сержант, – он примагнитил маленький значок на грудь. – Строиться около младшего лейтенанта! – размахивая руками, он провожает

меня в сторону и зовет следующего прибывшего.

Напротив Федора собираются группы рядом с тремя вертолетами, выкрашенными в голубовато-синий цвет снизу и зелено-серый сверху. Лопасты вращаются, но звука двигателя почти не слышно, так как машина не издает выхлопов. Да и вообще никаких звуков, схожих с двигателями внутреннего сгорания, похоже, те же батареи.

Маска проецирует голубые надписи: «Волк-1», «Волк-2», «Волк-3». После них указаны фамилии и инициалы поверх каждого солдата, их звания. Непривычно много надписей, но они не мешают. У меня в группе четыре человека, итого нас набирается всего пятнадцать, плюс экипажи транспортных средств. Что-то совсем слабо...

– Звено один, стройся по левую руку от меня! – крикнул младший лейтенант Магнитов М.С. – Сержант Тюрюкин, ваша группа движется непосредственно со мной. Сержант Берестов, сержант Зерныш, добиться в качестве прикрытия по одному БТР для вас не получилось. Будем пробиваться, как есть. Разбить оборону дикарей несложно, но непонятно, почему нас не обеспечивают должными ресурсами. Грузимся! – он взмахнул рукой, и мы ловко стали садиться в вертолеты.

– А чего не один транспортный? Почему вот эти мелкие вертушки? – спросил я пилота.

– Мы и есть подмога, если у вас все пойдет по маслу. Будем летать в нескольких километрах от вас.

Машины поднялись в воздух. Еще одно новое ощущение. Страшно смотреть в иллюминатор, все плывет под нами такое маленькое и неразборчивое. Иногда темным пятном узнаешь стаи собак, один раз заметил непонятное здоровое животное, тяжело перекидывающее свои массивные лапы.

Внутри салона пусто, ни устройств, ничего. Некоторая система карабинов, к которой можно пристегнуться или пристегнуть амуницию, что и сделали солдаты, вооруженные гранатометами.

– Какие-то будут общие указания, сержант? – раздалось из динамика в маске, и в этот момент имя одного из солдат замерцало. Он обратился именно ко мне, а я даже не представляю, что нужно ему ответить.

– Держаться рядом со мной, далеко не уходить. Огонь свободный, долго не раздумывайте. Все, кто там, все враги. Своих нет, и клонов бейте, не выясняйте, они или нет. Остерегайтесь вышек, даже если на них никого не видно, там могут быть снайперы.

– И как прикажете их выкуривать?

– Я думаю, потратим гранатометные выстрелы, в черте города разберемся и без них. А если появится какая-то техника, обороняться ручными гранатами. Но у них там одни легковушки, и с винтовки подбить можно, если сильно постараться.

– Принято.

Оказалось, ничего сложного – дать короткий инструктаж.

Посмотрим, как это будет работать.

По воздуху мы всего за несколько часов добираемся до точки высадки. Стоит только вспомнить, сколько дней мы на УАЗе тряслись по всем ухабам и рытвинам. Вертолеты стали спускаться, и через минуту я почувствовал, как коснулись земли. «Ну, вот и началось» – промелькнуло в голове.

– Высаживаемся!

Люди по моей команде вышли из вертолета. Таким же строем, как в прошлый раз, мы встали напротив Магнитова.

– Итак, Дуст уже подвергся атаке террористов с северо-запада. Их силы стянуты к дальней от нас границе города. Большого сопротивления на начальной стадии штурма мы не получим, основные бои будут в зданиях и на улицах, – он ходит из стороны в сторону, громко излагая в микрофон общий план действий. Функция рации не отключается, голос неприятно двоится: один в маске, один снаружи. – Наши первоочередные цели для уничтожения – боевые единицы, инфраструктура, производство, – он подал заряд на буфер винтовки. Любой человек – враг, с оружием или без, ребенок или старик. Любая война – это своего рода геноцид, как показала история. Но не хотите, не убивайте, наши цели перечислил выше, пути их достижения свободные.

– Товарищ младший лейтенант, а взрывчатка какая-то есть для ликвидации целей? – выкрикнул в радиоэфир сержант Зерныш.

– Все, что необходимо для разгрома, прибудет сразу по-

сле того, как наш штурм станет продвигаться вглубь города. Нам нужно указывать точки. Еще вопросы есть? – он окинул взором весь взвод из трех звеньев. – Расходимся на штурм! Волк-два, вы должны проникнуть в город через канализационную трубу, – он указал пальцем на сточную трубу диаметром в полный человеческий рост, выходящую в овраг рядом с городской стеной. – Волк-три, вам нужно пробиться напрямую через эти ворота, – приподняв винтовку, он указал ею на пару дозорных вышек. – В городе поджигайте транспорт, отмечайте огнем улицы, подвергшиеся нашей атаке, люди будут убегать с них безвозвратно, таким образом сможем отличать относительно безопасные места для себя.

Мы уже на приличном расстоянии друг от друга. До стен города идти минут десять, высадили нас намного ближе, чем планировалось.

– Конечная задача – захватить здание администрации, это на север от южных ворот через столовую, примерно середина города, рядом со школой. По окончании захвата немедленно доложить. Это единственное здание, которое не подвержено бомбардировке, и оно же точка эвакуации.

– Так точно, будет сделано! – раздалось от группы Зерныша, я повторил за ним.

«Во что ввязался! Меня сейчас убьют еще на подходе к воротам. Я не боец спецназа», – нервно размышляю я.

Мыдвигаемся к воротам, сопровождаемые слева своими тенями. Низкое утреннее солнце вытягивает наши силуэты

по высохшей земле, больше напоминающей пыль, которая разметается в стороны от каждого нашего шага.

– Через двести метров входим в прицельный радиус поражения вышки, если на ней снайпер, – замерцало имя одного из стрелков.

За городом поднимается небольшая черная дымка и доносится тихое эхо автоматных очередей.

– Стрелок Баринов, сопровождай гранатомет от текущей точки на десять часов до балки! Скройтесь на ее дне, оттуда не высовываться, пока все не прибудем на свои места, – я заметил протянувшееся углубление, напоминающее русло реки, но скорее это самообразование от движения земляного покрова. – Стрелок Карпов и Николаев, от текущей точки на два часа с теми же указаниями! Я буду между вами. Задача Мирко – снести вышки гранатометными выстрелами, наша задача – не давать высунуться врагу и прикрывать в случае контратаки!»

– Принято!

После некоторой паузы с моей стороны дружно ударили в динамики мои ребята. До нас донесся визг сирены.

– Разбежка через три! Два! Один! – наклонившись, мы бросились каждый в свою сторону. Примерно через пятьдесят метров раздалась пара хлопков, за ними следующие. – Не отстреливаться, не ссать! Виляйте! Только не падайте! Не теряйте скорости! Не попадут! – на бегу прерывисто сквозь частое дыхание поддерживаю ребят.

На усиленных металлической обшивкой дозорных вышках действительно оказалось по человеку с винтовкой. Они сосредоточили усилия на Мирко, но то ли он молниеносен и везуч, то ли стрелки попались никудышные. Просвистывая одна за другой, пули поднимают сыпучую землю в воздух позади него.

– Баринов и Мирко на месте! – услышал я, ударившись локтями в сыпучий склон балки, мгновенно обхватывающий пылью.

– Николаев и Карпов тоже на месте! – вся группа доложила о готовности.

– Высовываются все стрелки, кроме Баринова! Ты лезешь только для перекрестного огня!» – кричу я, но сбрасываю тональность, вспомнив, что мы в эфире. – Мирко, готовь РГ-6. До них осталось меньше двухсот метров! Ты должен попасть! Хоть разряди барабан полностью, у тебя есть еще один боезапас.

– Принято.

– Начинайте заградительный огонь! Моя левая!

Я высунулся со вскинутой винтовкой и стреляю наспех по дозорным. Вспышки лучевых винтовок разрывают и без того яркий дневной свет, ударяясь о конструкцию с лязганьем бас-гитары. Слева от меня послышались один за другим три глухих выхлопа, и ровно через две секунды, что подтверждает расстояние, прогремели взрывы снарядов, один ударил о заграждения, а двое оставшихся разворотили гнездо сторож-

ки.

В этот момент через открывающиеся ворота уже на скорости к нам рвутся три зашитые наполированными металлическими щитами УАЗа.

– Поторопись!!! Баринов, атакуй транспорт!

Солдаты Содружества вылили очередь с яростно трясущегося пулемета, установленного на крыше автомобиля, и меня накрыло облаком песка и пыли. Воспользовавшись своего рода прикрытием, я сменил позицию, перебравшись ближе к Николаеву.

– Если что, будь готов кинуть гранату на вектор движения машины! Мирко, продолжай обстрел вышек, не обращай внимания на огонь!

Приподнявшись со склона балки, я выпалил по земле. Лучи хорошо передали импульс света разохшейся земле, поднимая печеную пыль в воздух и поддерживая визуальное прикрытия, медленно опускающееся обратно на землю. Время, кажется, движется медленнее, чем обычно. Успеваешь намного больше, не теряя общей картины происходящего. Заметил, как две ВОГ-25 пронзили витающую стеной серую пыль, оставив за собой рубец просвета и устремившись к оставшейся, уже еле виднеющейся вышке.

– Мирко, рассчитываем, что цели поражены, заряжай оставшиеся снаряды и готовься в очередной раз стать козырем в схватке! Николаев, бросай гранату, сейчас выскочат...»

Не успел закончить, как два блестящих кенгурятника яростно выпрыгнули из пыли в нашу сторону. Две машины неумолимо рвут землю колесами, оставляя за собой еще больший шлейф песка. Сразу за ними, подлетев в воздух и с металлическим рокотом ударяясь мордой в землю, кубарем продолжает движение третья.

– Минус один! Ха-ха-ха! – довольно рассмеялся в эфир Мирко. – Приберег пару выстрелов!

– Давай, не упускай энтузиазма! – в этот момент раздался еще один взрыв перед колесами контратакующего врага. Вторая машина, вывернув в сторону на скорости, перевернулась через борт от гранаты.

– Ну, все, – скользнув на костюме чуть вниз по склону, сказал Николаев. – Наша взяла, ему сейчас или разворачиваться, или к нам за спины улетит, и ему точно хана.

Он сбросил винтовку с плеча и ползком стал подниматься обратно. Наши маски одна за другой выплевывают набившийся в фильтры песок.

– Всем пригнуться!!!

Хлопнул гранатомет изрядно матерящегося Мирко. Снаряд лоб в лоб встретил приближающийся к нему УАЗ, разорвав кузов в металлические клочья и резко сбросив скорость автомобиля. Все вжалось в мертвую землю, как в родную мать. Пылающая железка прогромыхла перед нами, ей не хватило инерции долететь до нас и свалиться в балку.

– Не расслабляться, не расслабляться!!! Спринт до ворот,

пока не прибыли войска! Мы на открытой местности вообще ничего больше не решаем! – кричу я, поднимаясь по сыпучему склону.

Домчавшись до ворот, прижались к ближайшим одноэтажным строениям. Припав на колени, мы выглядываем из-за углов домов, контролируя всю длину улицы, уходящей глубоко в город. Нам нужно дождаться Баринова и тяжеловооруженного Мирко. Чуть дальше уже дымится здание, похоже, одна из гранат перелетела заграждения.

– Мы прибыли! – прожужжал голос Баринова.

– Улицы пустые, все сбежали! Расходимся за один ряд домов от дороги, не забудьте поджечь что-нибудь. Я, Мирко и Баринов двинулись по левую сторону от дороги. – Не теряем друг друга из виду, обязательно ловите друг друга взглядом между зданиями!

Быстрым шагом, не опуская «когеренты», мы стараемся осмотреть как можно больше окон и переулков, но не обнаруживаем ни единой души. Всех, должно быть, перебросили в северо-восточный район города, где жил я. Переводя винтовку в потоковый режим, мы в мгновение поджигаем деревянные постройки или элементы конструкций. Черный дым высоко поднимается над головами, приманивая силы противника.

– Столовая будет через пятьсот метров, – информирую я группу. – За ней начнутся дома повыше этих, этажа в три-четыре. Нужно еще метров триста пройти, и по левую сто-

рону будет администрация. Будьте начеку! Из любого окна может открыться огонь.

– И откуда такие подробности? – я почему-то не узнал голос и, повернувшись посмотреть, чье имя мерцает, увидел, что нас догнало первое звено вместе с лейтенантом.

– На заборе написано было, – на мой ответ раздался смех в эфире, только имя младшего лейтенанта оставалось статичной проекцией.

– Аккуратнее, Берестов. Аккуратнее с шуточками, – презрительно прошипел Магнитов. – Тюрюкин, ваша новая задача – двигаться восточнее дороги и столовой, прочесывая указанные Михаилом дома. Время у вас будет, так как силы противника, обнаруженные вторым звеном, расположились в столовой. Труба канализации вывела их несколько не в том месте, где планировалось. Их задача – обойти столовую с западной стороны, разведывая строения.

– Так понимаю, что в лобовую атаку идем мы, – я продолжал кататься по характеру нашего командира.

– Именно. Принимайте огонь на себя, ждите, когда пробегутся две другие группы. И у тебя, и у Тюрюкина я забираю по человеку, группа Зерныша понесла потерю и находится вне досягаемости для обмена ресурсами.

– Так, и что вы еще заберете у нас перед штурмом укрепленного здания в чужом городе??? – меня взбесило поведения Магнитова.

– Исполнять! – он поднял на меня винтовку.

– Баринов, остаешься с командиром.

– Есть остаться с командиром!

– Волки-три, за мной.

Не разделяясь, одной группой мы неспешно двинулись дальше между маленькими жилыми домами в сторону общепита. Еще некоторое время мы слышали разговоры удаляющейся соседней группы Тюрюкина и разговоры Магнитова с выделенными бойцами по вопросам огневых точек и контроля захваченного района. Через пару минут костюм прекратил транслировать разговоры удалившихся групп без нажатия кнопки на маске.

– Сержант, чушь какая-то, а не атака», – не выдержал и возмутился Карпов. – У Агломерации сил столько, что мы бы за пару минут разбили весь город не утруждаясь, к чему такие сложности?

– Наверное, показать наше превосходство перед численным преимуществом?! – я придумал, что соврать, так как уверен в намерениях полковника загубить меня.

– Глупость какая-то. Ни логически, ни тактически, ни математически неверно, погоны с Бруева снять нужно за его амбиции! – продолжает рядовой.

– Не прибавляйте шага, нам не стоит слишком рано привлекать внимание, пусть Тюрюкин с Зернышем пройдут глубже.

Приподняв руку, умерил я пыл солдат. – Аккуратно займем точки, по одному в здание. Если строение будет из дере-

вянных досок, то постарайтесь подложить под окна и к стенам какую-то мебель. Их огнестрельное оружие имеет большую проникающую способность, чем наше!

Дорога перед столовой заворачивает вправо, огибая ее. Над ней поднимаются этажи зданий главной улицы. Мы разместились поодиночке в крайнем ряду домов и притаились. Перед нами пустырь и через сотню метров знакомое мне широкое и просторное здание столовой. В окнах мелькают солдаты, на подоконниках лежат камни или мешки с песком, на крышу поднялась пара стрелков.

– Прячьтесь... – настороженно прошипел в динамике Мирко. – Насчитал порядка двадцати солдат.

– Выходим в общий эфир взвода, соблюдаем тишину. Без лишних разговоров. Пальцами левой руки я нажал на маленькую кнопку на виске. На несколько секунд появилась надпись «ОБЩИЙ КАНАЛ». – Звено Волки три на позиции, – доложил Магнитову.

– Ну, так атакуйте, чего ждете? – ответил лейтенант.

– Вчетвером?

– Я сказал атаковать! Берестов!!! – выкрикнул так, что, кажется, могли бы услышать его без рации.

– Урод...

Я отпустил кнопку и вернулся на подканал. Буквально через секунду на сетчатку проецируется информация об увеличении числа подключившихся на канал. Это мои ребята.

– Сержант, что будем делать? – мерцает надпись на стене,

за которой точка Николаева.

– Ты хочешь жить, или хочешь, чтобы жил второй ты?

– Ну, хочу жить я настоящий...

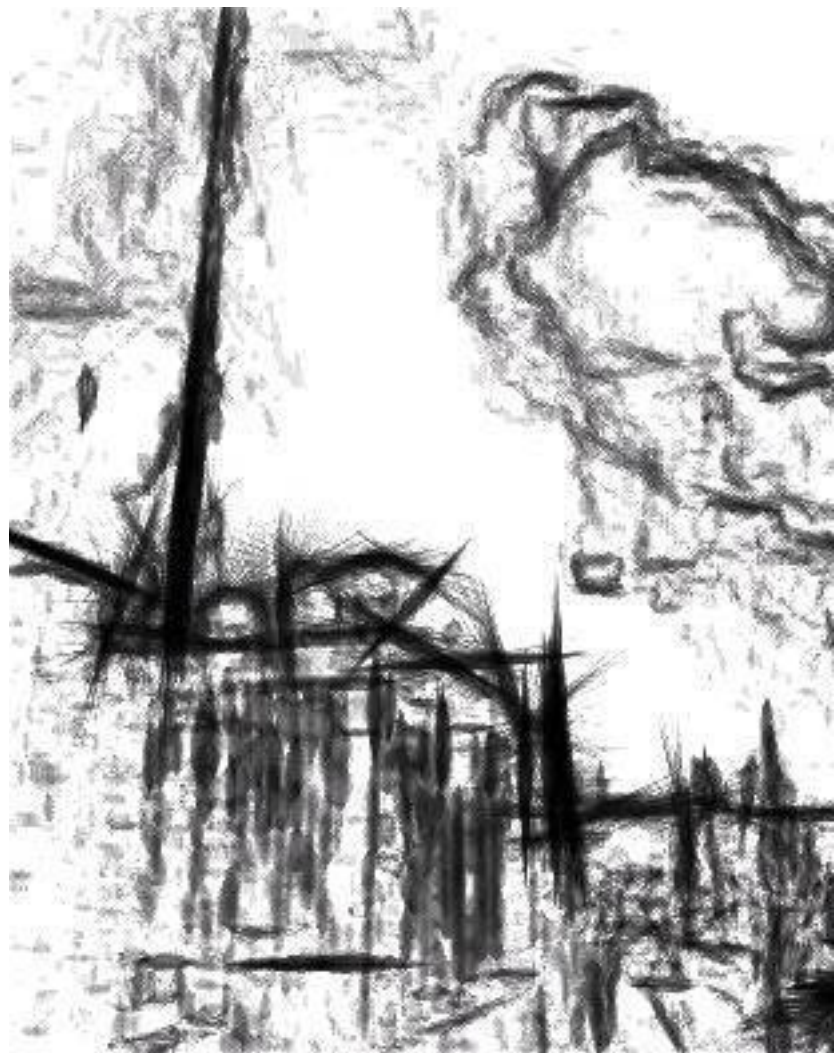
– Значит, сидим и ждем остальных, я плевать хотел на трусливого лейтенанта, якобы удерживающего пустой район трущоб!

– Так точно!

– Не шумим...

С северо-западной стороны продолжают доноситься приглушенные взрывы и автоматные трели. Похоже, клоны успешно справляются с задачей удержания части сил в том районе, несмотря на то, что с их фронта перебросили к столовой десяток вооруженных человек. На крышу здания солдаты Содружества уже водрузили стационарный пулемет, обложенный набитыми мешками.

Внезапно раздалась очередь, и стекло одного из окон жилого дома громогласно рухнуло с третьего этажа на мощный тротуар вместе с телом человека. Сквозь большие окна через всю столовую видно, как часть солдат метнулась в подъезд здания.

– Мирко, считай это последней задачей для твоего гранатомета! Разбей гнездо на крыше, остаток выпусти в окна, внутрь помещения!

– Сейчас сделаем!

– Остальные! Огонь! Разбирайте окна! Мое третье и четвертое справа!

– Первое и второе слева!

– Левые беру!

Часть белых вспышек молниеносно врывается в стены, обрушив расколотую плитку на землю. Толстенные и грубые стекла окон сильно рассеивают смертоносные лучи по всей комнате, на мгновения озаряя ее и вынуждая падать под укрытия надолго, если не навсегда, ослепленного врага.

За несколько секунд боя пулемет успел накрыть левое от меня здание и перебросился на мое. Щепки от рам и ставней разлетелись по комнате. Прижавшись спиной к стене рядом с окном, я чувствую стук града тяжелых пуль, яростно разбивающих камень.

– Мирко! Быстро выполнять!!! – крича, я пополз ко входной двери, чтобы укрыться во двореке и выйти на общий канал связи. – Мирко! Прием!!!

Уже сползая по лесенке в несколько ступенек, услышал позади реактивный выстрел. Здание, несколько секунд назад бывшее моей защитой, разлетелось на куски.

Преодолевая контузию, я добрался до укрытия Мирко. Изрешеченное тело посередине комнаты будто прилипло к

полу в луже крови. Голова разбита удачной чередой крупнокалиберных пуль и добавляет картине смерти красок ужасающего отторжения, но головокружение от взрывной волны сбивает все мысли и переживания, слух постепенно возвращается ко мне.

– Мирко погиб! Звено, отозваться и выйти в общий канал!!!

Схватив гранатомет, наспех низко высадил последние заряды, руками вспомнив чувство отдачи оружия. Не долетев, снаряды упали перед окнами, взмыв непроглядную стену грязи в воздух.

– Николаев на точке! Под огнем!!! Действовать не могу!!! – замерцало его имя справа от меня, и количество подключенных к подканалу сократилось на одного.

Более никто не отзывается. Выхлопами револьверного гранатомета я привлек внимание неодолимого стрелка на крыше. Не прекращая грохотать раскаленным пулеметом, он поворачивается в мою сторону, как вдруг почти прямо под ним рванул снаряд, выбросив его тело с потоками песка в сторону Николаева.

– В здание не заходить! Повторяю! Не заходить!!! – наконец я тоже вышел в эфире на уровень выше. – Титов, гранаты в окна, со стороны третьего звена!

– Исполняю! – сквозь оседающую пыль я заметил резкими движениями проскальзывающий силуэт под окнами.

– Группа Берестова! Не стрелять! Свой на линии огня!

– Волки-три приняла оборону... – не успел ответить, как раздалась пара гулких взрывов, ударяющих воздушной волной, и часть крыши вместе со стеной обвалились.

– Они бегут! Занимайте северные окна, открывайте огонь!

– Николаев, примыкаем к звену Зерныша! – крикнув, я рванул к серым солдатам, безжалостно выпускающим смертельный свет в спины врага.

– Быстро! Левее! В здание администрации!!! Чего расселись! – раздался в динамике жесткий противный голос младшего лейтенанта. – Тюрюкин, давай! Накрывай сверху! Берестов, еще одна выходка, и я тебя на фарш для завтраков отдам!

Молча, я махнул Николаеву, чтобы тот двигался за мной. Мы свернули через небольшой садик обреченных на ежедневное выживание коротких деревьев.

– Ребят из жилого дома так и не выкурили, похоже. Отлично, у нас тылы свободны! – с отдышкой пыхает в микрофон Николаев.

– Здание администрации через минуту, я заглядываю в окно первый и сразу ныряю за бетон. Если на меня была реакция, повторяй за мной, но стреляй. Либо ослепим, либо они первые разобьют пулями стекло.

– Давай, давай. Один хрен вдвоем поперлись! – мы сбросили темп и вскинули винтовки перед собой. – Закидать бы гранатами первый этаж?!

– Да рухнет еще! Сейчас все нормально будет, по-любому

тут никого нет!

Осматривая окно за окном вдоль здания, мы ворвались в холл, где несколько недель назад нас с Семитом встретила приятная женщина. Ее записи лежат на тех же местах. Быстрыми короткими шагами я веду за собой Николаева наверно по лестнице.

– Высылайте верт...!

Какое-то время спустя

Ужасно промерзли плечо и спина. Костюма на мне уже нет. Скрюченный от холода я лежу на бетонном полу. В голове как будто тысячи маленьких стеклянных осколков бесконечно раскалываются снова и снова, не могу вспомнить, что случилось, вокруг сразу же все кружится.

Меня окружает кромешная темнота. На миг показалось, что проснулся на той самой железной дороге под землей в скрипучем железном кресле дрезины.

Еще какое-то время спустя

Очнулся от удара тяжелым берцовым ботинком по спине. Нет, значит, не приснилось. Размазанные как масло по прозрачной лампе голоса о чем-то говорят со мной. Схватив за шиворот, волокут за собой.

От ужасного окружающего запаха дикарей захотелось вернуться наизнанку.

Очередные пробуждения

Ужасно тяжело дышать, но не хватает сил выкашлять мокроту и преодолеть боль в груди. В прошлый раз получил удар

по темени, не успев изрыгнуться от вони. Сейчас голова просто ватная. Не могу шевелиться... Почему не умираю...

Снова придя в себя, обнаружил, что нахожусь уже в отапливаемом помещении на кушетке, напоминающей лежанки у Широкого. Голова продолжает гудеть и кружиться, от чего не могу открыть глаз. Дыхание частое и неглубокое. Попытка двигаться пресеклась дикой болью в грудной клетке и острым отстрелом в бедренной кости.

Меня разбудила своими действиями неизвестная женщина. Меня повязки, она приподнимает деревянным устройством мой торс и ногу, так что я чувствую отлив крови в голове.

В этот раз не даю понять, что очнулся. Она вколола какой-то препарат, и я тут же отключился. От нее комнату невыносимо наполняет жуткий запах серы, сменяющийся аммиаком и чем-то, что не поддается описанию.

Чувствую себя лучше и легче, кажется, я могу бежать. Снова игла...

В этот раз очнулся от гулкого грохота сквозь толстые перекрытия. Похоже, я под землей. Басы, усиливаясь через голый бетон, мутят и без того тошнотворное сознание, вызы-

вая легкую тахикардию. В комнате никого нет, я поворачиваюсь на бок. Боль сошла, но весь будто атрофирован.

Через силу присел. По всему телу распределены маленькие присоски, теперь я чувствую, как они ударяют мускулы слабым разрядом электрического тока. Под громыхания и вибрации чуть ли не со скрипом долго разминаю и потягиваю мышцы одну за другой. Сознание медленно приходит в норму и осознаю, что грохот – это бомбежка. Должно быть, я под каким-то городом, может быть под тем же Дустом, который до сих пор держит оборону?

Помню в коридоре выстрел Багряного, я почувствовал непередаваемую боль в ноге, крови не было, костюм как будто потерял свою мягкость в момент удара, но удар переломил кость и, похоже, ушиб ткани. Свалившись с лестницы, напоролся на угол стола грудью и потерял сознание от болевого шока.

Подойдя к узкому столику на соседней стороне комнаты, обнаружил исписанный журнал. Последние записи сделаны двадцать девятого декабря.

«Как и предыдущие, этот призрак идет на поправку быстрее, чем любой человек из Содружества. Он опережает запланированный мной график почти втрое! Уже завтра пойду с докладом к Еремееву. Теперь его можно допрашивать как угодно, не загнетя!»

Таким образом, можно предположить, что сейчас последние числа месяца. Может быть, день допроса и просто повез-

ло, что доктор не успел посетить меня. Почти месяц я был ни жив, ни мертв.

Нужно думать, как выбираться отсюда. Конечно, прекрасный вариант переждать бомбежку тут, если убежище не рухнет, и попытаться незаметно выйти в пустошь.

Меня одели в рваные штаны и рубашку, ноги босы. Я со скрипом открыл металлическую холодную дверь, ведущую в громадный темный тоннель. Метрах в пятидесяти от меня тускло падает дневной свет, должно быть, там подъем на поверхность. Освещения нет, возможно, перебило провода. Хотя в палате, если ее так можно назвать, электричество осталось. Сквозь тьму разглядел несколько таких же металлических с облесшей краской дверей.

Я вернулся, снова взял журнал и присел на койку, пытаюсь найти хоть что-то полезное, кроме абсолютно непонятных названий препаратов, которые кололи мне и дат.

Часть записей из личного журнала доктора

04 декабря 2161г.

«...Из Дуста, руины которого так и не получилось отбить, поступил тяжелораненый призрак пустошей. Костюм, вещмешок и оружие призрака приказано оставить в ячейке №118, а ключ передать лично заведующему лабораторией на ответственное хранение...».

12 декабря 2161г.

«...Сегодня сообщили, что разбит Промгород. Лично я считаю, что это конец. Пусть схватка и была ожесточен-

ной, не такая как в Дусте, боя ждали. Но, несмотря на известную по всему Содружеству оборону города, Агломерация разбила его. Чего можно было еще ожидать от необъятного гиганта?

Теперь мы потеряли помимо основной массы производства медикаментов и химии еще и производство оружия. Нет. Это точно конец. А этот призрак хоть и быстро восстанавливает силы, еще не приходит в сознание.

У Багряного какие-то важные секретные вопросы к нему. Говорит, это может помочь в обороне. Лично я не верю, что что-то может помочь.

Мы крайне недооценили Призраков пустошей. Они длительное время не трогали наши поселения, так как мы располагались далеко от границ Агломерации. А легкие победы в стычках с нацистами, которые оказались тенью того же врага, дали уверенности в своих силах и возможностях».

20 декабря 2161г.

«...Слышала, что вернулось несколько групп разведчиков. Рассказывают, что Лес счастливых, который на юге, оккупирован и огражден, а также говорят о разворачиваемых преимущественно на возвышенностях аванпостах по всем направлениям.

Высокие, до двадцати метров, синие металлические сооружения, которые у призраков называются «донжоны». Без тяжелого оружия, способного поражать на больших дистанциях крепкие бронированные объекты, – это непри-

ступные крепости.

Агломерация готовится к затяжному бою с нами. Мы в Камне Содружества хоть и остались без должного снабжения оружием и боеприпасами, но текущих запасов хватит надолго. Да и сам город – самый плотный по населению и самый большой по площади. Не так просто будет выкурить вооруженных людей из каменных городских стен.

Почти каждый сейчас имеет оружие. Каждый готов идти на смерть. Я бы убила этого призрака на кушетке. Ненавижу!!! Это зло, какое только можно вообразить. Непобедимое зло...

У нас еще много городов на континенте, надеюсь, этот ублюдок действительно что-то знает, что поможет нам...»

24 декабря 2161г.

«...Уже двое суток на границах города идут бои. Наши мужчины не пускают призраков в город, но линия обороны все же медленно смещается.

Сегодня упали четыре вертолета, пытавшиеся бомбить укрепления. Пока у нас остается заряд в батареях, мы можем эффективно подбивать летательные аппараты лучевым оружием.

Трупы призраков и их амуниция, кроме батарей, доставлены в лабораторию для исследования. Не понимаю, что в них исследовать, но все равно заставляют делать вскрытия и анализы.

И еще этот, полуживой. Нужно опять ставить ему систему внутривенного питания. Скорее бы его стали пытаться.

25 декабря 2161г.

Это все тщетно! Все, что мы можем, это бежать, но нам запрещают. Говорят, что ни один из городов не способен принять такое количество беженцев.

Наши силы кончаются, а призраков с приспешниками, кричащими фанатические лозунги, нескончаемое количество. Если бы я могла передать словами их бесконечное счастье сражаться бок о бок с призраками. Они чуть ли не с улыбками и в полный рост рвутся на баррикады и колья, восхваляя своих хозяев! Жуткая, пугающая, извращенная и отвратительная картина!

Неужели теперь это их мир? Они не разделят его ни с кем...»

Грохотание быстро удаляется, и вскоре о взрывах стали напоминать только легкие вибрации по бетону. Интересно, почему никто не побежал спасаться сюда. Может быть, не успели? А может быть, это уже знакомая мне схема предварительного штурма и загона людей по районам...

Хотя о чем я рассуждаю. Люди либо отчаянно до смерти держатся за оружие, либо уйдут в пустоши и сами станут «призраками» в ней. Нет смысла прятаться в руинах и ждать, когда придет враг для зачистки и стройки донжона.

Снова скрипнув железными петлями, отправился вдоль

стен темного тоннеля, прощупывая босыми ногами холодный, кажущийся сырым камень. Нужно найти и забрать амуницию. Глаза понемногу привыкают к темноте, и становятся различимыми глянцевые грани, отражающие тусклый свет с подъема. Это обычная станция полностью обваленной ветки довоенного метро.

Через несколько метров рука провалилась в небольшое углубление и оттолкнула дверь в новую комнату. Железный настольный светильник низко и будто печально согнут к столу. Падая ярким пятном на мятую жестяную обшивку, свет отражается по комнате, рисуя тусклые редкие перышки на стенах.

За столом, запрокинув голову за низкую спинку стула, развалилось тело мужчины в полосатой выцветшей рубашке. В темноте показавшееся грязью пятно на стене рассказывает о трагическом событии, произошедшем здесь. Всегда несчастная картина, когда живое существо отказывается от собственной жизни, будучи в отчаянии, в боли или в глубокой тоске.

Прикрывшись рукавом от проклятого запаха, я поднял с пола автоматический пистолет в отличном состоянии. Может быть, и в края Чистых земель да Котлованов отсюда же попал экземпляр странника. Очередью в упор голова мужчины разбита в дребезги. Не стал задерживаться, быстро нашел ключ во втором ящике тумбочки и, поставив лампу у двери, вышел из комнаты.

Дышать стало легче, задыхающийся во тьме свет от грибка все же облегчил поиски комнаты хранилища, но его деревянная дверь оказалась закрытой, а ключ не подходит.

Недолго раздумывая, воспользовался подобранным пи-столетом и выбил врезной замок из двери. Правда, патронов теперь осталось разве что застрелиться самому. В сто восемнадцатом шкафчике действительно лежит мой ЗК/М-4, «Когерент-22», рюкзак с нетронутым запасом энергетика и моим дневником. Но нет ни батарей, ни гранат.

Костюм в целости. Он снова приятно прилипает к коже. Замкнув его маской, обнаружил, что даже в ней пропал источник питания, и никакой информации не проецируется, не говоря уже о так необходимой подсветке.

Более не задерживаясь под землей ни на минуту, быстро поднялся на поверхность по замершему пару веков назад эскалатору с красноватыми ступенями. Вокруг на поверхности переколотые белые бетонные плиты и густой черный дым, поднимающийся ровными толстыми столбами к солнцу в безветренную погоду. Медленно опускающиеся кусочки сажи чернят трупы и поверхности.

Двигаясь вдоль двухэтажного здания с обрушившейся в муку стеной, я заметил размятый куском упавшего перекрытия «Когерент». Подбежав ближе, чтобы достать батарею, обнаружил за бетоном придавленного в тазовой кости человека. В распахнутых последней болью глазах глянец отражается небо, такое же голубое, как радужка. За мгновение

сторели несколько минут. Мертвый взгляд провожает белые кучевые облака, ослепительно подсвечиваемые лучами солнца. Русые волосы слиплись в намокшей от пота серой строительной пыли, а засохшая кровь на лице подмыта следами от слез.

Зрачок чуть расширился! Еще живой! Умирающие бездыханные движения губ уже невозможно понять. Дикарь не смотрит на меня, как на заклятого врага. Смотрит как жертва на неодолимого хищника, сама недавно разделявшая путь охотника.

Выстрел. Пуля тряхнула голову человека, приснув сгустки крови из-под нее в стороны. На мгновение поднялся легкий поток воздуха, и на лицо солдата теми же крупными хлопьями стала прилипать сажа. Крутя самодельную батарею в руке, размышляю. Казалось бы, размышляю неумолимо сильно и о чем-то действительно важном. Но на самом деле голова пуста и занята эмоциональным переживанием. Это не мой враг, но, с каждым серьезным шагом в жизни, меняется направление человеческое судьбы. Неизменным остается лишь рок.

Двигаясь дальше по широкой дороге только что пережившего разгром города, насобирал пару коробчатых двухрядных магазинов из-под АПС с уцелевшими патронами 9x18. Костюмы призраков высокотехнологичны, но многого с собой не унесешь, поэтому от автомата приходится отказываться, чтобы оставить руки свободными. Ступая по своей

тени от заката, я пробую установить в винтовку добытую батарею, но она или повреждена или оказалась полностью разряженной.

Уже в глубоких сумерках подхожу к границе города и замечаю разбитую вертолетом лачугу. Должно быть, это один из подбитых, о которых писал доктор. Пробравшись через торчащую в темноте арматуру, безуспешно пытающуюся зацепиться за костюм, обнаружил тело пилота, выброшенное ударом из разбитой кабины.

Сняв маску с мертвого тела, достал из ее корпуса маленькую батарейку и заменил свою. Теперь на сетчатку снова проецируется картинка, от которой становится спокойней. Хоть незнакомые мне координаты и говорят, что меня действительно уволокли далеко на север от Дуста.

Уже совсем стемнело. Включив инфракрасную подсветку, я взобрался на уровень второго этажа и скрылся в тенях разваленного коттеджа. Лунный месяц томно обнимает пустошь своим пепельным светом, отражающимся от Земли. Недалеко от города с воем собираются громадные стаи собак, и я на всякий случай отпихнул доски, по которым забрался.

Распаковав упаковку энергетика, проглотил порцию желе и запил прилепленным изнутри пакетом с водой. Попытавшись еще раз подружить батарею с лучевой винтовкой, получил мерцающее сообщение «Несовместимый источник питания», сменяемое «Источник питания поврежден», и ши-

роким замахом огорченный выбросил найденную бесполезную мятую железку.

Тихим таинственным эхом раздалось рыдание из глубины города. Мужское рыдание, которого не существует в глазах посторонних. Кто-то вернулся прощаться с останками тел. Сейчас я понимаю, как велико горе народа, когда мужчины не в силах противостоять непобедимому врагу, но неустанно стоят доблестными рядами, защищая своих женщин и детей. Слышно, как, разметая с шорохом пыль, собаки сочатся за падалью в город, сливаясь тенями в огромное черное существо, жижей расползающееся по дорогам.

Сегодня тридцать первое декабря шестьдесят первого. Новогодняя ночь.

ЯНВАРЬ 2162

01 января 2162г.

С новым годом! С новым годом войны за право жить на земле. За право возродить ее от другой войны. За право создать мир без конфликтов. И ведь, несмотря на всю жестокость, именно Агломерация действительно его создаст. Содружество всегда бы оставалось разрозненными группировками, чьи связи строились бы на договорных отношениях, все более и более усложняемых и предвзятых. Нет, городов Содружества еще множество, как мне ведали в Дусте, но я их уже похоронил. Зависть к чужим успехам, а не достижение собственных поразила Конурбацию как рак, который нужно удалять. Корысть же подлила масла в огонь и подтолкнула на

провоцирующие ответ действия.

Солнце невысоко поднялось над горизонтом и приятно припекает лучами ступни ног. Слоеный материал костюма успешно сопротивляется бетонному холоду. По городу зловеще раскатывается жужжание раздуваемых ветром роев мух. Закинув руку под голову, я рассуждаю сам с собой о том, как лучше поступить.

– Ждать, пока придут люди Агломерации для строительства форпоста, и переговорить с их офицером по вопросу моей дислокации? Может, двигаться на юг, к Промгороду, а по дороге встречу их? Вдруг они сюда не собираются, а я проторчу тут и израсходую запас энергетика? Хотя в городе наверняка можно будет что-то найти съестное.

Болезненно перевернулся на другой бок. От долгого неподвижного состояния во время плена мускулы потеряли тонус и снова привыкают к нагрузкам.

– А ждет ли меня вообще Агломерация? Хм, даже мои соратники заикались о том, что операция в Дусте была слишком подозрительной. Может, меня действительно хотели просто убрать, а мне повезло – попал в плен и чудом выбрался с их же помощью.

Сейчас вернусь, а я там уже «второй» хожу. Или вообще потеряли все данные о том, что когда-то существовал. За все то время, что был в Агломерации, мною не интересовался никто из друзей Берестова кроме Хрупа. Напрашивается вопрос: «А есть ли они? Кто-то будет его искать?»

Прослушивает ли Евгений снова эфир моего канала? Может, он знает, что я не умер. Слышал отголоски тащащих меня людей? Да с чего я взял, что он вообще пойдет ради меня поперек своей общины, целого государства, рая наяву...»

Снизу послышалась возня. Мягкими движениями, показавшимися мне по-кошачьи грациозными, я будто на вытянутых пальцах подвинулся к краю обвалившегося перекрытия. Так же плавно выглядывая, обнаружил под собой кудлатого черного пса. Лапой он старается подвернуть тело пилота, пронюхивая его костюм. Вчера я машинально надел обратно маску на мертвое тело и, похоже, пес воспринимает очертания, но не чувствует запаха человека.

После старательной возни, перевернув тело, зверь обнаружил прокол на плече и предпринял попытки вгрызаться в труп. Из раза в раз, соскальзывая зубами по материалу, пес продолжает все с большим азартом и злостью, постепенно надрывая волокна и чуя кровь.

– Пф-ф-ф! – напугал животное очередной выплеск из фильтров ЗМ4.

Тварь резко отринула от трупа, мгновенно подняв немного пыли лапами и мотая головой из стороны в сторону. Обнаружив меня наверху, оно оскалилось, жутко сморщив полысевшую морду.

Менее чем через минуту моего неподвижного состояния, зверь стал переваливаться с лапы на лапу, меняя угол взора. Похоже, он не может понять, живое я существо или нет. Мой

костюм цел, в отличие от погибшего пилота.

Пес потерял ко мне интерес и снова стал облизывать окровавленную дыру костюма, только изредка приподнимая взор на меня. *«Человек – такое же животное на земле»*, – вспомнил слова Куккурупы, конспектированные странником. Хищные, выносливые и стайные звери съели все остальные виды в пустошах. Правда, последние травоядные животные и без того бы вымерли. А так у нас имеется хоть какое-то мясо в рационе.

«У нас». Я так и не могу определиться, кто я. Все еще выживающий одиночка или примкнувший к призракам пустошей и теперь их гражданин. Нужно решиться, нужно... запомнить.

Крепко и резко отжавшись, я поднялся, сильно испугав пса. Тот, снова оскалившись, зарычал. Не его вина, что он питается человечинной. Он родился в то время, где нет другой жертвы. Не моя вина, что мне придется убить, чтобы прожить. Я родился в то время, где приходится быть таким же зверем, чтобы шаг за шагом вернуть облик человечества на планету. Именно поэтому, думаю, понимаю провозглашенные идеи Агломерации. Безжалостные методы, но на корню решающие вопрос. В том числе существования войн как таковых. В их обществе не может быть междоусобиц. Просто технически не может быть. Будучи неосведомленным, их можно обвинить в остром аскетизме быта и отношений, но это абсолютно неверно.

Гроыхнуло острое эхо выстрела, отразившееся от собирающихся облаков. Я так соскучился по запаху пороха, что поднял шторы фильтров. Вдохнув голубой, быстро улетающий дымок, вспомнил, как ходил на охоту в пустошь и долго сидел в засаде, выбросив приманку в виде намазанного пахучим жиром сапога. Затратив один-два дня, можно было вернуться с парой подбитых собак и иметь еще пару недель скромного питания.

Сейчас же я прохожу мимо добычи. Чувство напрасной растраты все еще не отпускающее сознание дикого бродяги, терзает душу. Алая кровь из разбитой артерии стремительно покрывает тело человека, на которое свалилось лохматое животное.

Покинув руины, отправился на юг искать «своих». Один в радиусе километров я как ножка гигантских песочных часов, тень от которой отвлекает от размышлений, напоминая о течении времени. Его скоротечность в событиях сменилась изнуряющим бесконечным ожиданием ласточки цивилизации на горизонте.

Ночь на 03 января 2162г.

Первую ночь вовсе не было возможности заночевать, но за то время, пока был в больничной койке, выспался на всю жизнь. Мне хватило сил идти вторые сутки, но сейчас я приметил естественно образовавшееся укрытие между грудой здоровенных валунов, будто специально кем-то сваленных вместе в балке, глубоко разрезающей холм.

Под камнями образовалась маленькая пещера, а сами они устойчиво держатся под весом друг друга. В убежище выбрал место для сна в дальней стороне от входа. Ближе к нему по привычке захотелось развести костер, защищающий от посягательств. Но непроницаемый костюм скроет меня от зверя надежнее.

Не могу понять, почему я так долго иду и не встретил призраков. С другой стороны, направление выбрано по записям доктора, и оно откровенно ориентировочно. Вдруг хрустнули сухие ветки, подброшенные мною возле входа. Я метнулся в маленькое углубление между серых, как мой костюм, камней. Активировав ночное видение, достал пистолет, не взводя его, чтобы не наделать шума.

– Чертов фонарь, он совсем не светит, – выругался молодой женский голос. – И батареей больше нигде взять. Как устали ноги...

Мельком осветив убежище, она скинула на землю рюкзак и присела на него, бросив пистолет похожий на «Макарова», рядом. Пока она что-то доставала из кармана куртки, я аккуратно подобрал ее оружие.

Через минуту, покусывая кусочек вяленого мяса, она вслепую потянулась левой рукой за ПМ, но обнаружив, что его нет, снова затрещала фонарем. В мгновение вскочив, она отпрыгнула от меня в смертельном ужасе, заметив мой силуэт, но, похоже, все еще не верит своим глазам.

– Я тебя не трону, – нейтрально холодно произнес я. – Но оружие оставлю у себя до момента, когда ты решишь покинуть убежище.

– Не подходи ко мне!!! – через сбитое нервным возбуждением дыхание она, как волчица невольно оскалив клыки, выплеснула из себя вопль.

– Мне нужно переночевать, тебе нужно переночевать. Ближайшего безопасного ночлега не существует, раз ты здесь, верно?

Как-то по-дикому пригнувшись в боевую стойку, она широко расставила руки и ноги, глубокие вдохи заметно двигают ее тело.

– Я не трону тебя, ты можешь расположиться здесь, но на

время ночлега я заберу все твое оружие.

– А если зверь? – немного усмиряясь, она осторожно стала возвращаться к своей сумке.

– Отдай мне все оружие, прими смерть или покинь убежище, – все с той же холодной интонацией предоставил ей не сложный выбор.

Она вывернула все карманы, оголила пояс, запястья и голени. Кроме ПМ и ножа ничего нет. Может быть, в рюкзаке, но его я просто подмял под себя. Чиркнув толстой спичкой, издавшей громкое шипение, она развела огонь у входа и, сложив руки на груди, села напротив рассматривая меня большими черными глазами. По привычке показалось, что я учуял чем-то приятный запах сгоревшей спичечной серы, но костюм продолжает пропускать нейтральный запах.

Мы долго молчим, настороженно наблюдая друг за другом и даже не пытаюсь заснуть. В моменты, когда я долго не двигаюсь, видно, как она поглядывает на меня, будто я отключился. Ее желтые, как солнце, волосы собраны на затылке и лоснящейся гривой спускаются на спину. Мужская куртка из той же дубленой собачей шкуры, что и у всех, скрывает тонкости женской фигуры. Частично одежда проклепана наполированными металлическими пластинами.

Интересное стечение обстоятельств, по своей сути загнавшее заклятых врагов под одну крышу. Однако на моем месте любой другой призрак немедленно бы ликвидировал угрозу. Поэтому я и мечусь, никак не определившись, кто я на са-

мом деле.

– Удобный костюм, да? – еле слышным шепотом выдохнула она.

– Проверяешь, не уснули ли я под маской? К чему ты спрашиваешь?

– Просто. Или для вас это не нормально? Захотела воспользоваться уникальной возможностью поговорить с одним из вас, – ее предложения стали подозрительно длинными.

– Что ты здесь делаешь? – я тут же перевел разговор на нее.

– Представляла себе вас умнее. То же, что и ты! Нет?! – она противно съязвила.

– Нет. Откуда и куда идешь?

– Зачем тебе?

– Может, ты лазутчик?

– Ну, пусть даже так. Что с того? Разведчика испугались? – она повысила тон.

– Потихе или вылетишь отсюда... – пригрозил я.

– Что я могу разведать? Как скоро и как далеко нам бежать от смерти? – она продолжила поднимать истерику.

– Прекрати или...

– Убьешь меня как скотину? Как города вырезаете??? – внезапно завизжав, она сорвалась.

Я врубил мощный светодиодный прожектор на маске и девушка, дернувшись, закрылась тонкими ладонями с длинными пальцами.

– Не желаю тебя убивать, ваши смерти есть ответ на очередной выпад в нашу сторону!

– Какой еще выпад?! Вы психанутые! – стала заметна некая животная одержимость.

– Долго объяснять, ты не поймешь. Мы возрождаем общество, а не систему довоенных банковских связей разрозненных группировок, вечно балансирующих между феодализмом и империализмом, – я выбросил в нее краткий кусок мыслей, абсолютно не отражающий полной картины и являющийся полным мусором для ее необразованного сознания.

– Я, правда, не пойму тебя! Вы убиваете, но при этом говорите о жизни! Вы разрушаете, но при этом говорите о возрождении! Мы хотим жить так – мы так живем! Причем тут вы???

– Вирус может быть побежден только тогда, когда будет истреблен последний зараженный, а не отодвинут и контролируем, – я пытаюсь провести аналогию с понятными вещами. Правда, зачем?

– Кто вирус? Мы? Это вы, твари, вирус!!!

По камням гроыхнул выстрел ПМ. Вскочившая на меня разъяренная девушка схватилась за бок и рухнула левым плечом, ударившись лицом о камни. Подойдя, двумя выстрелами добил обмякшее тело в сердце под левую лопатку, лязгнув пулей об одну из пластин. Будто специально поднялся шквал ветра, загнавший в убежище тучу, песка прилипающего к вспотевшей коже девушки и лежащего на поверх-

ность подтекающей лужи крови.

– Мы убиваем не из агрессии... А вы язва на нашей планете... Через несколько поколений снова что-то не поделите между собой, а пострадает весь мир. Нет уж...

Похоже, именно сейчас я стал настоящим представителем Агломерации.

Можно обвинить меня в ксеноморфии, как и любого призрака, но начинаю считать эти смерти действительно необходимыми. Должно быть, даже Хруп меня осудит в моих новых суждениях.

Однажды все должно остановиться навсегда. Останется только человек будущего, создавший общество бесконечных трудовых, творческих и научных перспектив взамен мелких капиталистических ценностей. Рано или поздно правильные цепочки мышления возникают у всех, но от бурного развития интеллектуальной составляющей не растет физический ресурс человека. Только малая часть человечества успевает сжечь внутри себя период инстинктивного чувства собственности и, не достигнув глубокой старости, привнести в общество единственно верную идею.

04 января 2162г.

Проснулся ближе к обеду от громкого крика ворон и сразу же двинулся в путь дальше на юг, вспоминая через дымку сна вчерашнюю перепалку. В паре десятков метров от входа в пещеру мертвое тело, вытащенное мной этой ночью, терзают собаки, то и дело шугая дерзких смоленых ворон, отни-

мающих мягкие сырые кусочки.

Высокое солнце сегодня аномально горячее и распекает пустоши, поднимая чуть заметные потоки горячего воздуха от крупных полированных пыльными ветрами камней и слегка разогревая лучами грудь под костюмом.

Одинокое, плотное кучевое облако, как беже на ясном небе, медленно двигается с горизонта навстречу. Час от часа оно размывается по лазурному полотну в тонкую, белую, просвечиваемую дымку, теряя след тени под собой.

«Почему я не запомнил координаты Дуста перед штурмом», – мысленно ругаю сам себя. На всякий случай стал перебирать режимы радиии. «Какой из меня призрак, даже не знаю, что и как работает у них», – придумал новые обвинения. «Ведь должен быть какой-то экстренный канал связи, сигнал спасения. Радиостанция невероятно мощная по сигналу...» – я мгновенно умолк и в испуге отпрянул в сторону.

Я не заметил, как справа ко мне беззвучно подкрался полунагой человек в оборванных лохмотьях одежды. На проецируемом интерфейсе маски иногда появляется значение в рентгенах, как сейчас, так понимаю, это превышающая норму разница за пределами костюма. Его руки неизменно опущены, будто в каждой из них по тяжелой гантели, а глаза примагничено наблюдают только за мной, почти не поворачивая головы. Я продолжаю отходить от него, а тот, не произнося ни слова, продолжает двигаться на меня.

«Скиталец?» – подумал я. Меня что-то грубо схватило за

левое предплечье. Я потянулся в обратную сторону, оборачиваясь к нападающему. Точно такой же стеклоглазый человек уже бросает на меня вторую худую, костлявую, но сильную руку. Скользкий костюм в очередной раз спасает мою шкуру, и я выскальзываю из хватки жестких дубовых рук.

Передернув затвор «Макарова», выпустил две пули в бледное обвисшее лицо. Красно-серые брызги окропили идущего позади молчуна. Оставшийся овощ споткнулся об упавшее на спину тело и, потеряв рёавновесие, грохнулся рядом. Пустив очередную свинцовую пилюлю в затылок, я внимательно рывками огляделся по сторонам, но более никого не было.

Сфокусировав линзы маски, далеко на юго-юго-западе увидел у подножия невысоких гор неширокую речку желто-зеленых оттенков. Заворачивая на юг, она скрывалась в овраге обмелевшего русла. Должно быть, я двигаюсь западнее Промгорода и если взять еще сутки пути на юго-запад против течения реки, то окажусь севернее Мирного, описанного странником в дневнике. Только в этом единственном районе мне известны случаи обнаружения «скитальцев».

«Точно! Дневники!» – я азартно бросился обшаривать сохранившиеся лохмотья одежды на одном из убитых молчунов.

13 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

С сегодняшнего дня начну записи. Заместитель мэра Котлована, некогда наш бывший единолично управляющий,

отправляет нас на север в разведку. Я не знаю ни одного случая, чтобы оттуда кто-то возвращался, и не знаю, хорошо это или плохо. Однако нам устроили несколько дней промывки мозгов, и мне бы уже поскорее покинуть город, чтобы не слушать капитана.

Долгие лекции по поводу необходимости во что бы то ни стало вернуться, даже если на севере райские сады. Главная цель – обнаружение лагерей и поселений...

Тут не разобрать, и без того разодранная бумага промокла в крови, и чернила расплылись.

Остальные записи достаточно краткие сами по себе и такие же несохранившиеся, но что-то осмысленное можно собрать воедино.

15 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

Один день пути. Сейчас ночь. Здесь ничего нет. Совсем ничего. Весь наш отряд никак не может уснуть, и мы разговариваем о всякой бесполезной чуши по поводу наших отношений с Котлованом.

16 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

Что-то странное произошло с Аркадием. Он не проснулся и впал в кому. Мы не смогли ничего с ним сделать и оставили его. Ближе к ночи нашли неширокую реку, но вода в ней оказалась отравлена. Двигаясь почти всю бессонную ночь против течения, наткнулись на канатную паромную переправу.

17 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

Мы все же заночевали, еще не перебравшись на другой берег. Утром обнаружил, что нас осталось всего трое. Почти все члены экспедиции куда-то пропали. Думаю, они просто трусливые дезертиры.

18 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

Снова на север. Только на север. Пока пересекали реку, чуть не померли от едкого воздуха над ней. Интересно, что случилось с ее истоком?!

Семен почему-то молчит с самого утра, не проронил ни слова. Он тут главный сплетник. Сейчас поднялись на холм, чтобы осмотреться и перекусить. Немного северо-западнее, часах в двух пути, виднеется множество одноэтажных довоенных деревянных изб.

Надеюсь, это то, что мы ищем, и скоро сможем вернуться домой до следующей вылазки.

19 марта 2159г. (Дневник стеклоглазого)

Он его съел! Семен сожрал Вову!!! Мы решили часок вздремнуть, прежде чем отправиться в деревню, и оставили Семена дежурным. Он не хотел спать, он ничего не ел и так и не заговорил с нами, печально озирая долину за холмом и лишь нейтрально, незаинтересованно бросив на нас взгляд, когда мы сказали о желании отдохнуть.

Мне повезло. Не знаю, почему Вова не успел ничего крикнуть, я проснулся от жуткого хруста его черепа. Семен вгрызлся в него как в спелый арбуз, даже не замечая, что травмирует об острые кости свою окровавленную челюсть.

Я без промедления застрелил его. Это было словно в кошмаре. Даже не стал обшаривать их вещи, в ужасе бежал с поляны, оставив тела лежать друг на друге. Я заметил силуэты людей между домов, но оказалось знакомым их поведение. Знакомым и похожим на Семена. Нужно проверить, сейчас мне может казаться что угодно.

Вчерашняя головная боль, которой не придавал значения, стала усиливаться...

Это все, что можно собрать в законченные логические цепочки из уцелевших слов.

Какие-то инстинкты манят меня, путая мысли: под защитой костюма вернуться изолированные поселения. Но зачем? Примут ли они меня как героя? И что вообще это даст? Один костюм, в который всем не влезть, да мои рассказы о прекрасной жизни и страшной войне, которая нещадно придет вскоре и к ним? По тем же тоннелям в шахтах всем не пройти, уже обсуждалось. Так что не буду менять планов.

– Берестов, говорит отдел поиска пропавших. Сообщите свои координаты, – совсем тихо прошипело из динамиков. – Принято! Оставайтесь на месте в течение трех часов. Мы рады, что вы обнаружены.

Похоже, перебирая настройки радиостанции, я что-то включил, и таким образом меня обнаружили в эфире.

«Хорошо, что последние мысли не обсуждал сам с собой вслух», – подумал я.

Выбросив вещи производства не Агломерации, создав

своего рода «клондайк» для путников, я сел на землю подалеже от трупов, где погасло предупреждение о радиоактивном фоне и постоянно оглядываюсь по сторонам. Мной испытывается новое прекрасное чувство, когда цивилизация находит тебя, возможно нуждающегося, возможно отчаявшегося, но сотни миллионов людей не забывают одного. Но если бы все знали кто я...

Бескрайние выжженные степи с голыми холмами по горизонту, превращающиеся день ото дня вовсе в песчаную пустыню одолевают душу тоской и тяготят мысли. Думаю, увижу конец всему этому. Моя жизнь продлится еще более двухсот лет, если не погибну. За это время все просто обязательно прекратится. МЫ обязаны все прекратить. У Агломерации на все есть планы, уверен, НАМ все по силам.

Нам... Я отличаюсь от призраков, хоть и уверен, что точно примкнул к ним! Но я знаю больше одной правды, я был по обе стороны. Хватит ли сил, чтобы не вернуться обратно к рассуждениям и внутренней борьбе, стыду от деяний и даже мыслей? Настоящая мука...

Спустя два часа, поднимая широкий шлейф пыли, на горизонте появился транспорт. В мгновение он достиг меня, и я с облегчением погрузился в серо-синий БТР.

– Эко тебя поносило!!!

– Месяц прошел, а ты выжил! Настоящий солдат! – смеются, приветствуя меня, солдаты ОПП.

– Куда вы меня доставите? – спросил я, держась от тряс-

ки за металлические поручни десантного отделения бронетранспортера.

– До ближайшего донжона в экс-Промгороде дикарей! Мы заодно возем им немного припасов с донжона в Дусте. – Прощел ты немного мимо него!

Мы двигаемся на северо-восток от моей точки эвакуации.

– А потом что? Снова в бой? Как сейчас обстановка?

– Нет, ты что. Тебе по закону положен отпуск не менее недели, даже тот же карантин тебе обеспечен, – объясняет сержант Никифоров С.В. – Сейчас с донжона и по воздуху до Агломерации!

Мы подъехали к невероятно высокому и большому аванпосту. Все еще не понимаю, как Агломерация так быстро строит сооружения такого масштаба. Широкая металлическая синяя башня, высотой порядка тридцати метров окружена такого же цвета и материала высоким ограждением, как у секторов Агломерации, только меньше. За оградой скрывается белая, как мел, бетонная бытовка, обхватившая основание башни. На вершине расположены четыре посадочные площадки, на двух из которых – вертолеты.

Просторный грузовой лифт с обшитыми глянцевым синтетическим материалом стенами выводит прямо на крышу. Пилоту кратко обрисовали задачу, погружая пару тяжелораненых солдат из лазарета, и мы спешно покинули укрепление.

Поднимаемся все выше, голову снова пьянит свободный

широчайший обзор. Невероятно, но все, что раньше было городом, теперь просто огромная куча бетона, металла, досок, стекла и прочего мусора. Как будто тысячи бульдозеров дружно смели его в сторону.

Из кабины пилота уже привычно играет музыка, и это опять канал, посвященный тяжелой музыке:

Кто же ты, миротворец, у черты с автоматом в руке?

Кто же ты, миротворец, не слышащий чьи-то мольбы?

Кто же ты, миротворец, стреляющий в толпы людей?

*Кто же ты, кто же ты, кто же мы???*²

– Ты в плен попал? – очнувшись, хрипло спросил один из раненных. Мерцает: «Рядовой Червоткин С.М.». – Отключи мне радиосвязь, тошнит уже, а руки не поднимаются – попросил он, и я нажал кнопку на его маске.

– Да, было дело...

– Ты не убил себя? Как ты выжил? Пытали? Проводили опы... – он, кажется, кашлянул кровью внутри маски.

– Хотели... Удачное стечение обстоятельств!

– Да уж! А мне пулемет ноги распотрошил, а потом еще досталось. Вернусь домой, или залатают, или в новое тело перепишут, главное, что не умер. Я не верю в эти копии, меня-то уже не будет все равно.

– Я тоже... – поддержал его пилот.

Костюм рядового начал выталкивать сквозь себя посто-

роннюю жидкость, стекшую внутри него чуть ниже шеи. Медленно выдавливаемые красные блестящие капельки отхаркнутой крови круглыми крапинами ртути быстро скатываются по скользкому наноматериалу на пол вертолета.

За бортом закат заливает пустоши теньями, создавая под нами интересную текстуру ландшафта, накрытого ржавыми облаками. Севернее случайно заметил группу людей, заметивших нас в небе и скрывающихся за валунами. Я сообщил пилоту, а тот передал на донжон, возможно, это полезная информация.

Это несколько человек, со своей историей, со своей судьбой. У них сейчас такие же сложные приключения, как и у меня. Выжить, выбраться, спастись... Их дневники могут поведать об интересных местах или событиях, которые уже никогда не произойдут. Как и моя история, которая уже никогда не повторится с другими.

Под нами стали появляться возводящиеся стены свежих секторов, но хочу отметить, что мы еще далеко от места моей первой встречи с внешним интеркомом. Тысячи рабочих в желтых защитных костюмах и сотни единиц тяжелой техники в неосвещенном пространстве не прекращают работы по возведению каменных джунглей.

Сразу за ограждением непонятные гигантские машины разъезжают по периметру, распугивая, похоже, ультразвуком все живое. В освобожденные квадраты проходят люди и устанавливают опять же неведомое мне устройство. Воз-

можно, оно уничтожает микроорганизмы, но это моя догадка, ведь что-то должно это делать...

06 января 2162г.

Среда, утро. Уже сутки нахожусь на карантине. Вчера ночью меня с ранеными солдатами сразу сопроводили сюда под легким конвоем и заперли в освещенной яркими широкими лампами камере, обставленной молочно-белыми кушеткой, узким столиком с черными ножками и табуреткой.

Могу предположить, что за стенкой находится точно такая же камера, но полимерный материал не пропускает ни единого звука извне. За стеклянной, то есть, по крайней мере, прозрачной стеной с такой же входной дверью, через коридор на стене красуется уже надоевшая голубая надпись «ЗДОРОВЬЕ. ПОКОЛЕНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ».

Весь прошлый день люди в слепящей от белизны защитных костюмах только и делали, что осматривали и допрашивали, что и как произошло, да брали анализы. Спрашивали, какие травмы я получил в бою и после него. При каких обстоятельствах мне приходилось быть без маски, а при каких – без костюма. Какие препараты мне вводили или подавали, чем питался все это время. Но почти на все вопросы у меня не было ответа.

Самое главное – я настоял, чтобы мои записи остались при мне. Иначе конец, меня бы тут и усыпили, как грязную чумную псину. Но, возможно, я ошибаюсь.

– Доброго дня, Михаил Сергеевич. Сегодня вам необхо-

димому пройти глубокую диагностику внутренних органов, а также первые этапы восстанавливающей биотерапии.

– Да, все что угодно, доктор, – я вздохнул и махнул рукой. – Долго мне еще быть на карантине?

– Сегодняшний день покажет. Вам же уже доводилось попадать сюда?!

– Мало ли какие новые правила могли ввести, – выкрутился я.

– Первичный общий осмотр не обнаружил признаков посторонних или заразных выделений организма, – стал объяснять доктор, вкладывая что-то в ячейку для передачи предметов. – Вы можете обойтись одной только маской, наденьте ее.

Подойдя к своего рода почтовому ящику, я надел опять же белую маску, эластично и герметично закрывающую дыхательные пути.

– Проходите, – предложил жестом руки призрак, открывая дверь. – Дальше по коридору.

Проходя мимо одинаковых ярко освещенных камер, я вижу таких же, как я, скучающих изолированных граждан, поворачивающих на меня свои головы.

– Процедура одна для всех или есть исключения? – я задал вопрос.

– Хм... Каждый призрак знает о процедурах! – эмоционально удивился доктор, продолжая водить пальцем по планшетному компьютеру. – Контузии были?

– Обе крайние вылазки!

– Понятно, вам бы еще курс реабилитации пройти. Память восстановить, правда, и так все вернется на свои места за пару лет.

– Конечно, конечно, само все вернется. Мне бы скорее домой, друзей хочется увидеть!

– Что, у вас много друзей? – он повернулся на меня маленькими круглыми черными линзами защитной маски, отражающими множественные источники света крохотными точками.

– Нет. Немного. Даже, наверное, всего один, если глубоко вдуматься в это слово, – невольно рассуждаю я.

– Значит, настоящий друг?

– Ну, он принимает меня таким, какой я есть. Видит во мне интересную личность. Очень выручает. Да и вообще он очень интересный человек, умеющий терпеливо слушать или объяснять что-то.

Я, правда, никогда не думал, есть ли у меня настоящий товарищ в этом ожесточенном мире, окружающем меня с самого рождения.

– А что он вам объясняет?

– Да это не важно, к чему это все?

– Просто психоанализ, не обращайтесь внимания, – он отвернулся и погасил дисплей компьютера. – Нам сюда...

Он толкнул ладонью дверь, определить которую в общей гамме цветов можно только по тонкой хромированной руч-

ке, и мы вошли в медицинский кабинет.

– Сейчас я введу тебе раствор, ты отключишься на некоторое время. Для тебя это сократит ожидание окончания диагностики, а нам ты просто не будешь мешать...

Очнулся уже снова в своей палате. В тусклом свете заметы следы от двух уколов на руке. Свет ярко разгорается, как только встаю с кушетки. В ящике для посылок лежит полиэтиленовый пакет, развернув который обнаружил белую футболку, свободные белые бриджи и такие же белые носки и кеды.

На монохромном дисплее над столом отображается информация о последних моих процедурах. Дальнейших не назначено. В сообщении сказано достаточно «доступно», что введена некая вакцина из болезнетворных эндобионтов, подавляющих патогенную трансформацию микробов и вызывающих их реверсию в авирулентные формы. Под всем этим подпись «Ваш лечащий врач Е.Е. Хруп». «Ай да хитрый же ты» – улыбаясь, произнес я вслух.

Спустя четверть часа замок на двери отперся и раздался низкочастотный спокойный гудок. «Берестов Михаил Сергеевич, ваш курс восстановления закончен. Воздержитесь от физических нагрузок, энергетиков, диет или голодания на неделю», – приятный, радужный женский голос прозвучал из динамиков на одной из стен.

Передевшись из больничной робы в выданную прогулочную одежду, я двинулся через коридор вниз по лестни-

це, у подхода к которой на стене располагается обрамленная синим кругом цифра «3». Серые острые ступени выводят в такой же, как и везде, холл с установленным посередине небольшим фонтаном и омываемой полированной белой статуей мускулистого мужчины, вытягивающего за спину руки как крылья. Его устремленное кверху лицо, похоже, символизирует бесконечное стремление и жажду к совершенству.

Выйдя через голубые полностью стеклянные двери, я оказался на улице. На противоположном тротуаре, через странно оживленную бесшумными автомобилями дорогу, стоит Хруп, локтем подпирающий тонкий металлический фонарный столб. Я побежал через надземный переход.

– Женья! Привет!!! – подбежав к нему, я одернул за рукав.

– О! Ты, наконец, вышел оттуда!

– Уж не без твоей помощи, дружище! – я впервые невольно улыбаюсь и действительно хочу дружеских объятий и похлопываний, как это делают все.

– Да, я был уверен, что ты выжил. Ведь ты родился там, для тебя это как рыбе в воде, – объяснял Хруп, уже ведя меня по бульвару. – Конечно, долго ты был без связи, но как только идентификатор твоей маски просветился в эфире, мне тут же сообщил планшет.

– Наверное, когда решил поиграть с настройками?

– Должно быть, да, но этого знать не могу, – пожал плечами Евгений. – Пойдем, я заказал стол. Тебе нужно поесть

нормальной пищи, а не энергетиков и, возможно, того, чем ты питался в их отсутствие!

Бульвар окружает густой газон, скрывающий под собой землю без остатка, усеянный совсем маленькими фонтанами и белыми фигурами, в совокупности, как можно догадаться позже, представляющими историю каких-то вновь неведомых мне исторических событий.

Через несколько минут, казалось бы, длинного пути мы находимся в той же столовой, в которой я впервые угощался продуктами Агломерации.

– Заказал тот же столик, думаю, так будет привычнее, не правда ли?

– Да, соглашусь, – уже знакомый вид из высокого светлого окна приятно приглашает присесть за стол, стоящий перед ним.

– Тебе нужно хорошо подкрепиться! Ты очень долго сидел только на энергетиках, так можно и желудок испортить. И начнешь потом таскаться по терапиям разным, – объясняя, он повернулся в сторону и кому-то кивнул.

– А они что, вредные? – мне почему-то вспомнились слова Семита о галлюцинациях и каннибализме.

– Сами по себе нет, просто нельзя желудок сутками пустым держать, один раз завтракая. Сам себя переваривать начнешь, – он приятно дружески улыбнулся, тем самым успокоив меня.

Нам стали подносить уже знакомые овощные и мясные на-

резки. Вместе с ними принесли горячий суп с большим количеством зелени.

– А из чего? – поинтересовался я у официантки в белом фартуке и коротком вискозном сарафане, обнажающем тоненькие, но изящные загорелые ножки в черных туфельках.

– Сегодня крапивный. Картофель, петрушка, морковь с помидоркой, сметанка. Перчик есть...

– Понял, понял. Спасибо вам большое! – прервал я. Официантка пожелала приятного аппетита и удалилась, ритмично стуча каблучками по глянцевой, но не скользкой поверхности пола.

Сильно проголодавшийся, я несколько раз быстро зачерпнул ложкой и приятно согрел себя изнутри соленьем бульоном.

– Рассказывай, что приключилось-то с тобой? – Евгений собирает бутерброд.

– Лучше ты ответь, сейчас угрозу представляю для Агломерации? – прошептал я. – Ведь ты меня раньше положенного из карантина вытащил. Я может и не образованный, но понимаю, что к чему.

– Никому ты ничем не угрожаешь, хватит. Что ты с сифилисом пришел что ли? – держа надкусанный бутерброд, он развел ладони. – Я основные анализы с тебя взял. Там все хорошо. Остальное это просто наши стандарты и процедуры, которые я немного опустил.

– Понятно. Ну, мне долго рассказывать. Если коротко:

штурмовали, уже брали администрацию, и меня ранил Багряный. Похоже, энергия пули была маленькая и костюм даже не пробило. Дальше обморок, скорее кома. Очнулся в палате, под землей. Какая-то докторша выхаживала меня, чтобы приготовить к какому-то жесткому допросу, – я оторвался от рассказа, чтобы успеть дохлебать суп горячим.

– И что, вводили какие-то препараты или еще что-то? – спросил Хруп.

– Стойте. Так вы же уже все это спрашивали, когда играли в медика со мной?

– Вдруг ты что-то утаил от меня, боясь за свою жизнь. Ведь ты не знал, что это я...

– Если так, то утаил, конечно... Будучи в районе Промгорода, понял, что в защитном костюме можно легко вернуться в свои земли, – я насупился.

– И почему не вернулся?

– Мои рассуждения повелели не делать этого. Мои рассуждения вообще наделали уже столько бед. Все эти смерти и новый мировой конфликт, – я уткнулся лбом в ладони.

– Нет, нет. Ты никому не сделал хуже! – он легко потряс меня за плечо. – Не нужно думать, что ты всему причина, это глупо.

– А кто же еще?

– Те, кто задумал совершить посягательство на наш мир. Ты просто инструмент. Если бы ты не согласился, на твоём месте был бы совершенно любой другой человек. Ничего бы

не поменялось, как ни крути. Действия свершились бы точно в том же порядке».

– Так вот и в том же?

– Ну, может, за исключением того, что один из диверсантов жив и принял гражданство Агломерации. Скорее бы вас убили обоих, и война, развернутая против Содружества, все равно бы началась как неизбежная, – приподняв брови вверх и немного склонив голову в мою сторону, Хруп как можно убедительнее сказал – Даже независимо от их поступка. Рано или поздно нам бы стало тесно с ними...

– Соглашусь...

– Более того, – Женя решил окончательно убедить меня, – представь два племени, которым предложили дубину или книгу. Отличный друг от друга выбор повел их по разному пути развития. Да, одно из них терпело угнетения агрессивно настроенного первого: грабежи, убийства, притеснения, рабство! Но когда книга была изучена и их цивилизация разрослась в могущественную державу?! Их уже нельзя было поразить ударом палки, выбранной несколько поколений назад, пусть и переросшей в палицу. Восстановленные заводы Содружества – это работы взятых когда-то в рабство наших инженеров. Именуемые сейчас «Содружеством» бандиты сжигали наши работы, первые дома, даже детей... Нам пришлось уйти под землю, именно там сейчас сердце Пантеона.

– Да уж... Но меня все еще тревожит нравственная сто-

рона, что на все это согласился не кто иной. Я плохой человек, как вы можете доверять мне, если я лукавил стольким людям?

– Что значит «плохой человек» по твоему мнению? То, что ты ведешь трезвый расчет в условиях, когда ты окружен туманом чужих, непонятных тебе действий?! Которые в свою очередь рассчитаны только на обман тебя же и эксплуатацию как пешку?

– Да, я знаю ответы на свои вопросы, не продолжайте. Произносить их смысла, наверное, нет... – я тяжело выдохнул.

– Да расслабься ты, призрак.

– Название бы нам сменить... – я снова недовольно насутился. – Глупое какое-то.

– Ну, не пусть не глупое. Этот вопрос уже решается. Война стала очередной ожидаемой вехой развития Агломерации и приблизила планируемые шаги...

– Правда? – перебил я его.

– Конечно. Мы просто хотели начать ее чуть позже, когда наши стены спокойно подберутся вплотную к Дусту и к аномалии Б1203.

– Да... Я видел с воздуха, что лес сейчас оккупирован войсками. Что вы будете с ним делать? Вы не уничтожите порождение апокалипсиса?

– Нет, это единственное что мы не уничтожим. Мы разрастим его на несколько десятков миль и крайне надежно

изолируем. Синтезируемые в нем материалы способны породить жизнь на других планетах!!!

– Да вы что?!

– Мы в этом уверены на все сто! – громче воскликнул Хруп. – Проверим свои доводы в феврале, может, в марте, когда совершим первые экспериментальные запуски за пределы атмосферы – глаза Хрупа загорелись. – Терраформинг, представляешь? Терраформинг!!!

– Ракетами?

– Нет, к чему загрязнения?! – ухмыльнулся Евгений. – Электромагнитной импульсной установкой.

– Удивительно... Я читал немного про такие, до войны им не хватало должных систем питания для полной реализации.

– Еще много чего рассказать есть! Но сейчас лично я хочу отдохнуть, уж извини, пойдем по домам, – резко прервал встречу Евгений, вытираясь салфеткой.

09 января 2162г.

Вот уже несколько дней я просто живу. У Николая Ивановича я читал книжки про разные религии. Такие своего рода первые своды законов, введенных диким племенам силой, от которых не смогли отказаться в будущем, когда уже существовали более совершенные формы организации общества. Разрозненность мышления привела к войне, уничтожившей все. Как и другие несовершенные формы управления, рушащиеся от своих же правил.

Хм... Не тоже ли самое происходит сейчас, но в новом

формате? «Великие»? Иисус? Гении истинных правил жизни по счастливому «праведному» существованию всех и вся, но в новой редакции? По новым достижениям и опыту? Крестовые походы против язычников для унификации мышления, правил, традиций? Для возможности созидать совместными, а не разрозненными усилиями групп? Как же много вопросов! Наверное, через тысячелетия снова случится апокалипсис. Снова человечество придет к тупику имеющихся мировоззрений. Снова все ломает, чтобы построить заного.

В ночь минувшего четверга в соответствии с книгами должен был праздноваться величайший праздник, приносящий людям свет и добро в их мир с множеством непонятных обрядов. Но в настоящее время я не встретил еще ни одной группы или поселения, где присутствует религиозное начало построения общины. Какими-то обрядами в Агломерации, к примеру, даже и не пахнет. Семит хотя бы рассказывал об отношении к умершим, а тут их или сжигают или перерабатывают.

Правда, Содружеству религия бы не помешала. Их и кличут дикарями только потому, что они живут, как племена, без законов. Живут, «как дядька скажет», а если умрет – как скажет другой авторитет, добившийся капитала или рычагов давления. И не может быть стабильности в таком строе.

По телевизору за моим окном торжественно транслируют записи новостей о переходе к финальным этапам производства составляющих элементов космического комплекса, да-

лее собирающегося прямо на орбите. Раз за разом сообщаются все новые данные о расширении границ Агломерации по линии расположения вооруженных сил.

Регулярно проигрываются ролики, напоминающие о том, что к концу этого года можно заочно начинать называть себя просто «землянами», планируется покрыть Агломерацией почти всю Евразию. Емкое, конечно, название, полностью отражающее перспективы фантастических задумок призраков. По-настоящему Великие планы.

Человек способен на все: поворачивать реки, создавать озера и леса, строить города-гиганты. Он всегда мечтал покорить вселенную. До сих пор мы смотрим на звезды с неимоверной печалью осознания ограниченности своего тела, имеющихся технологий, однако молниеносным полетом мысли. Всегда ревниво понимая, что это будущее наших детей, но не наше. Но когда-то люди черпали «правду» из религиозных книг и национальных пропаганд учудив апокалипсис взамен манящей перспективы бодрящего глотка воздуха на другой планете.

Наши южные и восточные границы разрастаются так же быстро и с таким же вооруженным напором, как уже знакомые мне. Принято решение оставить огражденным естественным участком Земли Тибетское нагорье, не заселяя его.

Снова разгуливая по достопримечательностям пусть не планеты, но континента, Хруп рассказал об одной из ключе-

вых задач, которую необходимо решить в ближайшие три года. Гравитационные и электромагнитные генераторы в каждой соте в любую секунду готовы к модернизации и тысячекратному усилению. Я плохо разобрался в том, что он мне объяснял, но понял одно: усеяв своими сотами все континенты, Агломерация сможет управлять магнитными полями земли, крайне медленно, но контролируемо изменять сбитую войной орбиту планеты, и множество других возможностей откроется перед человечеством. Естественные планете зимы смогут вернуться к нам со своими метелями, снегопадами и слепящими белыми сугробами снежной пудры. Таковой она передана нам пожелтевшими художественными произведениями.

Мы можем начать изменения уже сейчас. Но призраки не собираются делиться своими достижениями с другими живущими на планете организмами. Дожди, выливающие живую воду на земли, реки и озера, усилят окружающих человеческих особей. Правда, версию про вероятность уничтожения вследствие этого Леса счастливых призраки озвучивают чаще.

В пятницу вечером на планшет пришло сообщение с предложением посмотреть эксклюзивные кадры с глубин Северного Ледовитого океана, в который периодически равномерно сбрасываются тяжелые массивные устройства. Это такие же генераторы, как в секторах, совмещенные с автоматической биологической лабораторией, ожидающей коман-

ды для выброса своих ресурсов в воду и старта преобразования водных пространств, уничтожая и разлагая на биологические компоненты абсолютно все живое, что рождено в постапокалиптическом мире.

На видеозаписи неплохого качества в прямом эфире под лучами прожекторов можно рассмотреть ужасных созданий. Чем глубже спускается устройство, тем причудливее и уродливее проплывают твари, интересуясь источником яркого света, но вскоре от стального титана они мечутся прочь. Тут меня посетили мысли, что не всех существ, живущих до войны и, возможно, выживших в ее период неизменными получится репродуцировать нами из-за их недоступности для взятия проб ДНК. Они канут в вечность вместе с остальными.

Чувствую себя бесконечно защищенным, будучи гражданином Агломерации. Все еще не могу привыкнуть к тому, что я увижу все достижения, о которых мне говорят как о сказке. Меня ждет такая длинная жизнь...

Сегодня девятое, суббота. Приснился кошмар, правда, сон оказался будто управляемым. Помню смотрящие на меня оторванные головы в размазанных по полу жирных лужах крови, внезапно пожираемые непонятными, насколько запомнилось, почти круглыми здоровенными зубастыми червями размером с большой булыжник. Они появлялись из ниоткуда и пропадали точно так же.

Потом причудлилась черная металлическая дверь в мое

жилище, которого я сейчас не узнаю. В нее постоянно пытаются ворваться нечто, громко стуча по ней или, наоборот, тишиной трепля сердце, будоража страхом невидимого за дверью присутствия. Затем тень с тускло светящимися глазами начинает кружить возле окон, но ничего не может поделать, чтобы пробраться внутрь, и после моего жесткого желанья открыть дверь и принять битву сон кончается. Я просыпаюсь с чувством победы, с чувством сложного, но правильно принятого решения.

Половину дня собираю информацию по всему, что приходит в голову, забивая вопросы в поисковую сеть. Просто с ума можно сойти от всех тех проектов, которыми занимаются люди. Созидательная сторона их сознания крайне превосходит разрушительную. В войне они видят не более чем необходимость для скорого решения вопроса, пока еще планету можно успеть спасти, при этом необходимо уложиться в график, чтобы наш дом вовсе не истлел, приближаясь к Солнцу.

Вспомнил, что вчера после обеда интерком привлекал к себе внимание уже знакомым сигналом: *«Берестов Михаил Сергеевич, вам необходимо в период с 9 по 11 января 2162 года прибыть в ваше военное отделение ВОР28С12».*

10 января 2162г.

Уже около часа торчу в вестибюле военного отделения на матово белой гостевой кушетке напротив картины с изображением серебряного остроугольного космического кораб-

ля, установленного на гигантском постаменте, наверное, вымышленного города. Федор Александрович должен подойти с минуты на минуту, как сообщили мне в соседнем кабинете.

Через стеклянную входную дверь я увидел полковника Бруева, поднимающегося к входу в здание. Он не замечает меня, листая что-то в планшете, и проходит к парадной лестнице. Незамеченный, я следую за ним.

– Где Берестов, в конце концов?! – он нервно крикнул на встреченного в коридоре второго этажа служащего.

Тот, ошарашенный, указал в мою сторону. Полковник непонимающе обернулся ко мне, и я раздражающе мило улыбнулся ему.

– Здравствуйте!

– Берестов! – он захотел что-то крикнуть, но осекся, посчитав это неуместным. Идите за мной!

Мы прошли несколько дверей и свернули в очередной кабинет. Расположенный на стене кабинета громадный дисплей проецирует изображение с планшета полковника.

– Вот смотрите, – Федор, управляя изображением с планшета, открыл карту. – Границы нашего фронта растянулись в широчайшее кольцо вдали от стен Агломерации. Людей и техники, конечно же, нам хватает с нескончаемым запасом, так как нас никто не атакует. И в связи с этим тихая линия фронта разрастается дальше и дальше.

– Ближе к делу, Федор Александрович, – поторопил я его.

– Беспардонность твоя иногда бесит, но ладно. Видел на

улице большой поток транспорта? – он указал той же рукой с планшетом в сторону окна. – В метро тоже сейчас очень и очень людно. Все центральные кольца отправляются во внешние, половина населения переквалифицирована в строителей. Все женщины оплодотворены. За рабочими отправляются горы материалов. Перед военными стоят две задачи, – он провел пальцем по экрану компьютера.

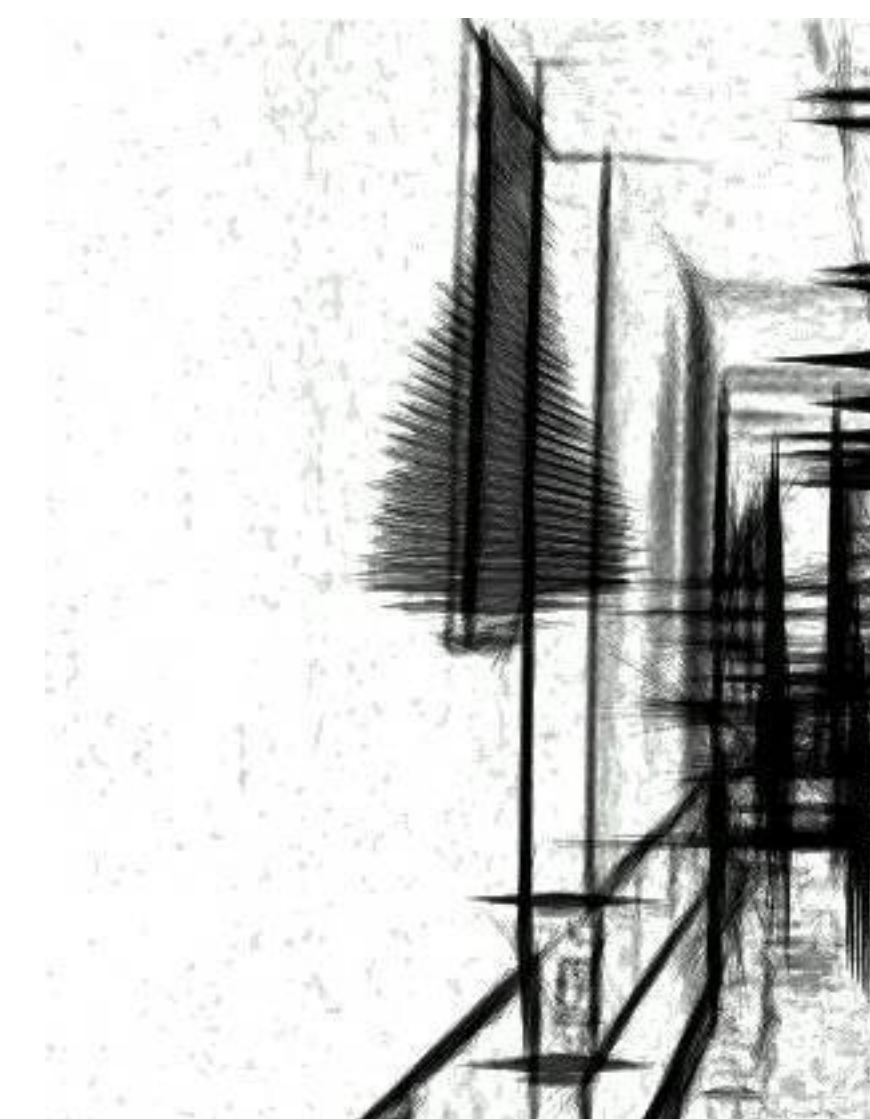
– И какие же?

– Во-первых, нам необходимо отправиться в дальнюю разведывательную миссию на другие континенты. Нужно знать, как обстоят дела там. Отделениям нашего кольца предложено отправиться через Тихий океан на западное побережье Северной Америки. С нами будет пара транспортных вертолетов, из которых вы отстроите мощную радиостанцию и первые укрепления для безопасной жизнедеятельности независимо от условий, – увлекся рассказом полковник.

– А, во-вторых? – перебил его я.

– Я сам решу, что и когда говорить!!! – нервно шугнул меня нахмурившийся Федор. Он продолжил, но веко чуть заметно схватил легкий тремор. – После начальной рекогносцировки один из вертолетов отправится обратно к нам, не ночуя на земле. Когда он благополучно вернется, к вам сразу же отправится десять раз больше солдат, техника и строительные материалы. Задача: обосноваться на побережье, растягиваясь вдоль береговой линии, чтобы не попасть в окружение, сконцентрировавшись в одной точке. Раз в неделю

солдаты могут разыграть ограниченную лотерею и отправиться домой, сменившись прибывающими людьми. Карантинные солдаты отправляются вне очереди.

– Я примерно понял цели, задачи и идею, давайте дальше, – меня сдавливают стены этого помещения. – Я вообще хочу покончить с профессией военнослужащего и заняться мирной работой.

– Ну, может быть, в следующий раз, ха-ха-ха!!! – рассмеялся полковник. – Итак, твое надоедающее «во-вторых». Мы достигли изолированного района с несколькими крайне отсталыми поселениями, – на телевизоре отразились снимки с воздуха Чистых земель. – У нас были собрания по этому поводу. Твой товарищ Хруп пытался что-то рассказать нам про то, что не все гомо сапиенсы за забором подлежат обязательной ликвидации, – сердце дрогнуло, – но нам сейчас нельзя рисковать и делать необдуманных и незапланированных действий. Несмотря на всю нашу монументальность, нельзя отставать от графика, нельзя сбиться с пути. Наша задача – зачистить район, после чего развернуть вдоль границ руин довоенного города укрепления и дополнительные технические зоны. Город подлежит разбору и переработке...

– Давайте быстрее, где во всем этом я?

– Ха-ха-ха, хорошо! Гражданин, какую операцию выбираешь ты? – он сделал отдельное ударение на первое слово.

«Я не смогу убивать тех, с кем я жил. Конечно, я их предал... – стал мысленно рассуждать в мыслях. – Нет, почему предал? Я ушел от них. И просто не вернулся. Да, не вернулся с помощью, но какая может быть помощь, если независимо от меня через месяц развернулась бы полномасштабная

война против всех?»

– Ну, так что? – теперь полковник торопит меня.

– Северная Америка, – выдохнул я. Пусть Чистые земли останутся в моей голове маленьким томным оплотом вечных мечтаний о лучшей жизни.

– Знаю, что у тебя есть компьютер. Я уже официально закрепил его за тобой, пусть будет. Тебе отправлены распорядительные документы. Ознакомься, – нейтрально произнес Федор, обходя меня в сторону двери. – Прошу! – ехидно улыбнулся он, открыв ее.

Разговор оставил отпечаток напряженности на весь день, но тихие высокие улицы, погруженные в сумерки, успокаивают. Отправившись обратно домой, я еще раз обратил внимание на редкие огни в окнах и опустевшие тротуары. Вышел на дорогу и, двигаясь по сахарно-белой двойной сплошной полосе, расправил руки в стороны. Глубоко вдохнув, я почувствовал, как приятно расправились легкие, освежившиеся вечерним воздухом. В мегаполисе не так холодно, как в пустоши, когда заходит солнце.

Чем глубже сумерки переходят в ночь, тем ярче разгораются частые светодиодные фонари, озаряющие бело-голубым светом черты предметов и строений. Я присел на лавку под густым кустарником и долго смотрел на звезды, закрывая ладонью уличное освещение.

13 января 2162г.

На планшетный компьютер действительно получены схе-

мы, инструкции и распоряжение командующего. На схемах указан маршрут, точка высадки, прогнозируемый климат и другие данные. В инструкциях подробно расписано и проиллюстрировано анимационным роликом, как разбирается транспортер и собирается крепкое убежище с генератором и системой жизнеобеспечения. В таком блиндаже можно существовать пару недель даже в полностью отравленной окружающей среде. Сделана заметка, что фильтры костюма проходили все самые жесткие испытания в комнатах моделирования условий, но необходимо обязательно получить подтверждение безопасности от группы ученых, отправленных вместе с нами. Сразу после окончания развертывания лагеря они обязаны провести анализ мобильной системы жизнеобеспечения костюмов.

Но пока я дома и уже несколько дней провожу с Хрупом. Он снова водит меня в зеленые уголки, но в этот раз мне уже довелось искупаться в озере. Обнаружил правду о себе, о которой не приходилось задумываться в мертвой зоне – не умею плавать, просто не доводилось. Смотрел, как Евгений ровными движениями отгребает воду и движется под гладью, улыбаясь мне и предлагая попробовать проплыть вдоль берега. Попытка оказалась не самой удачной, и я хлебнул воды, но новое ощущение находиться в жидкости и не касаться твердой поверхности незабываемо откладывается новой гранью фантазий и мыслей в моей голове.

Хруп пообещал, что в следующий раз, когда я вернусь с

задания и откажусь от работы военным, мы сходим на рыбалку. Она пока что ограничена и только по регистрации желающих, но через месяц, если все пойдет так, как планируется, будут целиком захвачены и восстановлены новые реки и водоемы восточной Европы. Одновременно с этим ограничения будут снижены.

Женя показал мне спортивный стадион нашего сектора со спорткомплексом рядом с ним и уговорил попробовать поиграть в большой теннис. Поначалу не очень получалось в нужном направлении отбивать желтый, как лимон, и такого же размера мячик. Но позже приловчился и даже обыграл Хрупа, если он не поддавался. Очень интересная игра.

На теннисе мы не остановились. Он показал широчайший бассейн, наверное, размером с небольшую городскую площадь. В нем играют дети со своими родителями, кто-то соревнуется в плавании. Чуть дальше есть бассейн с вышкой для прыжков в воду, с которой красиво ныряют как мужчины, так и женщины. Как жаль, что я этого не умею, но, надеюсь, научусь. Уверен, что научусь. Мне теперь на все хватит времени. За новый срок жизни можно почувствовать себя действительно свободным человеком, таким, каким мы видим себя в своих фантазиях.

В тот же день после осмотра бассейнов мы отправились на изумрудные футбольные поля. Сотни команд соревнуются между собой за право называться лидером. За кубок. Это и есть времяпрепровождения. В этой игре я не решился

поучаствовать. Команды играли совместно, понимая жесты своих игроков и легионеров. Разыгрывая комбинации, они создавали тактические преимущества и «поражали» противника. Занимательная и будоражащая игра. В нее невозможно играть единолично. Можно обращаться с черно-белым мячом бесконечно виртуозно и профессионально, но без соратников, готовых перенять схватку, все становится бессмысленным.

Да и вообще у нас в Агломерации основное хобби в свободное время – это написание книг для передачи своих фантазий естественным методом, изобразительное искусство, спортивные игры, интеллектуальные и многое другое. Раскрываются все созидательные возможности человека и возможности его идеального анатомического строения тела.

В исторических книгах я часто встречал, как управляющие державами сдерживали капиталы внутри страны, распространяя информацию о необходимости увеселительных напитков на отдыхе или во время праздников. Распространялись легкие наркотические вещества, курение табака. Все это оставляли в умах людей как ежедневное, естественное, нормальное времяпрепровождение. Людей не пугали смертельные последствия для здоровья и социальный крах.

Война истребила подобные традиции. Теперь самосохранение – основная игра людей. Людей Содружества. Правда, осталось играть в нее совсем недолго. Интересно, не осталось ли какое-то довоенное оружие массового поражения?

Думаю, корыстные умы в целях «безопасности» давно приступили к восстановлению дьявольских орудий.

Вдруг найдены склады? Стоит ли опасаться ядерной боголовки, принесенной баллистической ракетой прямо в сердце Агломерации, выпущенной с найденного где-нибудь в мертвых лесах передвижного стартового комплекса? Все-го-то и нужно, что канистра топлива. И снова зло на века, на тысячелетия. Тогда это будет точно закат человечества, необратимый. Содружество не способно вывести общество на те революционные круги сознания, которого способны достичь неoантропы.

Сегодня кончается послекарантинная неделя отдыха. Наверное, уже завтра меня вызовут в часть и снарядят на восток. Опять на восток, к восходящему Солнцу, но на западное побережье. Как это символично.

15 января 2162г.

Случилось, как и думал. Вчера на планшет поступило сообщение от полковника: *«Прибыть в ВОК28С12 для подготовки старта миссии».*

Пробыл в отделении целые сутки и ночевал в казармах. Мне выдан новый офицерский костюм и новый «Когерент-23М». Полковник торжественно, но с нескрываемым отвращением присвоил звание младшего лейтенанта взамен погибшего Магнитова и хлопнул по груди крепко намагниченным отличительным логотипом.

– Совет генералов, на твое счастье, заинтересовался «тво-

им» послужным списком, – злобно прошептал он мне на ухо.

Теперь в моем распоряжении два отделения по восемь человек под руководством сержантов и один экипаж бронетранспортера. Похоже, предыдущий Берестов хорошо служил родине, а правда обо мне недоказуема и беспокоит только одного человека во всей Агломерации. А может в составе никогда не помешает человек знающий Содружество и имеющий беспрецедентные навыки выживания в пустошах не наравне, а даже более чем первые поколения призраков. Догадки...

Каждому из нас вручены индивидуальные пакеты энергетиков, помимо запасов нормальной пищи в транспортах. Вакуумные гранаты и по две батареи. В тех же инструкция показывается, как заряжать мобильные источники питания от генераторов в убежищах.

В каждой группе по два человека вооружены автоматическими гранатометами двадцать пятого калибра с вычислительным блоком и шрапнельным выстрелом. Говорят, это одна из последних довоенных разработок. Выстрелы можно заменить вакуумными по усмотрению. У другого взвода точно такой же набор.

Вылетев еще глубокой ночью, мы уже пролетаем восточные границы Агломерации, практически упирающиеся своими стенами в Охотское море, и движемся над высокими вулканами Камчатского полуострова.

– Смотри, Шивелуч, – один из солдат восхищенно одер-

нул меня, показывая в иллюминатор, в ответ я только кивнул головой.

Два отделения расположены по бокам широкого транспортного вертолета с несколькими винтами. В инструкциях написано, что это десантные либо спасательные модули, отделимые от основного, способные самостоятельно приземлиться за счет парашютов.

В основном модуле расположены склады и бронемашина с экипажем, надежно зафиксированная натянутыми металлическими стяжками к стенам.

В целом нашей ротой командует капитан Шелков Олег Васильевич, движущийся на транспорте по левый борт от нас. Крепкий телом, он кажется гигантским богатырем в толстом сером костюме, подчеркивающим рельеф мускулатуры. «Комгерент» выглядит в его руках маленькой игрушкой.

– Всем еще раз изучить порядок сборки убежищ, – командовал я по рации, чтобы чем-то занять своих подчиненных. Как бы теперь сладить с таким количеством бойцов.

– Так точно! – все смиренно принялись рассматривать изображения на стенках модуля.

Бескрайние океанские волны уходят за линию горизонта, ослепляя мерцающим блеском лучей восходящего Солнца. В глазах все рябит, и, если смотреть достаточно долго, начинается кружиться голова. Ясное небо изредка украшают одинокие ватные облака, кажущиеся неподвижными от скорости, с которой мы преодолеваем пространства, и серым пятном

накрывающие участки воды под собой.

Транспортные вертолеты – не безобидные пташки в небе. В иллюминаторы видно, как на соседних вертолетах красуются спаренные лучевые орудия внушительных размеров. В сети успел найти всего пару слов о них, рассказывающих об усиленном пучке света и увеличении ударного эффекта за счет синхронного выстрела с обоих орудий, способного крушить одним попаданием бетонные сооружения.

– Порядок организации лагеря изучен, товарищ младший лейтенант! – отчитались по эфиру оба сержанта.

– Всем отбой, высыпаться...

Мы стремительно движемся по часовым поясам. Солнце очень быстро восходит и мчится к зениту. Спустя несколько часов меня кто-то вывел на общий с капитаном и пилотами канал.

– Лейтенанты, просканировав эфир, мы получили радиосообщение от потенциального врага, – из динамиков зазвучала запись мужского голоса на сильно шипящем фоне. Язык мне неизвестен, но показалось, я разобрал «Сан-Франциско» и что-то связанное с «радио».

– Все на английском, ничего не понять, товарищ капитан! – ответил лейтенант Тельцов В.Н.

– У меня так же как, и у всех остальных не очень хорошо с вымирающими языками, но здесь нас якобы предупреждают о том, что к нам отправлен истребитель для сопровождения и ликвидации в случае неповиновения, – разъяснил капитан.

– То есть враг технически развит по сравнению с Содружеством? – задал вопрос еще один офицер, голос которого показался мне знакомым, но его транспорт был достаточно далеко, чтобы мне проецировалось его имя.

– Если они высылают один истребитель, то либо они уверены в своем превосходстве, либо это пережитки прошлого. Найденный уцелевший аэродром и семейка механиков в грязных рубашках, которых взял под крыло какой-то авторитет, построивший теперь тут свою маленькую империю, – все с большим энтузиазмом произнес Шелков.

– В первом случае нам необходимо будет идти дипломатическим путем и связываться с нашими главнокомандующими. Сильный враг – это повод задуматься. Во втором же случае, если мы встретим довоенную технологию в ужасном исполнении, а точнее не построенную вновь, а восстановленную из уцелевшего наследства, то уничтожим и продолжим путь дальше, – подхватил я разговор офицеров.

– Похвальное трезвое рассуждение новоиспеченного младшего лейтенанта Берестова – в голосе отразилась улыбка Олега. – А вот и он!

Я стал всматриваться в иллюминаторы, но ничего не увидел, тогда я побежал в верхний смотровой модуль с расположенным там оборонительным стрелковым гнездом.

На нас с высоты устремился крылатый остроносый самолет, вытягивающий за собой белую полосу, медленно рассасывающуюся в воздухе. Капитан опять изменил частоту в

моем приемнике, и снова зазвучала речь на неизвестном мне языке. Очень часто повторялось «плизрепли». Максимально приблизившись к нам и сбросив высоту, самолет сделал фигуру и пристроился за нами, стараясь выравнять скорость. Появилась возможность рассмотреть его корпус, сфокусировав на нем оптическую систему маски. Весь исцарапанный, с аббревиатурами на фюзеляже из цифр и других символов.

После часового преследования и нашего терпеливого молчания истребитель взмыл ввысь, отставая от нас, и выпустил мгновенно окутавшую самолет своим дымом белую ракету в один из наших транспортов. Я только успел заметить, как турель смотрового модуля соседнего вертолета повернулась в его сторону и первой вспышкой подорвала боеголовку, а через пару секунд второй ударила в самолет, смяв его нос в комок и раскалив докрасна металл. Сбросив от лобового попадания скорость до минимума, истребитель пал вниз, как подбитая птица. Еще вспышка – и рванули топливные баки в крыльях самолета, разбив его на мелкие металлические осколки, разлетающиеся из клуба пылающего смольного дыма. Вся эта удаляющаяся огненная масса черной каплей стекает в воздушном пространстве все ниже и ниже.

– Итак, теперь не рассчитываем на гостеприимство! – раздалось на общем канале.

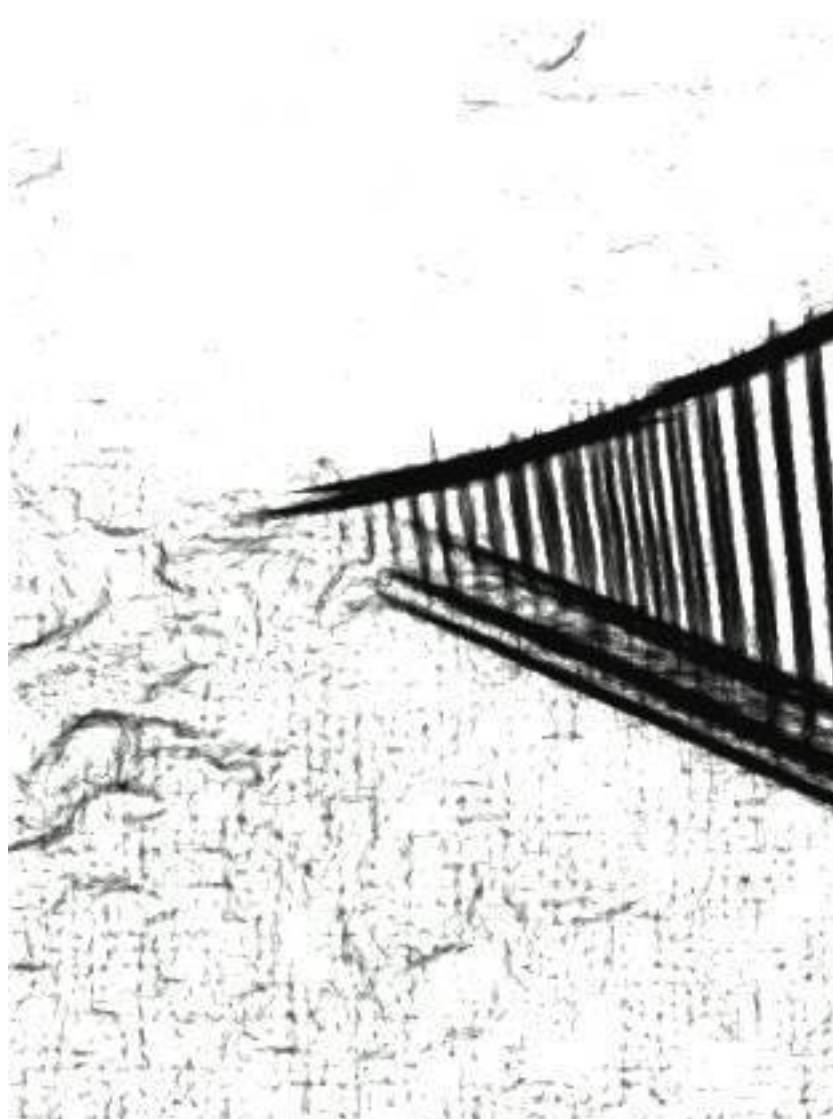
Еще через некоторое время полета в думах над будущей высадкой я не заметил, что мы уже пролетаем над разбитым длинным подвесным мостом через пролив у входа в широ-

кую бухту. С омываемых волнами высоких ржавых железных пилонов свисают порванные тросы. Картина очень холодная и чем-то пугающая.

– Пролив Золотые ворота, – уведомил капитан. – Взвод Берестова, готовься к высадке. Взвод Севастьянова, готовься к высадке! Тельцов, Зерныш, ваши транспорты остаются в воздухе для подавления потенциального врага!

Наши с Севастьяновым вертолеты стали сбрасывать высоту, а два страхующих нас прибавили скорости и удалились по флангам. Транспорт Олега Васильевича остался позади нас.

Чуть дальше за мостом, вдоль желтого песчаного побережья, широкий пустырь, над которым уже кружат Тельцов с Зернышем, изредка выпуская молниеносные вспышки, выкорчевывающие напрочь редкие толстые почерневшие стволы деревьев. Сфокусировавшись на области, несмотря на небольшую тряску, я разобрал разбегающихся в стороны странных существ, похожих по движениям на горилл. Со светлой тонкой шкурой, массивными руками и короткими задними лапами, они разбегаются в стороны и, попадая под залпы, отбрасываются с кусками земли как листья бумаги штормовым ветром, более не поднимаясь и испуская дымок от поджаренной плоти, окруженной сварившимся в стекло песком. Импульс такой силы должен дробить кости и отшибать органы, превращая любого в мешок мяса с поджаренной корочкой.

Дальше, за пустырем, раскиданы камни некогда стоявших тут домов, но теперь не осталось даже стен. Каменная пустыня, орошенная земляными просветами и изрезанная полосами оставшегося дорожного полотна.

– Выходим, выходим, выходим!!! – я почувствовал, как шасси коснулись твердой поверхности. – Стройся отделениями тут! – я указал место сержантам, сбегаящим с металлического трапа. Те переняли мою функцию, освободив меня.

Осмотрев доступную линию горизонта, не обнаружил опасности. Выстрелы поддержки более не вызывают посторонних движений.

– Бортмеханик! Отстегнуть пассажирские модули! Всем покинуть транспорт и соорудить на месте высадки оборонительный комплекс! – не переставая оглядываться, я отдаю команды. Точно такие же действия происходят у рядом расположенного взвода Севастьянова М.Н.

Из основного модуля, резко заворачивая к месту построения, вырвался серо-голубой вытянутый угловатый БТР с громадными колесами, покрытыми кольчугой.

– Экипаж Сальникова, расположиться на расстоянии сотни метров от нас на юго-восток. Ориентир – основание обвалившейся двухуровневой магистрали, – я машинально повернулся к Севастьянову, подняв руку. – Максим, предлагаю поддержать дальний рубеж обороны и отправить БТР в выкорчеванный поддержкой палисадник у спуска магистрали!!!

– Поддерживаю! – басом ответил голос, похоже, достаточно зрелого мужчины.

Менее чем за два часа транспортный вертолет трансформировался в низкое и широкое металлическое укрепление с двумя турелями на крыше, и содержащее внутри себя все необходимое техническое обеспечение и пространство для отдыха всего состава.

После спустились Зерныш и Тельцов, так же симметрично развернувшись рядом с нами под прикрытием оставшегося Олега. Капитан приземлился между всеми, отстегнув только пассажирские модули и пригласив свободных выбранных солдат для анализа фильтров в лаборатории на борту его вертолета.

Из оставшихся от пассажирских модулей материалов всех пяти летательных аппаратов организовалось ограждение по периметру от одного убежища к другому.

– Сальников, доложить ситуацию!

– Все спокойно! – всегда успокаивающие слова. Смеркается, и нужно торопиться.

– Показания загрязнения воздуха такие же, как в наших регионах, радиационный фон также повышенный! В костюмах совершенно безопасно! – громко кричал в эфир Шелков. – Поскольку радиосвязи с Агломерацией отсюда нет, я отправляюсь с докладом обратно вместе с инженерно-техническим составом! Задача – продержаться трое суток до прибытия подкрепления и конструктора первого донжона. Про-

вести рекогносцировку местности в радиусе пяти километров! Не выгонять БТР на водные пространства! – В ответ прозвучало громогласное подтверждение. – Старшим остается лейтенант Зерныш! Вячеслав Ильич – опытный руководитель!

Солдаты отгрузили последние припасы и материалы с его транспорта и уже сооружали своего рода мачту со смонтированными прожекторами. Взлетая, вертолет Олега поднял тросом эту конструкцию. Ее тут же закрепили растянутыми от верхушки до укреплений толстыми вантами и подключили кабель питания, уже неглубоко зарытый в голую рыхлую землю. Превосходная работа сержантов, я с ними даже не сравнюсь.

Габаритные огни улетающего вертолета теряются в загорающихся звездах. В январе крайне быстро темнеет. Во все стороны тьму прорубили широкие столбы света от смонтированной вышки. В эфире слышно, как сержанты поблагодарили солдат за успешное тестирование системы классического освещения и распорядились включить приборы ночного видения.

– Назначить график дежурства на стрелковых местах убежищ! – заложив руки за спину, я направился к остальным офицерам по уже безопасному огороженному лагерю. – БТР Сальникова, вернуться к базе. БТР остаются за ограждением. Состав готовься к отбою!

– Ну, что? – кивнул мне головой Зерныш, с довольным

видом уперев руки в пояс. – Еще повоюем с тобой, да? – радует бодрый голос знакомого человека.

– Да, приятно повоювать снова вместе! Отлично сработали в Дусте! Если бы не ваша группа, меня бы тут уже не было!

– Ха-ха! Я такой!

– А как красиво с крыши дикарь улетел!!! – мы громко посмеялись над воспоминаниями. – А Николаев? Живой?

– Нет... Нашли у черного выхода администрации, разорвало на растяжке.

– Да уж. Вся группа полегла.

– Ну, как не жив. Ходит еще один Николаев. Для нас разницы нет, – немного разведя руки, спокойно проговорил Вячеслав.

– Да, технология великая. Муравейник будет вечно жить, – ответил я.

– Так точно, землянин!!! – снова подбадривающе схватил меня за плечи Слава. – Так. Всем отбой, но не расслабляться, – интересное распоряжение выдал он в заключение.

Я отправился к своему блиндажу, расположенному ближе к воде. В километре северо-западнее через мутные на таком расстоянии оттенки ночного видения зловеще проявляется пилон моста. Отключив ПНВ, я наслаждаюсь естественным видом ясного неба. Полумесяц окружают яркие звезды, лоснящаяся серебряная лунная тропинка уходит по волнам в ночную дымку, а позади меня лишь устрашающая тьма с чуть проясняющимися на земле белыми осколками строе-

ний.

В убежище я расположился в узкой личной комнате с толстым иллюминатором внутрь лагеря. Сон пришел очень быстро.

Ночь на 16 января 2162г.

– Подъем! Подъем!!! – одернув, разбудил крик дежурного на общей частоте. – Всем занять оборону, огонь не открывать, освещение не подавать!!! Ждать офицеров! – повторял его голос.

– Дежурные, укажите угрозу! – пробудился Зерныш.

– По всем направлениям! По всем! Окружение! – кричат солдаты. Меня настигает странное чувство неконтролируемого страха, будто гонящего прочь.

– Объекты угрозы? – по голосу слышно, что Зерныш бежит.

– Неопознанные существа и тени отовсюду кроме воды, – нервно дыша, продолжает дежурный.

– Расслабиться, солдат, не нагоняй чертовщины. Все живое можно убить, – а сам невольно вспомнил рассказ странника из дневника о Тихом городе.

– Отделение Берестов-один, быстро к заграждению! Отделение Берестов-два ожидать в укреплении! Экипаж Сальникова в машину, оставаться на месте, вести прицельный огонь по команде с обоих орудий, – я даю распоряжения своему составу, как было написано в инструкциях к тактическому поведению, которые успел прочитать в Агломерации.

– Вижу людей! Вижу людей на юге, на подъеме автомагистрали! – перехватил эфир еще один дежурный. Стоя прямо у центральной вышки, я снова воспользовался оптическими возможностями костюма. Не очень далеко можно разглядеть скрытые во тьме силуэты группы людей и блеск биноклей, направленных в нашу сторону.

– Конечно, догадка, но твари-то, похоже, ручные... – медленно выдавил я в эфир, раскладывая варианты событий. – Зерныш, скомандуй одной из турелей взять под прицел стоящих на мосту...

– Поддерживаю. Основная турель укрепления четыре, взять на прицел объект: юг, подъем, двести метров, группа людей.

Одно из орудий беззвучно приподняло спаренную пушку.

– Выстрел! Ракета! – закричал кто-то. – Еще один!!! Мост! Мост!!!

– Активная защита! – перекричал его Слава. – Сохранять спокойствие, вы что паникуете, как девочки? Обычная работа!

Но его поведение и жестикуляция выдают нагнетаемое наравне с другими беспокойство.

Успел заметить, как все еще непонятные силуэты крупных, но худых тварей кинулись со всех сторон, ловко и яростно перебирая под собой тонкими длинными конечностями.

– Ответ по мосту! Огонь по наступающим!

На квант времени вспышка осветила уже трескавшийся от нее бетон. Вытолкнутая с магистрали куда-то в темноту пара человек наверняка погибла.

– Берестов-один, экипаж, турели свободный огонь на усмотрение!!! – одновременно с треском и грохотом рушащейся магистрали успел прокричать Зерныш, как с южной стороны в воздухе растянулись по невидимому куполу взрывы выпущенных ракетных выстрелов. Напоминает тлеющие куски ваты с разбегающимися в стороны огоньками.

– Турели, прекратить огонь на пятнадцать секунд, дать зарядиться буферу активки! Ее сейчас остался один заряд! БТР, поддержать огнем по тварям!!! – перехватывает командование всеми группами Зерныш.

Несмотря на проворность прихвостней, они успешно поражаются градом тонких вспышек «Когерентов», обрушивающих удары на жесткие тела и выжигающих плоть. И вот турели снова в строю, выстрелами поднимая грунт и отшвыривая тела зверей на десятки метров назад. Все громче меня настигает злой неразборчивый шепот, заставляющий невольно оборачиваться по сторонам.

– Ослепить!!! – крикнул Зерныш. – И дать мне свет по подъему!!!

Тьму рассекли белые толстые лучи прожекторов, ослепивших прихвостней, и заставляющих их извиваться от боли в глазах.

– Ай, черт, как слепит! Выключайте ПНВ!!! Добивать!!! –

крикнул Севастьянов Максим, прикрываясь левой рукой от невыносимо яркого света, ударившего в глаза через прибор. Но без инфракрасной подсветки тела пропали. Похоже, они не отражают видимый спектр.

– Стоп свет! Стоп свет!!! Миренко, шрапнельными равномерно за магистраль! Выставить расстояние взрыва на двадцать метров за подъем! – командует гранатометчиком Вячеслав. – Васильев, также шестьдесят метров! Никифоров, сто метров! Накрыть квадрат!!!

Раздались плоские жесткие выстрелы аналога довоенного ХМ-25, и яркие разрывы снарядов заполнили пространство над указанным периметром, осыпав его градом желтых раскаленных осколков. Потухли последние отдающие тусклым блеском глаза, окружающие лагерь. Нагнетающееся чувство страха растаяло внутри меня облегчающим глубоким вздохом. Не могу сказать, преступление ли это, но незаметно для всех я приподнял створки фильтров. Холодный, на удивление сырой воздух промчался по легким.

– Всем отделениям один, смениться с отделениями два. Дежурить еще час, затем отбой до рассвета! Экипажам отбой! – Вячеслав, закинув лучевую винтовку за спину, примагнитил ее и двинулся в свой блиндаж. – Ничего сложного...

16 января 2162г.

С рассветом отправили осматривать тела прихвостней (уж привязалось это название к ним), чтобы изучить максималь-

но уязвимые участки. Два бронетранспортера в сопровождении группы солдат пустили на разведку восточнее и западнее лагеря. В третьем строго на юг в непривычную дымку тумана отправился и я.

Помимо разведывательной операции лично мне поручено осмотреть тела людей, накрытых ночью шрапнельными снарядами. Взобравшись на броню, в сопровождении группы из четырех человек я изучаю рухнувший подъем автомагистрали. В обломках не видно тел погибших, и, аккуратно переваливая колесами по грудам строительного мусора, мы трогаемся дальше.

Повсеместно заметны таблички с разными надписями: «San Francisco», «Doyle Drive», «101». Вдоль когда-то широких дорог остались металлические спаренные основания неизвестных мне щитов с облезшими до неузнаваемости изображениями. У нас же все растащили по «новым» городам, не оставив почти ничего в пустошах.

За поваленными уродливыми деревьями обнаружили довоенное кладбище. Религиозное место, где хоронили усопших и устанавливали памятный камень для сохранения информации о захороненном человеке. Такими небольшими белыми, как мука, камнями плотно испещрена площадь в два-три гектара. Их грани сколоты, и почти каждый из них расталкивает трещина, но они уверенно ровными рядами стоят уже века.

Осмотревшись, нашли три свежих человеческих трупа.

Это убегающие солдаты, накрытые нами с воздуха. Тела, упавшие лицами, в землю облачены в залитые кровью изодранные плотными осколками камуфляжи. Ничего кроме огнестрельного оружия и боеприпасов к нему я не нашел.

Медленно продвигаясь на юг, маневрируя между крупными преградами, мы добрались до выезда или въезда (кому как нравится), из тоннеля. Дорога, выводящая из него, осталась почти не тронутой. Что-то изнутри подсказало мне: «проверь».

– БТР быть начеку! Ты, – указал я на одного из рядовых, – будь прямо у входа. Все остальные со мной внутрь.

Снова воспользовавшись инфракрасной подсветкой, я медленно повел группу за собой в тоннельную тьму. Меня напугал неожиданный звук очистки фильтров идущего позади солдата, но я не вздрогнул, лишь получил маленькую дозу адреналина в кровь, щекочающе разогнавший сердцебиение. Как только слепящий дневной свет остался за спиной, перед

нами открылся завал и дверь в стене справа перед ним.

– Проверить, – кивнул рядовому.

Подергав дверную ручку, он повернулся ко мне, жестом показывая, что дверь закрыта, и готовясь пнуть ее пяткой, как вдруг внезапно оглушающе громко раздалась автоматная трель, насквозь пробившая хрупкую дверь из древесной стружки и разнесшая пугающее эхо. За дверью кто-то кричит на том же языке, что я слышал, подлетая к проливу.

– Штурмуем! Перезаряжает!!! – рванул я вперед всех, левой рукой оттолкнувшись от расстрелянного солдата уже падающего на куски колотого бетона с торчащей ржавой арматурой.

Влетев в комнату, я не успел поднять свою винтовку, как на меня с большим боевым ножом накинулся крупный размеров мужчина в таком же, как найденные трупы, маскировочном зеленом «не по погоде» костюме. Проскользнув по животу лезвием и задирая его под лопатку, он ловким движением оказался у меня за спиной. Получив тяжелый толчок берцем в копчик, я упал на письменный стол и кувыркнулся через него.

Подоспевший в комнату солдат, мгновенно прижав к его голове «Когерент» сдавил вспышкой череп, плеснув его вскипевшим составляющим на стены комнаты. Поднявшись, я подобрал свою винтовку, обыскал маленькую комнату и убитого солдата, нащупав под курткой свернутую записку на толстой бумаге.

– Заберите амуницию рядового призрака, – отвлекая, приказал наблюдавшим за моими действиями солдатам. Вытянув бумагу, я быстро спрятал находку в кармане наспинного вещмешка. – Уходим, уходим! Нужно двигаться дальше!

Водрузившись на броню, мы резво тронулись и по сохранившейся асфальтированной дороге быстро пересекли поля ломаных бетонных плит и кирпичных кладок, изредка перемежающихся уцелевшими остатками одноэтажных жилых домов.

– Стоп, машина! – мы подъехали к резкому повороту на запад. Пейзаж снова сменился голой землей и облысевшими лесопосадками. – Связаться с другими группами! Докладить!

За одним из деревьев я заметил такую же толстую обезьяну с массивными передними лапами, как при посадке на материк.

– Рядовой Левтин, зверь, сто метров, девять часов. Прицельным на счет три... – солдат повернулся на лево и приставил «Когерент» к плечу, набрав энергии в буфер. Отсчитав, мы одновременно спустили заряд в плоть, всего лишь толкнув зверя с обожжённой шкурой на землю. Поднявшись, невероятно быстро оно бросилось к нам, тяжелыми ударами «рук» преодолевая несколько метров за секунду.

Переведя оружие в поточный режим, я выпустил белый не рассеивающийся луч толщиной с большой палец. Он мгновенно поджег пылинки, летающие в воздухе на его пути, превратив их в струйки обнимающего лазер дымка. Пробитые

насквозь и разрезанные лучом половины мутанта рухнули на землю в десяти метрах от нас, должно быть, окружая нас запахом жареного мяса. Мгновенно прижатые черные рубцы не позволяют зверю быстро умереть, и он мучается в ожогах и удушье от прекратившейся вентиляции сваренных легких.

– Группа «Запад» находится возле водохранилища юго-западнее от нас. Группа «Восток» блуждает по сохранившимся улицам города, периодически отстреливая из орудий зверя, – доложили с БТР, пока я внимательно изучаю агонию мутанта.

– Возвращаемся на базу! Доложите, что у нас потеряна одна единица.

17 января 2162г.

Эта ночь выдалась тихой. Странно, на этом континенте зверь буйнее, его больше, он неузнаваемый. Должно быть, это повышенный радиационный фон. Но на людей это особо не влияет, у солдат не было физиологических дефектов. Но кто знает...

Вместе с очередным рассветом над каждым убежищем снова и снова расцветает блестящий металлический цветок с зеркальными лепестками, собирающий солнечную энергию и подзаряжающий стационарные батарейные блоки.

Сегодня прибыли серьезные подкрепления. Рота солдат, несколько бронетранспортеров, пара тяжелых танков со встроенным генератором активной защиты и четыре боевых

вертолета, которые ожидают своих посадочных мест на вершине донжона.

По итогам разведки решено развернуть главное укрепление на месте кладбища. Это ровная широкая поверхность подальше от береговой линии, на которой уже располагается наш лагерь для предотвращения нападения с побережья. Такой же лагерь разместили западнее от кладбища. Примерно в полукилометре там находится бейсбольное поле. И еще одно – в полукилометре на восток.

Остальные транспортные вертолеты привезли материалы только для строительства донжона, которое немедленно началось на могильных камнях. Дальнейшие инструкции прочитать не успел, а радиосвязь и доступ в сеть будут только после завершения строительства, но так понимаю, все лагери и главное укрепление в скором времени преобразуются в первый сектор на континенте со своими производственными конвейерами.

Как только я доложил о том, что рукастые твари выбираются прямо из-под довоенных обломков, Бруев отправил целых два взвода с ультразвуковой пушкой прочесывать каждый метр бетонных залежей, находящихся между лагерями и донжоном.

Чуть больше дня, и вот последний штрих – боевые ВАП взлетают на тридцатиметровую толстенную башню и размещаются на ней, своим видом напоминая стрекоз с лесной поляны. Интерес одолел меня, и я сам поднялся на взлет-

ную площадку. Ветрено, но широчайший многокилометровый обзор открывает завораживающее зрелище.

Стоит сделать отметку о найденной и скрытой мною записке вражеского солдата, написанной ужасно кривым почерком. После появления связи с Агломерацией я смог воспользоваться сетевым компьютерным переводчиком. И вообще, как же призраки упустили факт языкового различия? Правда, думаю, это было сделано нарочно, чтобы мы не смогли ни о чем договориться с потенциальным врагом, обязательно создав конфликт. И теперь его не остановить...

Записка. Wilson Aleister.

Пишу на скорую руку, держа фонарь в зубах, батарейки почти сели. Я потерял свое дрессировочное устройство, поэтому не рискнул бежать ночью дальше и спрятался в южном входе тоннеля имени Генерала Douglas.

Я отправлен капралом Jones Christopher (TF0013) в разведывательно-штурмовую операцию к северному побережью возле Mason улица. Там высадились сбившие наш F-15 неопознанные летательные аппараты, не отвечающие на всех имеющихся радиочастотах. Нашей группе из четырех человек необходимо было только загонять выродков на врага и следить за происходящим, перед этим сделав пару залпов с Mk.153.

Но ничего не вышло, в момент, когда выродки были близки к броску, наши ракеты взорвались, не долетев до укреплений пришельцев. Взрывное пламя и дым растянулись над метал-

лическими конструкциями словно плащ, на котором высветились две белые, как звезды, вспышки. От неведомой ударной силы магистраль под нами тут же рухнула, окатывая непонятным сильным жаром от бетона. Все вокруг укреплений озарилось ослепительным светом, и выродки стали падать один за другим, поражаемые неизвестным оружием.

От толчка я отлетел и упал на что-то смягчившее удар. Бежал изо всех сил через кладбище. Кажется, кто-то из наших мчался за мной, я слышал выкрики, но не мог обернуться, чтобы посмотреть или помочь. Стыдно.

Подбегая к довоенному заросшему полю для гольфа, услышал, как за спиной рвутся снаряды, лязгая осколками по надгробным камням.

Перед атакой я разглядывал в бинокль темные гладкие силуэты, освещаемые со спины луной, создающей тонкий ореол вокруг тел. После увиденного мне кажется, это точно не люди. Может, где-то мутации коснулись человека и создали perfectman? Или это просто страх?

Сегодня ближе к ночи с востока на горизонте появился самолет, аккуратно приближающийся к нам, но недостаточно близко, чтобы атаковать. Разведка. Сейчас каждый пытается узнать друг о друге как можно больше. Никогда не видел, как из расположенных на теле башни широких глазков вырываются вспышки. Черная маленькая клякса беспомощно растеклась вдалеке на небе.

Ночью меня вызвал к себе Федор Александрович.

– В рапорте я нашел косвенные свидетельства того, что в момент обыска солдата в тоннеле, ты был один в комнате. Итог твоего распоряжения, – стал резко излагать полковник с момента моего первого шага по комнате полковник резко.

– Это преступление?

– Вот. Раз ты ответил именно таким вопросом, значит, от чего-то защищаешься, – его голос нейтрален и нервирует.

– С чего вы это решили?

– Ах, да... Ты же необразован, – я хотел перебить, но не успел. – Значит, так, раз тебе нравятся все эти интриги, тайности и прошлая жизнь, предоставляю тебе уникальный тур по неизведанным враждебным землям!» – с насмешливой торжественностью продолжил полковник.

– Чт... – я опять не успел.

– Молчи. Держи вот это, – он передал мне что-то похожее на рацию и немного полюбовался, как глупо я верчу ее в руках, изучая. – То самое устройство, которое потерял дикарь. Нет, не удивляйся, откуда знаю. Ты ж воспользовался сетью для перевода записки. Думаешь, своих солдат на таких операциях не контролируют по поводу приема и передачи информации?

– Не задумывался об этом. Простите, я без злого умысла.

– И я. Я вообще просто так, из интереса, – рассмеялся Федор. – Объясняю задачу. На востоке, откуда сегодня прилетел самолет, должна быть военная база или что-то подобное.

Пока вы разведывали южные направления, другие на востоке обнаружили восстановленный мост по направлению к довоенному Окленду.

– Я один должен туда дойти?

– Ну, один не дойдешь, слетаю потом сам туда! – он снова рассмеялся, и стол окропился его слюной. – Послезавтра, во вторник, к обеду прогуляться выйдешь вдоль береговой линии, потом по длинным мостам через остров Йерба Буэна и снова на материк. Пока не найдешь аэропорт, ха-ха, и не пересчитаешь самолеты, не возвращайся. По дороге можешь посмотреть, нет ли флота у них!

– Что я плохого делаю?

– Ты как последний штамм оспы, хранящийся в лаборатории.

– Вас же накажут за такой приказ...

– А это не приказ. Это влияние быстрого карьерного роста, твое внутреннее переживание, внутренний долг приютившегося дикаря и самоуправный выход с базы на выдуманную операцию!!!

– А если я вернусь?

В душе все переворачивается. Вспоминаю сады, вспоминаю Евгения, вспоминаю стройных официанток. Теперь я боюсь. Теперь мне есть что терять.

– Удивишь... Отправишься в Агломерацию и будешь жить до скончания времен садовником, – он опять ухмыльнулся. – У тебя неделя на прогулку, потом объявляю тебя по-

гибшим, документы на тебя ликвидируются, все имущество отходит обратно обществу. А пока ты там лазишь, у нас море работы по зачистке каменных полей и подготовке к строительству городов.

– А что с этим делать? – я вернулся к вопросу переданной мне находки.

– Использовать, что...

19 января 2162г.

Я сейчас на середине моста, у въезда на который расположена расстрелянная табличка «San Francisco. Oakland Bay Bridge». Спрятался под проезжую часть и сижу на балках по правую сторону моста. Вдалеке заметил длинную цепочку бронетехники и грузовиков с солдатами, заворачивающих навстречу. Пока они шумят своими двигателями надо мной, решил сделать эти записи и совершить радиопередачу на базу о приближающихся войсках.

Только интересно, зачем я все это делаю? Полковник не даст мне житья, уверен. За пределами Агломерации жизни мне тоже не дадут. Да и вернуться на Евразию уже не представляется возможным.

Хм. Снова прибегая к оптике, я рассмотрел прямо перед собой на противоположном берегу выкатываемые из ангаров истребители! До...

Неизвестное время.

Уже не знаю, зачем пишу, может быть оттого, что нет никакого желания помогать им. Меня заставляют переводить

свой дневник под постоянным надзором солдата за ржавой арматурной решеткой. Аммиачная вонь от него сбивает мысли и невыносимо раздражает.

Петлей веревки на шею меня схватили сверху, вытащили из-под моста и накинули мешок на голову. Я мог только отслеживать координаты и стороны света, проецируемые маской на сетчатку. Я в глубине материка. Около восьми часов езды. Уже который раз так...

Я потерял сознание от избиения после высадки, должно быть, примитивные методы устрашения. Потом очнулся в этой комнате. Приходили люди в халатах, кратко осмотрели меня и приняли решение снять с меня костюм.

Костюм забрал какой-то чернокожий мужчина, среднего телосложения, явно командующий здесь. Передо мной на железном столе лежит словарь с пожелтевшими страницами 1995 года издательства, карандаш, чистые листы бумаги и более ничего. Чтобы не вызывать подозрений, изредка пролистываю все это. Может, за отведенное время еще придет какая-то идея в голову.

Стоит отметить, как они радовались, когда обнаружили что я обычный человек, облаченный в чудо-костюм и с неизвестным им оружием. У этих людей гораздо больше возможностей, чем у Содружества. Думаю, они смогут исследовать оружие и сделать аналог, если в их аномалиях есть необходимые минералы. Очень опрометчивый поступок полковника Бруева.

Чтобы пожить еще немного, пожалуй, я попробую перевести пару своих первых страниц...

Неизвестное время.

Уже надоевший широкий конусный металлический светильник, мотающийся на проводе, зловеще разгоняет по комнате тени, напуганные желтым светом вольфрамовой лампочки.

Ничего не приходит в голову. Смерть давно кружит рядом со мной, пора принимать ее холодные объятия.

Спасибо судьбе, что дала шанс жить, а не существовать. Спасибо, что дала возможность оказаться «perfectman», как назвал нас убитый солдат. Спасибо пустоши за подаренную смелость в решениях, когда нечего было терять.

Памяти Берестова Михаила Сергеевича. Восстановленные события со слов солдат, допросов и домыслов.

– Вон, смотрите!!! Это он!!! Это младший лейтенант Берестов! – кричит солдат, указывая пальцем на тело призрака, будто брошенное на тротуаре вдоль катерных причалов.

– Бегом! К нему! – скомандовал офицер Севастьянов. – Поднимайте его, он без сознания!!! На броню! Мигом до донжона!

Трое рядовых подхватили размякшее тело Михаила и, водрузив на БТР, подняли столбом пыль, умчавшись в сторону виднеющейся отсюда взлетной площадки.

– Признаки жизнедеятельности в норме! Открытых ранений нет! На рентген и в Агломерацию! Срочно! – подлетев к укреплениям, продолжает командовать Максим. – Герой ты наш самодельный...

Если бы не радиопередача Михаила вооруженные силы Агломерации не успели бы организовать перед тяжеловооруженной атакой. Все наши силы были брошены на зачистку местности.

– Полковника уведомлять, товарищ лейтенант?

– Нет, потом лично сообщу ему.

– Так точно!

Спешно собрался экипаж транспортного вертолета, в него погрузили других раненых и отправили на родину.

Гражданский проекционный экран высветил сообщение на голубом прозрачном экране о срочном входящем вызове.

– Я слушаю...

– Евгений! Евгений Ефимович! Берестов нашелся! Принимайте!

– С ним все в порядке? Дайте с ним поговорить! – радостно спросил я.

– Он все еще без сознания! Таким мы его и нашли! Снимок переломов не показал, дыхание в норме, все вроде в норме, только в отключке! – объясняет сопровождающий.

– Расчетное время прибытия?

– Уже подлетаем! Полчаса!

Я сбросил сеанс связи и мигом направился в военное отделение, притормозив жестом проезжающий автомобиль. На ВОК28С12 зарегистрировал себя как гражданина, имеющего профессию и высокую квалификацию медика, готового принять карантинную работу.

Громадный металлический транспортный вертолет с голубым днищем неспешно спускается в каменную страну, создавая сильнейшие потоки воздуха под собой. Спустился грузовой трап.

– В амбулаторный транспорт всех раненных! – передаю в радиоэфир. – Грузим, грузим! В карантинный центр сектора! – нервничаю, быстро усаживаясь рядом с водителем.

– Сейчас будем, – оголяя белые как снег зубы, харизматично улыбнулся водитель.

Длинная и высокая машина военной скорой помощи, похожая на автобус, тронулась с места, тяжело разворачиваясь по внутреннему двору отделения. Пересекли ворота, пристроились в поток и движемся по основной дороге сектора через станцию метро до подъезда универсального центра восстановления и реабилитации.

– Стой! Куда?!

Я услышал крик фельдшера и обернулся. На очередном перекрестке Берестов выпрыгнул через задние двери, кувыркнулся и помчался во дворы, пытаясь скрыться.

– Что за черт? Берестов! Вернись! – передаю я в эфир. – Миша!!! Что с тобой?

Не получая ответа и уже перебегая дорогу, понял, что он бежит домой, который проехали минут пять назад. Я уже запыхался, но он продолжает отрываться, вот это выносливость.

Выбежав из технического узкого переулка между зданиями, обнаружил Берестова смотрящего то на букву «М» таблички спуска в метро, то на цифры «К28С12». Затем он развернулся и рванул в подъезд нашего дома, не узнавая или не замечая меня. Проследовав за ним и поднимаясь по лестнице, слышу, как наверху открывается и закрывается автоматическая дверь квартиры.

Поднявшись на его этаж, я подбежал к двери и стал звонить и колотить в нее.

– Миша! Что случилось? Расскажи, я помогу! – Но в ответ только тишина. – Миша, все решаемо! Ты же знаешь?! Я помогу тебе!!!

Пока я дергаю дверную ручку, меня посещают самые отвратительные мысли воздействия на него окружающей среды или чего-то еще. Чего можно так панически бояться? Вдруг боится, что его не примут таким?

Тут меня осенило, и я метнулся к соседней квартире погибшего Кости Чертова. Но не успел подбежать, как дверь разомкнулась в стены и меня встретила тяжелым ударом обжигающая вспышка «Когерента». Выстрелом в грудь Михаил уронил меня на пол и рванул куда-то вверх по лестнице.

Поднимающиеся солдаты подхватили меня и залили грудь

с обожженными голыми ребрами заживляющим раствором. Последнее, что я смог сделать, это указать рукой направление движения Михаила и заметить, что на спине уже нет вещмешка.

Очнулся в больнице. В медицинском отчете указано, что мне всего лишь пересажено левое легкое и сердце. Нужно воздержаться от нагрузок на стандартный срок в неделю. Покинув белые лазаретные помещения, обратился к планшетному компьютеру, который забрал из ячейки личных вещей.

Берестова обнаружили спящим на крыше с пустым пистолетом инъекции «Синтез-40» в руке. Под конвоем его отправили на карантин, где выяснилось, что под защитным костюмом скрывается совершенно другой человек! Чернокожий мужчина находился в священном сне. За это время его приковали за конечности и ждали, когда он проснется. Закон, о котором я рассказывал своему другу, отменили в декабре. Вторая попытка отработать схему получения гражданства не увенчалась успехом.

За то время, пока он спал, я забрал паспорт Миши в вещах заключенного и, отправившись в квартиру Чертова, нашел три дневника в скинутом вещмешке, один из которых принадлежит чужеземцу. Похоже, переведя и прочитав записи Берестова, чужеземец решил разыграть сцену бессознательного состояния в изъятom костюме, чтобы повторить события, о которых он узнал из дневника. Пистолет с дозой до сих пор лежал нетронутый в почтовом ящике квартиры Кон-

стантина Викторовича, соседа Михаила. Эта инъекция осталась не тронутой Семитом.

После пробуждения Тайлор рассказал, что Миша убит его людьми при попытке к бегству, а тело отдано прихвостням. Вооруженные силы в Северной Америке разбросаны между генералами, а их частые междоусобицы заканчиваются кровопролитием. Единой коалиции не существует, каждый тащит одеяло на свою сторону в бесконечных вооруженных конфликтах. Прочитав записи, ему захотелось так же, как Михаилу, примкнуть к Великому градостроению.

Солдаты добывают еще немного стратегической информации по расположению сил на материке. Тайлор, надеясь на милость, сотрудничает без принуждения. В момент, когда чужеземцу приставили «Когерент» к голове, под истерические крики я отправился домой переводить его дневник...

Сегодня тридцатое марта 2162 года. Избежав народного суда, я закончил художественную интерпретацию записей основанных на записях Михаила, записях найденных им, и по моим знаниям о нем и о событиях окружающих его. Оставляю книгу в библиотеке Пантеона как отметку об исторической вехе землян.

Почта: endymion63rus@gmail.com

Все события и герои вымышлены.

Любые совпадения случайны.

Notes

[
←1

]

(СерГа) Сергей Ю. Галанин – «А что мне надо».

[

←2

]

(Мемориал) Андрей А. Соловов – «Миротворец».